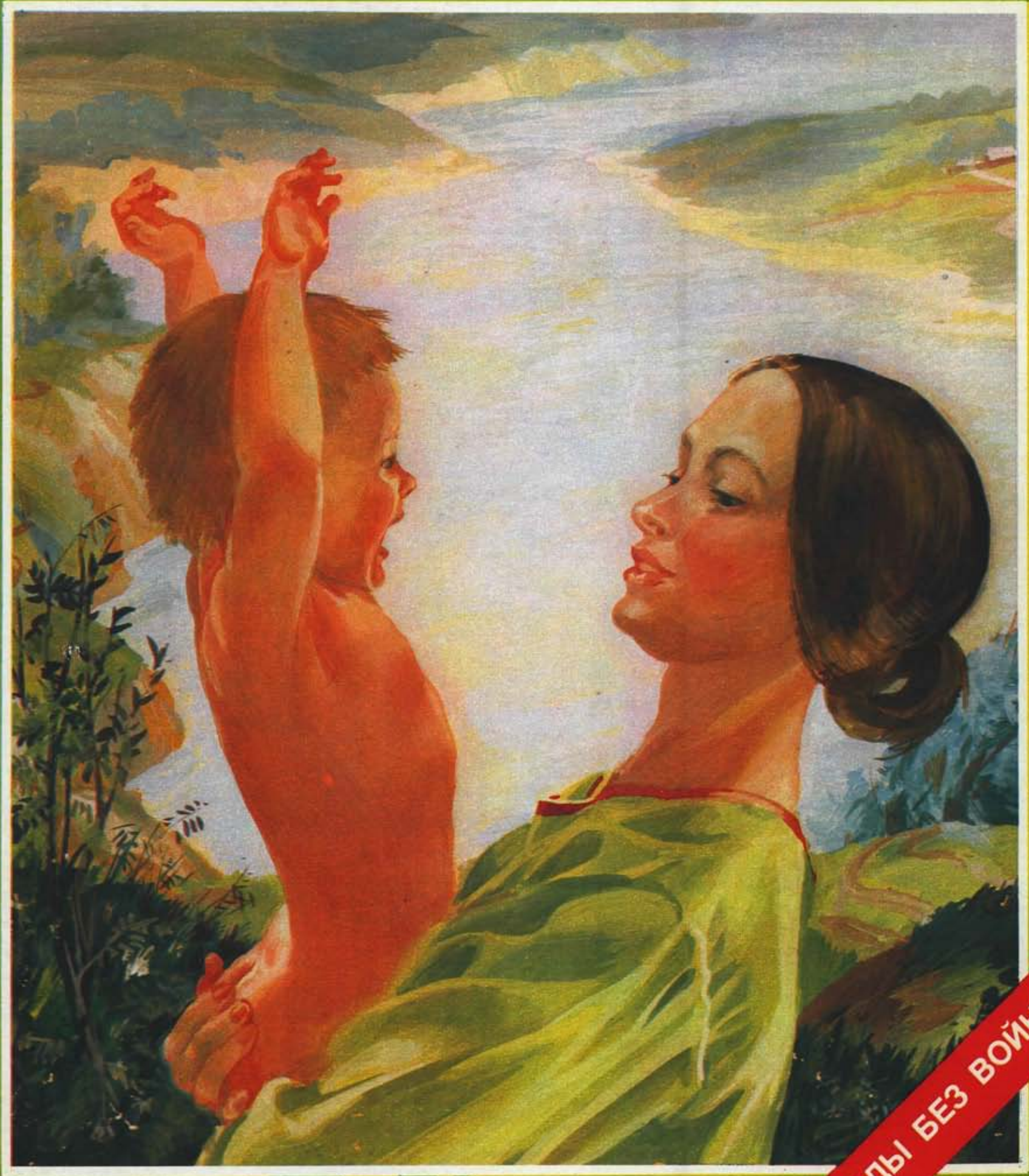

СМЕНА

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1983

ГОДЫ БЕЗ ВОЙНЫ

Валерий ХРАПОВ,
учитель школы № 99,
Москва

РОДНЫЕ СТЕНЫ

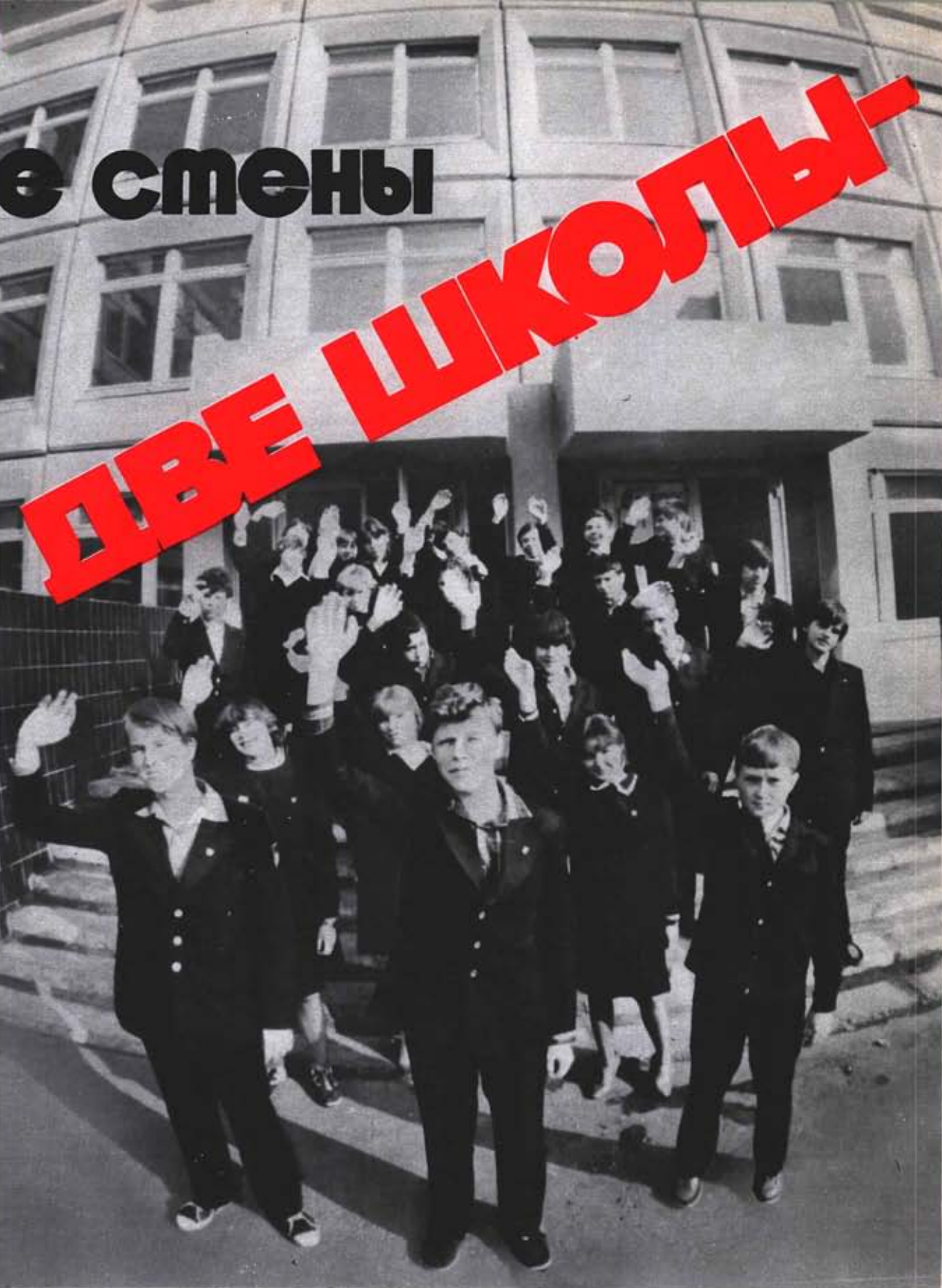
Наконец-то кончилось лето. А у учителя уже давно смутное беспокойство: новый год скоро! Готов ли ты к нему? Беспокойство это оправданное: как всегда, так и не удалось выполнить все те дела, которые были запланированы на летние каникулы. Сколько дразнящих свежестью типографской краски новеньких книг откладываешь, чтобы прочитать их именно летом, сколько намечаешь встреч с друзьями, поездок по разным достопримечательным местам, и вот смотришь на календарь: лето кончилось. Завтра первое сентября.

Завтра тебя будут одаривать бесконечными улыбками и множеством цветов. Среди них самыми дорогими и приятными будут букеты от ребят, у которых ты никогда не был классным руководителем. Смущаясь, что бывает с ним очень редко, протянет букетик астр Игорь Ковалев, тот самый, с которым ты воевал, вернее, за которого ты воевал весь шестой и даже седьмой класс. Кто-нибудь из родителей будет обязательно упрасивать, чтобы я взял в свой класс их «трудное» чадо. А в общем-то первый учебный день пролетит весело и молниеносно. И только усталость в ногах даст почувствовать, что провел пять уроков. Зато в автобусе будешь ловить завистливые и уважительные взгляды на твою охапку цветов и на тебя самого. Кто-нибудь даже потеснится и пропустит вперед — учитель едет!

А потом наступят обычные школьные будни, которым иногда придется отдавать даже часть воскресенья. Каждый вечер надо садиться и готовиться к урокам. Когда-то мама предупреждала, что учительское дело не для моего характера: надоест говорить одно и то же. Но за десять лет учительства не припомню и двух одинаковых уроков. Хотя уже давно знаешь, что говорить, все равно каждый вечер думаешь над тем, как сделать, чтобы тебе снова и снова были интересны и «Столыпинская аграрная реформа», и «Объединение Германии», и «Занятия греков в IX—XI веках», иначе они не вызовут никакого интереса у ребят. Вот тогда уж и для них, и для тебя 45 минут урока покажутся каторгой. И потому, дождавшись, когда все домашние утомляются, будешь сидеть до часу ночи, ломая голову над опорными конспектами, стараясь сделать материал завтрашнего урока образным, логичным и доступным, чтобы во всех ребячьих глазах мелькнул огонек понимания.

К тому же завтра на урок обязательно придут или директор школы, или инспектор роно. Потом они будут долго выпытывать, почему на уроке не была слышна монологическая речь учащихся и не приводят ли ответы по опорным конспектам к схематизму. Я буду объяснять, что мне надоело выслушивать бодрые ответы тех, кто все схватывает на лету, и мучить класс вялым перемином с ноги на ногу тех, кто этого не может сделать, буду доказывать, что тихий опрос вполголоса, когда все другие заняты письменными ответами, помогает, не унижая никого из ребят, **дойти до каждого ученика.** Разве это не одна из главных задач урока? Вот я и пытаюсь ее решать, а «схематизм» в данном случае — уже само по себе достижение для тех, кто раньше, выйдя к доске, вообще ничего не мог ответить.

Тут к нашему разговору подключится завуч и станет уточнять, почему из 6 «Б», где я классный руководитель, почти половина ребят не пришла в актовый зал на концерт, и когда же наконец появятся в школе родители Ушакова («он опять чуть не сорвал урок англий-

ЭТИ МОСКОВСКИЕ РЕБЯТА ПОЛУЧИЛИ ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОК — УЧЕБНЫЙ ГОД ОНИ НАЧИНАЮТ В НОВОЙ СВЕТОЙ ШКОЛЕ.

ского языка»), и правда ли, что Семенов болеет, а не прогуливает в очередной раз целую неделю, и когда я все-таки сдам перспективный план развития кабинета истории?

Но это будет только завтра днем... А утром я вновь буду злиться на соседа, который не пойдет вместе со мной штурмовать переполненный автобус. Ему это ни к чему. Опоздает он в свой НИИ на десять минут — никаких проблем. Он и на час может «задержаться» — творческий работник! А для меня пять минут — потеря невозможная. И дело не только в прохождении программы, дело в ребятах, в их отношении к урокам. Потому что прежде всего мы воспитываем их тем, как сами относимся к делу.

Сосед мне, правда, тоже завидует.

Завидует моему бесконечному двухмесячному отпуску в середине лета. Завидует, что не ему, а мне соседка сообщит о том, что сын ее сотрудницы пришел домой в слезах, когда узнал, что я буду вести историю в 5 «Б», а не у них, в 5 «А». И не его жена, а моя будет радоваться еще одному свидетельству педагогических способностей мужа.

Я же только еще раз удивлюсь: с чего это все взяли, что у меня есть педагогические способности? Ну, попал в школу не трудовик, не учитель физкультуры, а историк. Ну, действительно, в силу своего мужского характера я несколько по-иному, чем другие учителя, решаю наши каждодневные задачки. Там, где учительница физики кричит, что отправит подравшихся Тяпкина и Грибанова к директору, я спокойно прошу их выйти в коридор: как надерутся вволю, могут вернуться на урок, а нам с классом некогда.

Я часто удивляюсь судьбе, которая меня, имевшего прекрасную рекоменда-

цию для поступления в аспирантуру, умудрилась забросить в школу. Правда, не так давно я узнал, что мой дед был школьным учителем литературы. Но дед-то я и в глаза никогда не видел!

Помню, накануне выпускных экзаменов учительница литературы Татьяна Львовна объявила мне, как приговор: «Из тебя получится либо посредственный артист, либо хороший инженер, либо отличный учитель — выбирай». Выбрал я посредственного артиста с надеждой, что все-таки одолею предпроекаемую посредственность. У артиста, даже посредственного, наивно думал я, зрительный зал на тысячу мест, да еще кино, телевидение... в общем, слово его далеко слышно. А у учителя что? Полтора-двадцать учеников, да и все ли они внемлют твоим словам так, как словам артиста? Я рвался в театральный, но судьба — в лице различных приемных комиссий — дальше второго тура в храм искусства не пустила. Пришлось подумать о «синице в руках», и я подал

Встречи в Чикаго

Елена
КАВЕЛИНА,
Борис БАННОВ

Еджесси Маклин, учительницей из Чикаго, мы познакомились в московской школе. В составе группы туристов она путешествовала по нашей стране и посещение школы специально просила включить в программу. Интерес был профессиональный. Провела в школе весь день. Была на уроках и в младших и в старших классах, познакомилась с группой продленного дня, говорила с преподавателями и так подружилась с учениками

десятого «Б», что даже сыграла за их команду в матче по баскетболу. После встречи ей вручили на память спортивную майку с эмблемой класса, а потом пригласили на вечер под названием «Школьный вальс».

— «Школьный вальс», — повторила она, записывая в блокнот. — Что это? Вечер танцев?

— Нет, — ответили ей, — кроме танцев, там будут петь песни, читать стихи, а самодеятельный театр покажет отрывок из пьесы. «Школьный вальс» стал у нас поэтическим образом школы, симво-

лом дружбы, благодарности и уважения к учителям. В нем радость юности, грусть расставания и память о школьных годах, которая остается в сердцах на всю жизнь...

— О, как это прекрасно! — воскликнула Джесси. — Но, боюсь, меня не поймут в Америке, когда стану рассказывать обо всем этом. Просто не смогут поверить. Почему? В двух словах не объяснишь. Вот если бы вы к нам приехали и все посмотрели сами...

На урок под вой сирены

Обычное современное здание, ничего примечательного — стекло и бетон. На газоне два парня кидают друг другу тарелку. Это «фризби», «летающие тарелки» — в высшей степени популярное развлечение в Соединенных Штатах. Третий парень лежит на траве, наблю-

дает за полетом тарелки. Все трое жуют резинку.

— Это и есть народная школа Чикаго?

Парень окидывает нас безучастным взглядом и вновь поворачивается к играющим. Приходится решать самим, туда или нет привели нас запутанные развязки чикагских «хайвеев».

В вестибюле — толпа крепко сбитых, спортивных парней и девчонок, оглушительный гвалт. Мы испытываем ощущение полной потерянности в этом водовороте. Ау! Кто-нибудь, отзовись! Куда там, до нас никому дела нет. И вдруг к нам бросается школьница в джинсах, кроссовках и майке, с льянными длинными волосами.

Да ведь это Джесси! Право, она выглядит, как восьмиклассница.

— Да, да, это педагогический трюк, — поясняет Джесси. — Нас называют «новые учителя». Завоевываем доверие внешним сходством. — Смеется и добавляет: — Пока позволяет возраст...

Дослушать ее не удастся: ревет сирена. Это тоже новинка. Старый школьный звонок сдан в музей. Другими стали и промежутки между звонками, то есть гудками, — их дают в 8-03, 8-46, 9-02 и так далее. Только что окончился урок о вреде наркотиков, и Джесси ведет нас во внеклассную комнату. И здесь ученики орут истошными голосами, как в вестибюле, но вдобавок швыряются комиксами и учебниками. Некоторые сосредоточены: что-то читают, переписывают из тетрадей. Появление наше не вносит перемен в обстановку.

Джесси хлопает несколько раз по столу книгой и кричит: «Дети, тише, внимание! Я пришла к вам с моими русскими друзьями». Слово «рашн» — «русский» — производит определенное впечатление.

«Рашн, рашн, ра-а-шн», — распевают на все лады подростки. Этот обычай существует не только в Америке. Он бытует и у школьников в других странах — подхватывать какое-нибудь слово учителя и без удержу хором его распевать, пока не надоест.

— Первый раз вижу русских, — громко объявляет темнокожий парень. — Скажите что-нибудь по-русски.

Мы говорим. Уважительное внимание. Тридцать пар глаз пристально изучают нас. Тот же самый ученик подходит и кладет перед нами блокнот, открытый на чистой странице.

— Что-нибудь напишите.

Пишем: дружба, мир. Объясняем, что значат для нас эти слова.

— А как это звучит?

Пишем «спелинг», как это принято в словарях английского языка. Шевеля губами, ученик направляется к двери, раскрытый блокнот держит перед собой. Вдруг оборачивается и произносит картавя: «Дрюжба, ми-ир». И счастливо смеется.

В коридоре у подоконника девочка изучает какую-то книжку. Среди общей суматохи и гама на нее поневоле обращаешь внимание. Что ее приковало? Поглядели: «Что делать, когда вас арестуют» — написано на обложке. Действительно, интересно.

— Можно взглянуть?

— Вот еще, — отвечает читательница. — Сама читаю.

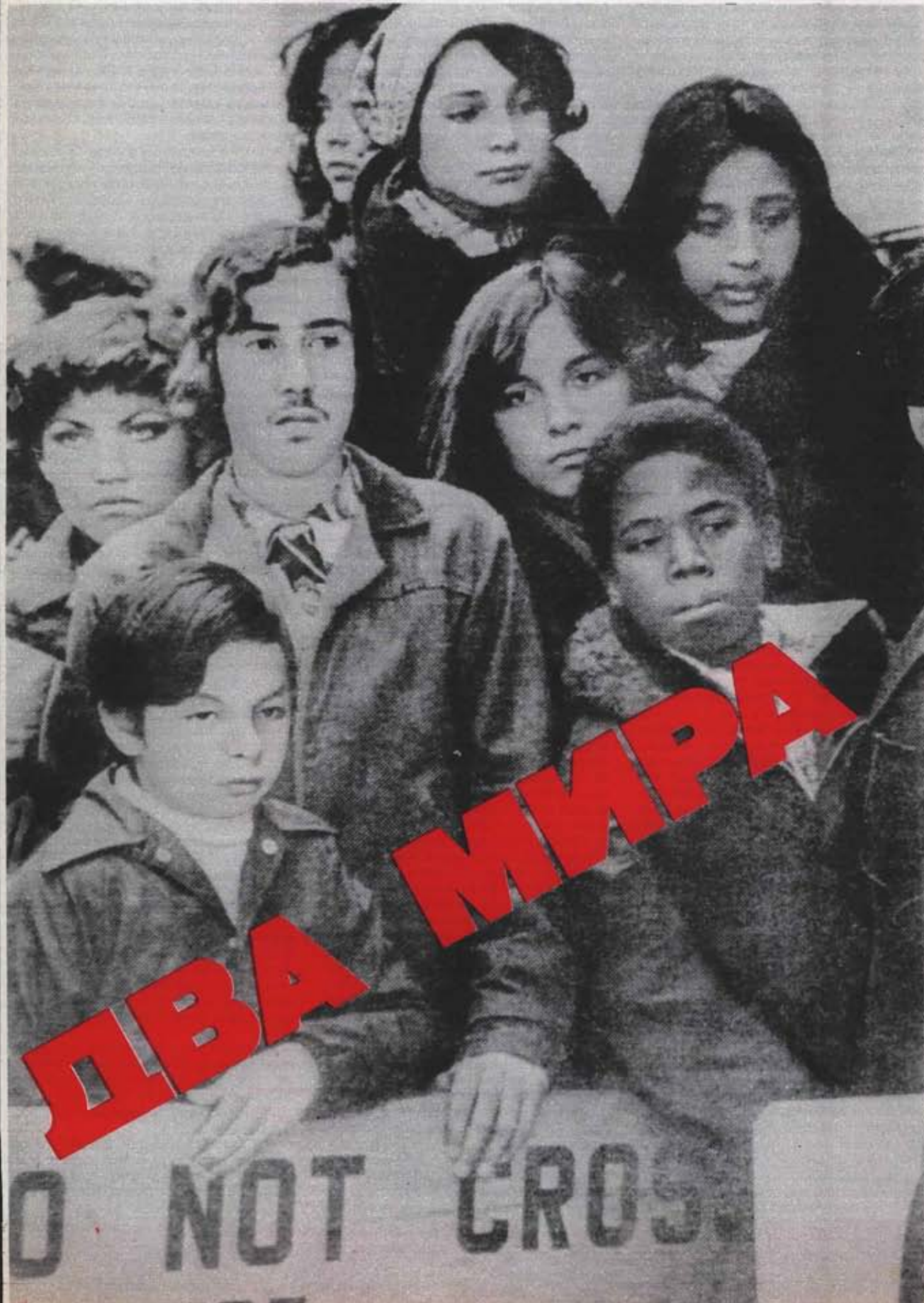
Да, подростки неразговорчивы и нелюбезны. А у Джесси, которая, очевидно, нам рада, дел по горло.

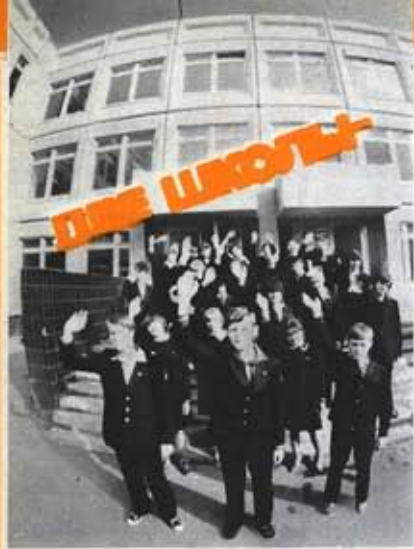
— Вечером приходите ко мне домой, — предлагает она. — Там спокойно поговорим, все вам расскажем...

Педсовет на дому

Диван и два кресла — типичная обстановка американской гостиной — были заняты, когда мы пришли. Здесь собрались коллеги Джесси. Нам она предложила расположиться прямо на пуши-

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ НАШИХ ДНЕЙ... ШКОЛЬНИКИ ПРИШЛИ НА БИРЖУ ТРУДА: У ОТЦА НЕТ РАБОТЫ, МОЖЕТ, НАЙДЕТСЯ ЧТО-ТО ДЛЯ НАС?

РОДНЫЕ СМЕНИ

Начало на 2-й обл.

документы в пединститут. Признаюсь, что, уже оканчивая его, не очень-то стремился в учителя, тем более что рекомендация в аспирантуру указывала на другой путь, мимо школы, надо было только немножко подождать. Так бы оно, наверно, и случилось, если бы не тесть, сурово заметивший мне, ожидавшему «подходящего места»: «Зря тебя, что ли, государство пять лет учило? Иди-ка, отработай сначала диплом, да и о семье подумай, у тебя сын растет — нечего болтаться между небом и землей!»

Случайно проезжая в своем микро-районе мимо новенькой, еще не отделанной до конца школы, мечтательно подумал: «Хорошо бы поехать в эту школу: чистая, светлая, прямо с иголочки!» Судьба услышала мою просьбу и в лице инспектора роно по кадрам направила в начале августа в эту самую школу-новостройку. В ней было все, о чем только может мечтать начинающий педагог. Был новый, молодой коллектив, были только что покрашенные, еще голые стены, которые предстояло оборудовать стендами, были в стенах и ниши, в которых надо было соорудить шкафы из бракованных досок, а потом заполнить эти шкафы книгами, картами, таблицами и диафильмами, привезенными с большими хлопотами из разных концов города. Радовали новенькие, еще не разрисованные столы-парты, которые пришлось поднимать в кабинет истории на собственном горбу, радовал еще незамыганный светло-желтый линолеум на полу, который потом вместе с ребятами приходилось отскабливать через каждые три-четыре недели. В общем, все было новым и непривычным, ко всему надо было еще приложить свои руки, силы и выдумку, хотя в пединституте нам об этом никто и никогда не говорил.

Не говорили нам, студентам, почему-то и о том, как можно быстро, всего за полчаса, проверить тридцать семь дневников; как провести в классе генеральную уборку, если половина назначенных учеников не пожелала на нее явиться, а другая не умеет толком даже надеть тряпку на швабру; как объяснить Вове Зайцеву романтизм Делакруа в картине «Свобода на баррикадах», если он и в седьмом классе не твердо знает грамматику за пятый класс; как втолковать «руководящему» отцу, что он должен хоть изредка вспоминать о своих детях и при этом не хвататься за ремень; как приучить себя не оставлять классный журнал в кабинете, сопровождая ребят в столовую, и как охватить завтраками все сто процентов учащихся, если девочки отказываются есть пшеничную кашу... Все это, словно Америку, приходилось открывать заново. Открывать и смотреть на радости и трудности школы теперь уже глазами учителя.

Это было сложно, но, как мне сейчас кажется, эти сложности были промежуточными. Чтобы их преодолеть, мало видеть школу глазами учителя. Надо одновременно приучать себя видеть ее

и себя в ней глазами учеников. Иначе ты будешь только числиться учителем, и, даже получая грамоты роно и гороно, останешься учителем без учеников, урокодателем.

Да, мы учили наших первых учеников, а они учили нас. Мы — это молодые учителя, пришедшие в школу-новостройку сразу же после институтской скамьи. Нас было много — девять человек из сорока! Мы горели желанием передать все доброе и светлое, чему научили нас. Но далеко не все наши ученики стремились погреться у этого огня. Особенно тяжело было с восьмыми классами. Они и в других школах самые трудные, а в нашей особенно — новостройка. Ведь школы района поделены с только что открывшейся, закладывающей традиции, на которых ей потом стоять и стоять, далеко не лучшими учениками. Особенно тяжело было идти на урок в восьмой класс после урока в четвертом. Там после каждого вопроса взлетал лес рук, а здесь в лучшем случае летали записочки. Чуть ли не каждый день начинался с выговора директора, потому что дежурные в «Б», где я был классным руководителем, в очередной раз оставляли кабинет истории небраным. И тогда я пробовал усовестить моих «бешников»: сам брался за швабру и подметал весь класс — не помогало, но временно спало от гнева начальства.

Постепенно я стал все чаще вспоминать слова Макаренко, что «дисциплина — не средство, а результат воспитания».

И результат был. Уже не только четвероклассники, но семиклассники и восьмиклассники бежали ко мне на урок и не очень торопились на перемену после него. Это были наши театралы.

Школьный театр возник случайно. Учительнице литературы Ольге Федоровне поручили подготовить композицию к майским праздникам. Она подобрала стихи и музыку, сагитировала правдами и неправдами человек двадцать из седьмых-восьмых классов, но как-то скучно все у них получалось. Пригласили меня, успевшего уже похвастать, что пять лет играл на сцене Народного театра ЗИЛА, а три года до этого — в знаменитом на всю Москву школьном театре. Честно говоря, в тот первый год работы в школе мне было не до театра. «Только бы разобраться с 8 «Б», дежурство наладить, к урокам подготовиться получше, да и о трехлетнем сынишке подумать не мешает. Но и отказывать неудобно, — рассуждал я. — Товарищи новые, школа новая, традиции закладываем. «Как аукнется, так и откликнется...» И все-таки стал помогать: учил говорить со сцены, двигать, расставлял, монтировал отдельные куски, хотя постановщиком никогда себя не мыслил. И у меня получилось. Точнее, не у меня, а у нас.

Переполненный актерский зал грохотал пятиминутной овацией. Глаза, лица и у зрителей и у артистов горели, сверкали радостью. Быть может, впервые все почувствовали внутреннее единство. Для сидящих в зале ребят наша двадцатиминутная композиция была неким «чудом»: им не верилось, что их товарищи, их одноклассники способны на такое. В школах, где они прежде учились, учителям, как видно, было не до композиций...

Так родился наш школьный театр. Успех окрылил. Вслед за новогодним капустником поставили ко Дню Победы композицию о войне по рассказам Василя Быкова и стали победителями районного смотра. Но главное было в другом: и нам, учителям, и ребятам все яснее становилось значение короткого, но емкого слова «Мы!».

Однако оставались еще ребята, которых мы никак не могли сделать союзниками. Слишком часто за восемь лет школьная жизнь была для них источником неприятностей, слишком много было с ними упущено, хоть и не нами, но от этого легче никому не становилось. И все же добиться с их стороны какого-то вроде «благожелательного нейтралитета» стоило попробовать.

Идею привез из райкома комсомола наш организатор внеклассной работы Сергей Алексеевич Шелехов: «Зарница!» Не дожидаясь, пока раскастается военрук, учителя-комсомольцы составили штаб. Всю третью четверть самые наши «трудные» ребята Зайцев, Белихин и Плохоцкий бегали с поручениями начальника штаба «Алексеича»: пакеты с приказами доставляли командирам батальонов «красных» и «синих». Ими были мы с Борисом Ивановичем — учителем физкультуры. Своей полковничьей папайой, доставшейся в наследство от отца, Борис перецеголял всех. Ребята тоже изобретали поганы и нашивки. К заключительной игре напротив школы готовили взводы и отделения стрелков, гранатометчиков, лыжников, санитаров, саперов, связистов. Ребята жили ожиданием. Теперь в школе было интересно и Зайцевым, пусть не на уроках, но интересно.

Игра была грандиозной. Шефы из воинской части сопровождали ее шумовыми эффектами. Два флага, стремительно для одних и медленно для других, неслись по заснеженному полю к вершине склона. «Красные» во главе с Борисом Ивановичем достигли ее первыми и ликовали. Но, думается, победителями были все: ребята, осознавшие, что значит быть организованными и дружными, и мы, учителя, которые отчетливо увидели, какими могут быть наши ученики, если их вовлечь в интересное, полезное дело.

Вообще-то по неопытности и по молодости мы были тогда еще и «самодеями»: находились в школе по десять — двенадцать часов да еще дома к урокам готовились, книг по педагогике читали мало, чаще сами изобретали... велосипед. Сколько сил положил я, например, на оборудование своего кабинета историей! Проектировал хитроумные шкафы для карт, таблиц, диафильмов, пластинок. Сам же потом просился осуществлять проект. На помощь пришла мои шестиклассники. Но они, даже стараясь изо всех сил, не могли до конца завернуть ни одного шурупа. Докручивал сам. Но стоит ли жалеть об этом? Ведь я не только оборудовал кабинет, а и постигал простую, но трудную истину: людей сближает общее дело, как это было и с театром, и с «Зарницей». Постепенно я обрастал товарищами среди ребят.

Вот почему Игорь Ковалев, видя, как я терпеливо жду тишины в начале урока, приосанившись, со своей первой парты будет успокаивать класс: «А ну, тихо! История начинается!». А Миша Тезин в десятом классе срывает меня благодарством от ответа, ибо когда я задорно группу ребят в умышленном опоздании, он заметит: «Что вы, Валерий Евгеньевич?! На историю? Как можно?»

Но это будет потом. А тогда мне казалась вершиной мудрости поговорка «Дружба дружбой, а служба службой». В преломлении к школе это означало: театры, походы, работа в кабинете — это одно, а уроки — другое. На уроках, голубчики, я буду спрашивать с вас знания, и не ждите от меня подачек в виде липовых троек! Меня действительно часто раздражали безделье за партой, эпизодическая увлеченность какими-нибудь подробностями из жизни Людовиков, и при этом нежелание открыть дома учебник. Тогда появлялись новые «велосипеды». Придумал карточки, с помощью которых можно за пять минут опросить весь класс. На радость завуча, у меня в классе была самая высокая «накопляемость отметок». Только Косте Ефимову, переставшему толком учиться еще в четвертом классе, от этой накопляемости легче не становилось. У него накапливались двойки. Он стал списывать, я — ставить ему единицы за обман, и потерял в нем друга. Оставаясь учителем, я перестал быть для него педагогом. Педагогом в самом изначальном смысле этого слова: ведущим за собой ребенка.

А чем виноват Костя? Тем, что вечно подвыпивший отец не давал семье покоя ни днем, ни ночью, и двор стал для Кости единственно родным пристани-

щем? А виноват ли Димка Алабушев, что ему нужно несколько уроков, чтобы осознать и запомнить пройденное? А сколько ребят там еще в начальной школе отбили охоту учиться бесконечными замечаниями в дневники, двойками не-которые ретивые учителя, которым процент успеваемости мешает видеть в ребенке человека? Да ведь и я тоже далеко не всегда даю живые, интересные уроки, однако каждый раз являюсь для ребят судьей последней инстанции...

И вот для того, чтобы мой суд был всегда справедливым, праведным и не обижал ребят, я стал внимательно читать и перечитывать Корчака, Сухомлинского, Макаренко, книги серии «Передовой педагогический опыт». Теперь я каждый вечер переводил скучные параграфы учебников в доходчивые, занимательные символы опорных конспектов.

В классных журналах на страницах «История» я стал ставить двойки и тройки только карандашом: дорога к знанию ни для кого не закрыта случайностью. Нужна помощь — подходи к учителю, к товарищу, который лучше усвоил материал, — объясним. Стало правилом, что в любой день и час, на перемене и после уроков можно ликвидировать пробел, и вместо двойки появится пятерка, а главное — уважение к ученику как к человеку.

А у меня появились теперь замечания за неправильное ведение журналов. Сколько ни ссылался я на инструкцию, где нет ни слова о запрете ставить отметки карандашом, сколько ни доказывал, что такая практика только сближает учителя со школьниками — ничего не помогало. «Правила ведения журнала для всех одни!» — отрезала новая директриса. Тогда вместо двоек и троек я стал ставить условные точки и теперь получал замечания за них.

— И не надоело тебе воевать с женщинами? — спросил меня зашедший навещать школу бывший наш физрук Борис Иванович. Четыре года назад он ушел из школы, став начальником пансионата одного из крупных заводов. — Чего ты тут небо коптишь? В кино-то когда последний раз был? Полгода назад? Книжки, небось, только в автобусе и читаешь? Неужели ты не можешь найти работу, достойную мужчины? — сыпал на меня свои вопросы Борис Иванович.

Я молчал. Я почему-то вспомнил, как в День учителя после поздравлений ребят и маленького концерта Борис Иванович, наш Боря, поднялся на сцену и сказал, что тоже хочет преподнести ребятам маленький подарок и, повернувшись спиной к залу, прямо со сцены сделал обратное сальто в зал и ушел под шквал аплодисментов. Надо ли было тогда в нашей школе кого-то агитировать за физкультуру?

А теперь мне предстояло ответить на вопросы бывшего коллеги. Ответить так, чтобы и его не обидеть, и против правды не погрешить. И я сказал, что совсем недавно в одной философской книжке прочитал о том, что деятельность педагога по сложности стоит на втором месте после деятельности художника — творца искусства. И если мы, школьные учителя, не творим, то, во всяком случае, помогаем творить самое важное произведение на земле — Человека. Это со всей определенностью отметил ионанский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС, указав, что школьный учитель сегодня — это «доверенное лицо общества в воспитании наших детей, надежная опора партии в агитации и пропаганде, во всей идеологической деятельности».

Я боялся, что мои слова покажутся Борису высокопарными, но он, очевидно, уже давно жил совсем другими измерениями и стоял на своем:

— Значит, так и будешь всю жизнь работать в школе?

— Буду, Боря, буду. Потому что это самая настоящая мужская работа. Ну, а если когда-нибудь и уйду, то в науку. И только для того, чтобы попытаться сделать нашу школу еще лучше.

ВСТРЕЧИ В ЧИНАГО

Начало на 1-й стр.

стом ковре, покрывающем пол от стены до стены. На нем тоже сидели гости.

— Знакомьтесь, это мои друзья,— сказала Джесси.

Было видно, что большинство приехали сюда сразу же после занятий. Джесси всех угощала растворимым баночным кофе, чаем «липтон» в пакетиках, сыром и крекерами.

— Признайтесь, вы себе и не представляли, что в школах может быть такой кавардак?—спросила нас Джесси, доставая посуду.— В советских школах совсем не так... Вы видели полицейских, что стоят в вестибюле? Они там всегда дежурят. А заметили, как на лестницах курят? Это марихуана...

— Школа семидесятых годов— сплошная идиллия,— сказала тоненькая блондинка со стаканом кока-колы в руках.— Жвачка на уроке, беготня считались серьезными нарушениями дисциплины. Не подчиниться учителю— дело неслыханное. Все ныне встало с ног на голову. Учителей ни в грош не ставят. Никто не горюет, если получит двойку.

— Школа спасала детей от грязи,— подтвердила пожилая учительница.— Теперь этот грязный мир к нам ворвался, как взломщик. Почитайте газеты. В каждой пишут об ограблениях, хулиганстве, садизме. И все это очень часто творят не гангстеры-профессионалы, а наши ученики в наших школах. Да, в классы льется вся грязь, вплоть до наркотиков...

В статье «Преступления в школьном классе» журнал «Ридерс дайджест» привел мрачную подборку фактов о преступности в американских школах.

...14-летняя девушка была ранена в школьном туалете ножом в спину. Она доставлена в больницу скорой помощи с проникающим ранением левого легкого. Удар нанесла подружка, 15-летняя одноклассница, приревновавшая ее к общему знакомому.

...Двое школьников— 15 и 16 лет— со скуки разбивали кувалдой музыкальные инструменты, пишущие машинки, другое оборудование в аудиториях, унитазы и раковины в туалетах своей школы под Нью-Йорком. Причиненный ими убиток превышает 50 тысяч долларов.

На американских учителей, пишет журнал, ученики ежегодно совершают 75 тысяч нападения, в результате которых требуется помощь врачей.

Ни читать, ни писать...

Эвелин Джонс преподает английский язык и литературу. Ей за тридцать. Но постоянную работу она получила совсем недавно. Пять лет была «учительницей по вызовам». Это форма использования безработных учителей. Они выезжают школы района, где проживают, и становятся в них на учет. В картотеку записывают предмет преподавания, адрес и телефон. Когда понадобится кого-нибудь заменить,— позвонят, пригласят

дать урок. Не приедешь— больше не позовут.

— Живешь, словно в пожарной команде,— говорит Эвелин.— Однажды меня вызвали дать урок в предвыпускном классе. Не частной школы, которая для богатых, а такой, за которую платят из казны штата. Для начала вызвала ученика, попросила его написать на доске название темы, которую проходили на прошлом уроке. Рослый парень взял мел и устоял на меня. Ну, думаю, не знает, как пишется слово. «Вот, возьми мой словарь, найди слово и перепиши»,— говорю ему. Вместо этого он басыт на весь класс: «Она чокнутая!» Я ушам своим не поверила. Тут поднялся его приятель и говорит: «Мэм, нас такого не спрашивают никогда». Потом мне сказали, что есть много таких, даже и в старших классах, кто не умеет ни читать, ни писать...

В подтверждение своих слов Эвелин протянула нам номер журнала, в котором абзацы были испещрены красным и желтым фломастером. Поразительная картина страны— «вершины цивилизации», как в рекламных статьях называют Америку. Журнал писал о юноше восемнадцати лет из Нью-Йорка, который не ездит в метро, потому что не умеет читать названия станций и разбираться в табличках о пересадках. И о многих других подобных фактах. Одна из крупнейших юридических фирм, например, открыла курсы ликбеза для молодых юристов, окончивших университет: обнаружилось, что они в большинстве своем не умеют грамотно писать. «Когда я смотрю на страницу текста, то вновь и вновь убеждаюсь, что не в силах сложить ни единого слова. Иногда мне приходят по почте открытки от моих друзей, они пишут печатными буквами, но я все равно не могу разобрать, о чем они пишут»,— рассказывает Иннета Буш, 30 лет, из штата Мичиган. По данным официальной статистики, практически не умеют читать 23 миллиона взрослых американцев. Другими словами— каждый пятый! А еще тридцать миллионов человек с превеликим трудом, шевеля губами, складывают из букв слова, еле-еле преодолевают надписи на пакетах, на вывесках, названия кинофильмов.

— За многие годы практики я убедилась,— пояснила нам Эвелин,— что неграмотность— это проблема бедных. Наши бесплатные средние школы живут на дотации государства. Они не дают надлежащих знаний. Переполнены классы, не хватает учителей— на них «экономят». Домашние задания проверять не успеваем. Мы не можем отвечать за то, что оседает в мозгу учеников. Говорим так: знания— это деньги. Бери, если можешь. Не взял— пеняй на себя. Но тут есть порочный круг. Если ты из бедной семьи, то у твоих родителей нет знаний и времени, чтобы следить за твоими успехами в школе. Нужда гонит за долларом как взрослых, так и детей— лишь бы где-нибудь что-то подзаработать. И тут уж не до учебы. Мы смотрим сквозь пальцы: тех, кто усваивает хотя бы устные объяснения, переводим автоматически из класса в класс.

Рассказ Эвелин подтверждают исследования социологов и статистика. Среди белых американцев неграмотно 16 процентов, среди черных— 44, а среди латиноамериканцев, проживающих в США,— 55.

Расизм с пеленок

Можно ли, слыша, как ребенок говорит и читает, определить цвет его кожи: белый он или черный?

Вопрос Линды Патерсон не застал нас врасплох. Наверное, можно. Ведь мог доктор Хиггинс из «Пигмалиона» сказать, где живет человек— на Пикадилли или в трущобах Сохо,— стоило тому лишь раскрыть рот.

— Да, да, совершенно верно,— кивает Линда.— Если мне завяжут глаза и введут в класс, мне достаточно услышать всего несколько фраз от любого ученика— и я назову цвет его кожи. Жизнь в трущобе, да еще в черной семье

накладывает на детей неизгладимый отпечаток. К сожалению, навсегда.

Сама Линда— белая. Несколько лет назад вместе с друзьями добровольно работала в Гарлеме, негритянском гетто Нью-Йорка.

— Мы устроили там благотворительный детский сад,— рассказывает она.— Думали хоть таким способом оградить детей от ужасных условий, в которых они рождены и живут. Ведь ребенок— безвинное существо, но с пеленок он несет наказание: попадает в нищету, как в тюрьму. И нет никакой надежды вырваться...

Линда помнит всех своих маленьких подопечных. Она рассказала нам трагическую историю одного из них. Звали его «немой Томми».

Томми не был немым от рождения. Просто дома никто не беседовал с ним, так что ему некому было сказать и двух слов. Томми привык молчать. Жил он с матерью, отчимом и двумя младшими сестрами в трущобах. Здесь обвалилась штукатурка, не работала канализация, на кухне было полно тараканов. Отчим пил. Мать лезла из кожи, чтобы дети не померли с голоду.

В детском садике «немой Томми» понемногу перестал дичиться, а вскоре заговорил и начал играть с детьми. Воспитательницы не могли нарадоваться и шутили, что теперь Томми станет хорошим оратором, будет диктором на телевидении или сенатором,— ведь те, выступая в конгрессе, произносят речи иной раз по несколько часов.

Но вот однажды ни Томми, ни его сестренки не явились в детсад. Воспитательницы думали, что дети болеют. Лишь позднее они узнали, что произошло. Оказывается, пьяный отчим за какую-то шалость загнал детей в стеной шкаф, закрыл двери и заколотил снаружи доской. Он орал, что не выпустит малышек никогда и они подохнут в шкафу. После этого отчим завалился спать. А утром мать пришла после ночной работы и вызволила детей. Они задыхались в шкафу и были уже без сознания. Откачать удалось. Но Томми утратил дар речи.

...Документ называется «Портрет неравноправия: черные и белые дети в Америке». Фонд защиты детей призывает конгресс и хозяина Белого дома обратить внимание на чудовищное положение черного населения. Черные дети умирают вдвое чаще, чем белые. Их плохо лечат. Большинство вынуждено бросать школу. Темнокожих три четверти среди безработных. В графе малолетних преступников и жертв преступлений их в два раза больше, чем белых.

Линда разводит руками.

— Разве я в силах разубедить темнокожего ученика, когда он говорит: «Вы не можете понимать мои нужды и проблемы черных людей. Ведь вы белая, а я чернокожий. Мы живем в разных мирах». Что на это ответить, когда вся Америка погрязла в расизме?

«Я упал в страшный мрак»

Сколько девочек и мальчиков в Америке убегают из школ? Более миллиона. Как правило, эти дети бросают и собственный дом. Бегут, куда глаза глядят, не зная, где будут спать, что станут есть. Это дети из бедных семей. В большинстве своем о них дома и не горюют: исчез лишний рот. Поэтому дело о беглецах считается мало важным.

О «выпавших из системы» нам рассказывал известный американский юрист Кеннет Вуден.

— Триста тысяч детей и подростков— беззащитных, брошенных,— говорил он,— влачат горестное существование в детских тюрьмах Америки. Эти дети не совершили уголовных преступлений. Их содержат в холодных бетонных камерах, где сыро и запахи мочи смешан с вонью гнилых продуктов, сюда не заглядывает солнце, и здесь никогда не слышно смеха. Эти детские тюрьмы называются

«исправительными школами», «центрами по воспитанию» и т. д.

— В Бирмингеме, в штате Алабама и в других местах,— рассказывал Вуден,— я видел юных граждан США, которые сидят в клетках, подобных «тигровым клеткам», как во Вьетнаме времен сайгонского режима. Я разговаривал с девочкой, убежавшей из дома и за это посаженной в городскую тюрьму Минот (Северная Дакота). Две трети всех девочек, находящихся в американских тюрьмах, подобно этой несчастной, заключены за действия, не являющиеся преступными.

В тюрьме Техаса инспекция ФБР обнаружилась молодых заключенных, зверски избитых и отравленных газом. В Пенсильвании дети сгорели во время пожара в камерах предварительного заключения. В штате Вирджиния тюремная инспекция нашла мальчика, который был в камере подвешен вниз головой. Из таких детских тюрем вышли садисты Чарльз Мэнсон, Гарри Гилмор и другие— «воспитанники» детских тюрем составляют 80 процентов всех заключенных в американских тюрьмах для взрослых.

Дети Америки, попавшие за тюремные стены, отчаянно хотят, чтобы их услышали. Вот полные безысходности стихи четырнадцатилетнего подростка, окончившего жизнь самоубийством в тюремной камере:

*Есть в земном шаре трещина,
Я упал туда, в страшный мрак.
Люди вперились сверху в меня,
Что у них на уме:
Оставить меня здесь превращаться
в гниль?*

*Или вытащить вновь на свет?
Я живой или мертв уже?
Боже мой, кто спасет меня
Из этой трещины?*

Кеннет Вуден рассказывал нам о школьниках, заключенных в тюрьмы.

300 тысяч детей и подростков в стенах Америки. Из них больше таких, кто действительно нарушил закон, стал преступником. Профессор Марио Фантини, декан Государственного университета в Нью-Йорке, говорил, беседуя с нами: «Когда люди, особенно дети, чувствуют себя бессильными, видя крах всех стремлений к работе и жизни, наполненной смыслом, они начинают мстить несправедливой судьбе».

«Усынови школу!»

Государственные школы Америки приходят в упадок. В этом году Пентагон опять «съел» 260 миллиардов долларов из бюджета. В Бостоне школам недодали один миллион— это значит, кое-кому за парты не хватит места. Всего по Америке этот учебный год «прогуляют» 200 тысяч детей. Принимая пополнение, армия безграмотных американцев!

«Усынови школу!»— с такой просьбой Америка обращается к частным компаниям. Майки с лозунгом «Позаботься о государственных школах!» треплет ветер на сувенирных лотках. Выручка от продажи лишь едва прикрывает дно нищенской кружки с надписью: «На просвещение». «Добровольцы» за полцены подменяют уволенных учителей...

Вот выдержки из сочинений школьников:

«У нас бессмысленная программа...»
«С какой стати учиться, когда нет работы?»
«Почему у нас нет справедливости?»
«С каждым годом мне все труднее и труднее жить: не знаешь, кому верить и что делать...»

Их тревожит, что будет война, что отец или мать потеряют работу, что сами они никому не нужны, что их ждет безработица, а значит, и нищета...

— Я спросила однажды детей: как хотели бы вы помочь школе сами?— говорит на прощание Джесси.— И знаете, что я услышала? «Мы сожгли бы ее и построили другую». Думаю, что нам действительно надо начать все сначала. И так, чтобы наши ученики тоже запомнили свой «Школьный вальс» на всю жизнь...

Наша обложка:
рисунок
Юрия ИВАНОВА
по фотографии
Леонида БОРЦОВА.

- 1** ДВЕ ШКОЛЫ—ДВА МИРА.
- 4** Стихи Кайсына КУЛИЕВА и Раисы РОМАНОВОЙ.
- 5** А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 6** ЗРА БИОЛОГИИ.
Александр БАЕВ, академик. «ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИНЖЕНЕРИЯ».
- 8** Петр ПРОСКУРИН. «СОТВОРЕНИЕ ДУШИ».
Автобиографическая проза.
- 12** НАВЕКИ В РЯДАХ КОМСОМОЛА.
Марина ЧЕЧНЕВА, Герой Советского Союза.
«БЕССТРАШИЕ».
- 14** Валерий ЕВСЕЕВ. «ТОЧКА НА ТРАССЕ».
- 15** ЧИТАТЕЛЬ—«СМЕНА»—ЧИТАТЕЛЬ.
«РУБЛЬ ЗАРАБОТАННЫЙ И ПОТРАЧЕННЫЙ».
- 16** ОТЕЧЕСТВО.
Леонид ПЛЕШАКОВ. «ДУНИНСКИЕ ПРОСЕЛКИ».
- 18** Стихи Георге ЧОКОЯ.
- 22** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 24** Олег ТРЕГУБОВ, мастер спорта.
«СКОРОСТЬ В МОИХ РУКАХ».
- 25** ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ—ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ.
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «ДИВАН В ЧУЖОЙ КВАРТИРЕ».
- 28** Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».
- 32** ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

Кайсын КУЛИЕВ.

Храните святость птичьего гнезда

Храните святость птичьего гнезда,
Оно для птиц
 всего милей на свете:
В нем теплота покоя разлита,
Когда сгибает рошу ветер.
Пусть не коснется дерева
Топор.
Пусть оно плещет
 ласковой листвою,
И пусть его цветной живой шатер
Всегда спасает нас от зноя.
Безмерна боль разбитого гнезда!
И сам я испытал страданья эти...
А вдруг и песня
 смолкнет навсегда,
Коль больше нет гнезда
На свете?

Книга признаний

Эта книга признаний
О том,
Что я в сердце таю:
О годах испытаний,
О ранах тяжелых в бою,
О любви,
Победившей
Страданья беды и войны,
О любви,
Воскресившей
Сиянье далекой весны.

Раиса РОМАНОВА

Два пространства

Светят мне наяву и во сне
Два пространства—
 Души и Равнины.
Расцветая во мне и вовне—
Побратимы они, посестрины...
Но, как сон, изменяется день:
Зреет мрак у небесной околицы...
Время дует мне в душу:—Надень
Годовые—для прочности—
 кольца...
И разбойно свистит у виска,
И пространство Равнины сминает,
Сивым ветром метет по пескам,
Желтым цветом леса осеняет.
И, сверкая в холодном огне,
Бродит, хрупкую душу недужа...
Обнялись два пространства
 во мне—
И прижались друг к другу
 от стужи.
Не разьять их,
 как Лейденский шар,—
Сердца чуткого две половины!
Страшен только
 вселенский пожар
Для пространства
 Души и Равнины.
Две сестры беззащитных моих!
Заслону их руками! Закрою!
Ведь дана им одна на двоих
Эта хрупкая жизнь под звездою.
Пощади ты их, Время! Не трать!—
И, ни с чем под луной
 не сравнимы,
Будут так неизбывно сиять
Два пространства—
 Души и Равнины!..

Эта книга признаний
О женщине нынешних дней:
Доброту она дарит
Судьбине жестокой своей!

Эта книга признаний в любви
И к цветам,
И полям,
К муравьям,
И младенцам,
И горным ручьям,
К яркой россыпи звезд,
К неизбынным огням очага—
Это все, что пронес,
Чем бессмертная жизнь дорога.
Эта книга признаний в любви
К тем, с кем был я в строю.
Жажда жизни пронзает в ней
Каждую строчку мою.

Отвергаю вражду,
Отвергаю и злобу и кровь.
Мир бессмертен,
Как в мире бессмертна любовь.

Весенний свет

Ты лишь одна—
 весенний яркий свет,
И голос твой лучом весны согрет.
Пусть нависает осень надо мной,
Пусть угрожает близкою зимой,
Но, охраняя
Жизнь мою от бед,
Сияет твой весенний, яркий свет.
Вот я простился с осенью моей...
Короче дни,
И ночи все длинней...
И снег идет...
Но все живет весна:
Тобою мне дарована она.
Сама весна поет в любви твоей,
С тобой зима холодная теплей.

Перевел с балкарского
Борис ДУБРОВИН.

Напевы

Это мама:
с тонкой кисточкой в руке
Густо краски
на палитре растирает,
Ждет отца с учений трудных
и в тоске
Тонким голосом
«Рябину» распевает...
Это бабушка: в приданое себе
Разнотравье с петухами вышивает
И «Лучинушку» заводит,
а в трубе
Кто-то тонко
и согласно подвывает...
Это дед: басит сквозь сивые усы
«Ваньку-ключника»
и косу остро правит...
Это шелком
расшивает для красы
Полботинки неаглядной своей
прадед...
Сам поет он
про вечерний тихий звон,
Про бродягу
да про горы золотые,—
А в глазах его—
 поля со всех сторон,
Речки ласковые,
взгорки некрутые...
Вот прапрадеды сидят...
Один-то рус,
А другой—
 черней кавказской летней ночи.
Он выводит песню,
нежную, как Русь,—
Знать язык
и душу милой своей хочет...
Надо всем поет
курган сторожевой
Песню древнего
и славного похода...
В хлебном поле ходит ветер,
как живой,—
Распевает песни вольные народа...

АЧТОУВАС?

КАРЛСОН
В ТБИЛИСИ

СЫГРАЕМ
НА КЭУШЕ

ПОЙМАЛИ ЯКОРЬ

ДАРИТЕ
ГОРОДУ
КНИГИ

ИЗ ПРОШЛОГО —
В БУДУЩЕЕ

БИБЛИОТЕКА С БРОНЕПОЕЗДА

Как начинаются библиотеки? С покупки первой книжки.

В этом смысле происхождение Коростенской городской библиотеки уникально. «Городскую библиотеку имени Николая Островского основал командир бронепоезда имени Невского Блин-

ков Илья Дмитриевич» — гласит надпись на мемориальной доске. Человек, чье имя выбито теперь на стене, в 1919 году был членом Коростенского ревкома, командиром бронепоезда.

Под руководством своего славного командира бронепоезд имени Невского так отчаянно сражался с белыми, что командованием решено было представить к награде весь экипаж без исключения. Бойцов отметили специальной премией в размере пяти тысяч руб-

лей. Тогда Блинков собрал экипаж на митинг: «Что будем делать, товарищи? Делить?» Было единогласно принято предложение командира: купить на все деньги книг и основать в городе первую публичную библиотеку.

Во время войны фашисты уничтожили почти все из того, что купили тогда красные бойцы. Но библиотека не прекратила своего существования. Сразу после освобождения города многие из коростенцев почли за

святую обязанность выделит на общее дело несколько книг из личных собраний.

Сейчас городская библиотека — это четырнадцать тысяч томов.

Григорий ДОБРЯКОВ ВОПРОС «СМЕНЫ» КНИГОЛЮБАМ: А не послать ли книги в подарок этой необычной библиотеке? Сообщаем адрес: 260100, Житомирская область, город Коростень, Городская публичная библиотека им. Н. А. Островского.

ПРИРОДА И МЫ

Что может пес?

Специально обученный, он может многое. Этим летом на стадионе подмосковного города Подольска многочисленные зрители наблюдали за тем, как собаки брали барьеры и спасали «раненых», задерживали «нарушителя»...

А в Подольске состоялся своеобразный экзамен — первые всесоюзные соревнования по летнему многоборью для служебных собак. Приз победителю — Кубок СССР. Самыми «умными» оказались четвероногие, которых подготовила команда РСФСР.

Тимофей КРУЧИНИН.
Фото
Андрея ФИЛАТОВА

НАХОДКИ

Из Воткинска в «греки»

В морском музее Клайпеды можно увидеть одну из последних находок — якорь весом в сто тридцать семь пудов. Он случайно зацепился за трос советского судна «Кашино» во время стоянки возле греческого острова Милос и был поднят на борт.

Моряки с удивлением обнаружили, что ни время, прошедшее со дня потери якоря каким-то старым парусником, ни морская вода не смогли уничтожить ни даты изготовления — «1803 год», ни клейма «фирмы-производителя» — Воткинский завод.

Прошло двести лет со времени изготовления первого якоря для российского флота на заводе сухопутного города Воткинска. Работу здешних металлургов знал и хвалил знаменитый адмирал Нахимов. Якоря, созданные здесь, делались разными по весу, из разной стали. Причем один из сортов ее — «бадаевский», названный так по имени крепостного металлурга Семена Бадаева, — был признан тогдашними специалистами лучшим из известных в то время сортов.

Такой якорь и занял свое место в морском музее Клайпеды.

Игорь ГРУШИН

...МАСТЕРА!

И вновь зазвучали цимбалы...

Еще несколько лет назад многие молдавские инструменты, такие, как кобза, най, качал, казалось, были незаслуженно забыты. Возродить их поручили кишиневскому цеху по восстановлению и производству народных музыкальных инструментов. Возглавил работу фортепианный мастер Жак Ильич Визитиу-Беликов. Энтузиаст своего дела, он разыскивал народные инструменты, изучал законы их изготовления, встречался со старыми мастерами, много работал в библиотеках и музеях.

Однажды ему привезли что-то вроде большого деревянного ковша со сломанными колками для струн. Так был найден и затем восстановлен считавшийся исчез-

нувшим кэуш — смычковый музыкальный инструмент XVII века. А цимбалы «Молдова», цитры и фуера, изготовленные и усовершенствованные умельцами, неоднократно отмечались призами на отечественных и зарубежных смотрах.

На снимке: народные мастера Молдавии Л. Йорга (слева) и Ж. Визитиу-Беликов.

Александр ДРОЗДОВ.
Фото автора

ИСПЫТАННОМУ —
ВЕРИТЬ

НА ПОЛЕ — В МОДНОМ ПЛАТЬЕ

Средний возраст работниц тепличного комбината в подмосковном овощеводческом совхозе «Белая дача» — двадцать с небольшим лет. И когда ученые Всероссийского НИИ труда и управления в сельском хозяйстве предложили тепличницам самим «спроектировать» себе спецовки, вкус девушек оказался на уровне требований современной моды.

Разноцветные сарафаны и блузы, косынки, обувь-сабо, объединенные затем в комплект «Золотая осень» — всего девятьсот таких наборов, — были изготовлены на фабрике индпошива.

И хотя спецодежда «Золотая осень» почти на треть дороже, чем предполагала смета, руководство совхоза пошло на дополнительные расходы.

Илья МОЛОКОВ

КОМСОМОЛЬСКИЕ
СТРОЙКИ

МЗИУРИ — ГОРОД ДЕТЕЙ

...Можно было бы сказать так: главные городские ворота этого сказочного поселения находятся в центре тбилисского проспекта Чавчавадзе. Но у города Мзиури нет ворот, ибо, как рассказывают, строите-

ли решили: зачем сказке ворота?

Идея строительства в столице Грузии городка для республиканской пионерии была высказана несколько лет назад известным советским писателем Нодаром Думбадзе и была поддержана всенародно. Грузинский комсомолец взял шефство над строительством. Восемь месяцев в пойме реки Вере от площади Героев до монастыря Бета-

ния шли работы первой очереди. И вот готовы спортплощадки и аттракционы, автодром, песочницы, горки для самых маленьких. При возведении станции канатной дороги использовано стекло: кому неинтересно посмотреть, как работает машина?

Первых посетителей встретили знакомые всем Арлекин, Орел, Мышонок и другие традиционные персонажи народ-

ных сказок. А на крыше кафе «Церодена», где самый отъявленный лакомка найдет себе занятие по душе, уютно разместился Карлсон...

В будущем, согласно проекту главного архитектора Ираклия Масхарашили, улицы городка протянутся на восемнадцать километров вдоль ущелья, в котором течет река.

Михаил ГОГИЯ

Александр БАЕВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной
премии СССР,
академик-секретарь
Отделения биохимии, биофизики
и химии физиологически
активных соединений АН СССР

— Александр Александрович, биология XX столетия очень не похожа на ту науку о жизни, которая существовала еще несколько десятилетий назад. А в самые последние годы внимание научной общественности привлечено к принципиально новой области биологии — генетической инженерии.

Что же это такое — «генетическая инженерия» и как она началась?

— Действительно, нынешняя биология с каждым днем становится все более мощным средством изменения мира для удовлетворения насущных нужд людей.

Самый наглядный пример тому — утверждающаяся новая наука — биотехнология, способная организовать производство, где используются принципы биологических реакций. Уже сегодня ее можно рассматривать как будущего равноправного партнера в могущественном технологическом триумvirате — механическом, химическом и биологическом.

Сейчас уже есть о чем рассказать читателю. Скажем, хорошо известно, что из нефти с помощью дрожжей получают кормовой белок, а используя микроорганизмы, производят ферменты, фармацевтические препараты, витамины. Менее известно, что физиологически активные вещества, имеющиеся в женьшене, раувольфии или снотворном маке, выделяются не только из соответствующих растений, но и из клеток, выращиваемых в искусственных условиях.

Подобные эксперименты ведутся и с животными клетками. Правда, они более прихотливы, их труднее культивировать, но есть все основания надеяться, что и тут скоро будет достигнута эффективная практическая отдача. В частности, намечается изготовлять вакцины и препараты антител, обладающих сильным лечебным действием.

А вот следующей ступенью практической отдачи биологии как раз является то направление, которое сегодня называется генетической инженерией. Здесь исследователь, уже не довольствуясь существующими микроорганизмами и живыми клетками, при составлении «рецепта» нужного продукта создает заранее запрограммированные генетические структуры.

Последнее десятилетие проблемы, связанные с развитием именно этой новой ветви биологии, часто обсуждаются на конгрессах и симпозиумах, на страницах научной печати и в популярных изданиях. Столь пристальный интерес вполне объясним. Ведь с помощью методов генетической инженерии можно вносить новые гены в естественный геном того или иного организма или, напротив, избирательно удалять гены из того же набора. А последствия таких действий чрезвычайно значительны — изменение наследственно передаваемых свойств...

— Давайте восстановим хронику событий. Возможные применения достижений генетической инженерии рассматривались в 1973 году на XIII Международном генетическом конгрессе. Через год в Швейцарии, в Давосе, состоялась специальная конференция, где обсуждались эти же вопросы. А в феврале 1975 года в Азиломаре (США) собрались ученые многих стран, чтобы обсудить конкретные меры, которые могли бы обеспечить безопасность исследований по генетической инженерии...

— Мне думается, что отсчет событий надо начать с более раннего времени. Все, собственно говоря, началось в 1969 году, когда три исследователя из Гарвардского университета — И. Беквит, Дж. Шапиро и Л. Ирон — сообщили о выделении индивидуального гена. Одновременно они предупредили, что это открытие может быть использовано в антигуманных целях. Более того, Дж. Шапиро выступил с заявлением, что он вообще прекращает работу в области генетики, так как не уверен, что успехи этой науки не обернутся против человечества.

В 1972 году заведующий отделом биохимии Стенфордского университета Пол Берг сделал следующий важный шаг — он синтезировал гибридную молекулу ДНК, которая содержала фрагмент фага лямбда и вируса, вызывающего опухоли у некоторых млекопитающих и обезьян. Эту гибридную молекулу ученый первоначально хотел ввести в кишечную палочку — бактерию, обитающую в организме человека. Но после обсуждения с коллегами П. Берг не провел задуманного эксперимента, так как пришел к выводу, что «риск здесь не равен нулю». Правда, несколько позже подобные эксперименты осуществили другие ученые.

Вскоре в США был создан особый комитет во главе с Полом Бергом, обратившийся к ученым всего мира с призывом не переступать определенных границ в своих исследованиях.

Американские ученые писали: «Последние достижения в технике выделе-

ния и воссоединения фрагментов ДНК позволяют в настоящее время создавать биологически активные рекомбинантные молекулы ДНК вне организма... Некоторые ученые предлагают применить эту технику для получения рекомбинантных молекул из ДНК вирусного, животного или бактериального происхождения. Хотя такие эксперименты, очевидно, будут способствовать решению важных теоретических и практических проблем биологии, они могут привести также к появлению новых типов инфекционных ДНК, свойства которых нельзя полностью предусмотреть.

Есть серьезные основания считать, что ряд этих рекомбинантных молекул ДНК могут быть биологически опасными. Одна из потенциальных опасностей заключается в том, что в экспериментах участвуют бактерии типа кишечной палочки. Ее штаммы, обычно находящиеся в кишечнике человека, способны обмениваться генетической информацией с другими видами бактерий, безвредными для человека. Таким образом, не исключено, что новые элементы ДНК, введенные в кишечные палочки, получат широкое распространение среди животных, бактерий и людей, причем последствия этого непредсказуемы.

Несмотря на столь настораживающее предупреждение, «джинна выпустили из бутылки». Именно на конференции в Азиломаре стал очевиден резкий скачок, который произошел в исследованиях по генетической инженерии с 1969 по 1975 год.

— К какому же мнению пришли ученые, думая о путях предотвращения потенциальных опасностей?

— Прежде всего они констатировали, что в будущем могут возникнуть весьма сложные проблемы при широком применении методов генетической инженерии в промышленности, меди-

цине и сельском хозяйстве. Ведь даже семь лет назад, когда такие исследования затрагивали сравнительно ограниченную область, оценить потенциальные биологические опасности было совсем непросто, ибо новый метод, позволяющий объединять генетическую информацию, исходящую от разных организмов, ставит ученого перед уравнением со многими неизвестными.

И тем не менее при соблюдении соответствующих мер предосторожности работа может и должна быть продолжена. Таково было мнение большинства ученых, собравшихся в Азиломаре.

На конференции была предложена первая классификация мер предосторожности в соответствии с составленной там же шкалой опасности генетических экспериментов. Не вдаваясь в технические детали, скажу следующее.

Эксперименты с организмами, обычным способом обменивающимися генетической информацией, не ведут, естественно, к созданию новых биологических типов. Поэтому они не порождают опасности, которую нельзя было бы предотвратить с помощью стандартного оборудования, имеющегося в современных микробиологических лабораториях.

Любые же эксперименты, в результате которых появляются новые, а следовательно, чреватые возможной повышенной биологической опасностью, должны проводиться в более «жестких условиях». Что это означает? Например, генетические ма-

нами сегодняшнего дня американцев — межконтинентальными и крылатыми ракетами, нейтронной бомбой и бинарными химическими зарядами. Видимо, сознание людей уже не в состоянии вместить все страхи, которыми наполнена их жизнь.

Страсти вокруг генетической инженерии утихли и потому, что до сих пор не получено никаких экспериментальных доказательств опасности рекомбинантных ДНК, возникающей случайным образом. Так что ученые забились отбой, успокоились общественные организации, потеряли интерес к этой теме сенаторы и конгрессмены, пересмотрены и смягчены правила работы.

— Ну, а как же все-таки быть, если угроза надвигается, если рекомбинантные молекулы ДНК окажутся сами по себе не такими уж безвредными?

— Более чем столетний опыт микробиологов, имеющих дело с патогенными микроорганизмами, убеждает нас в том, что наука полностью вооружена знаниями и необходимыми средствами для защиты персонала лабораторий и предприятий, населения и окружающей среды. Это, так сказать, чисто техническая сторона вопроса, где нет никаких принципиальных сложностей.

«Шум» вокруг генетической инженерии утих, но зато случилось другое: сегодня весь научный мир высказывается не только за продолжение, но и за всемерное расширение исследований в этой области. Почему? Прежде всего

ГЕНЕТИЧЕС

нипуляции, которые способны вызывать патогенные изменения у человека и животных, можно осуществлять в особо оборудованных помещениях, изолированных от внешнего мира воздушными шлюзами да и снабженных еще специальными системами удаления «отработанных» биологических материалов.

Весь персонал такой лаборатории должен носить защитную одежду и принимать душ всякий раз перед тем, как покинуть рабочее место. К работе позволительно допускать только тех, кто сдал экзамен по «технике генетической безопасности».

Вот, в сущности, те рекомендации, которые были приняты на конференции в Азиломаре семь лет назад.

— А как развивались события дальше?

— Скажу сразу, что кампания против генетической инженерии имела точную географическую прописку — свои гиперболизированные формы она приобрела только в США. В других странах реакция была более сдержанной и разумной.

В самой Америке ученые разбились на группы. Кто-то страстно продолжал выступать с протестами, кто-то выбрал верный путь — начал конкретные исследования, чтобы выяснить, насколько же действительно опасны рекомбинантные молекулы ДНК.

В «геноинженерное движение» в США включились ассоциации с весьма неопределенными политическими и научными программами и вовсе не компетентные в биологии, муниципалитеты городов. Вопрос дошел до конгресса и сената.

Сейчас кампания против генетической инженерии в США практически угасла. Да и к тому же зловещая роль рекомбинантных молекул ДНК, которую они могут сыграть в туманном будущем, явно бледнеет перед реали-

из-за их огромной потенциальной пользы.

От генетической инженерии ждут решения целого ряда фундаментальных проблем общей генетики, молекулярной биологии да и биологии в целом. Назову лишь некоторые из них. Это проблема изменения видов, изучение механизма обмена генетической информацией между представителями различных биологических групп, познание строения и функционирования того, что называют геномом (совокупность генов, содержащихся в природном наборе хромосом данного организма). Речь здесь идет о проникновении в тайну тайн живой природы, что волнует не только специалистов.

А вот прикладные, «полезные» результаты генетической инженерии лежат буквально «на поверхности». Среди них, например, включение гена синтеза человеческого инсулина в бактерию, когда именно бактерия в ферментере, а не поджелудочная железа животных синтезирует лекарство, нужное больным диабетом.

Если же «внедрить» в бактерию гены, ответственные за синтез белков крови, ферментов и других веществ, то их можно будет получать практически в неограниченных количествах. Необычайно увлекательно и задача синтеза иммунных антител для лечения заразных заболеваний, в том числе и вирусных.

Еще грандиознее по своим масштабам задача обеспечения культурных растений полным набором генов, которые позволяют им усваивать азот непосредственно из воздуха. Успех здесь сулит начало настоящей революции в сельском хозяйстве. Ну, а открывающиеся перед исследователями возможности борьбы с наследственными болезнями человека?! Это воистину вдохновляющая перспектива.

Одним словом, сегодня уже никого не нужно убеждать в реальности практической отдачи генетической инже-

нерии, которая была очевидна для большинства биологов и десять лет назад. К тому же масса выполненных работ, направленных на пресечение случайностей и ошибок в генетической инженерии, позволяет полностью обеспечить безопасность любых экспериментов.

Иное дело — и с этим нужно считаться — умшленная ставка на зло. Надо лишний раз повторять, что наука сама по себе не таит угрозы — все зависит от того, в руки каких социальных сил попадают научные открытия, кто, как и в чьих интересах использует достижения человеческого гения. Возьмем, к примеру, дефолианты, синтезированные химиками. Эти препараты из группы пестицидов вызывают искусственное старение и опадение листьев, что облегчает уборку урожая, в основном хлопчатника. И те же самые дефолианты были применены американской военной для уничтожения растительности и отравления громадных площадей во Вьетнаме. Так что же является злом: создание дефолиантов или же то, как их использовал агрессор?

— Александр Александрович! В одной из своих статей вы писали, что живая клетка, в сущности, не что иное, как маленькая химическая фабрика, все производство на которой подчиняется наследственной программе, содержащейся в одной из ее нуклеиновых кислот — дезоксирибонуклеиновой (ДНК). За выполнение «производственного плана» отвеча-

ют блоки-гены, каждый из которых управляет выработкой какого-то продукта, обычно белка. Эти же блоки ответственны и за клеточную функцию, зависящую от вырабатываемого их «участком» продукта. По-настоящему, что, вмещающаяся в существующую генетическую программу, вводя в клетку новую генетическую информацию, исследователь как раз и получает организм, измененный в соответствии с заранее поставленной целью. Но вот как это делается, с помощью каких «инструментов»?

— Такими инструментами являются ферменты, имеющиеся во всех живых клетках. Одни из них, так называемые рестриктазы, «рассекают» молекулы ДНК в строго определенных участках на куски, а другие, лигазы, напротив, обладают способностью «сшивать» эти куски. И после того, как такие ферменты были выделены из клеток и очищены, создание искусственных генетических структур из фантастической мечты стало технически выполнимой задачей.

И вот что интересно. Генетическая инженерия не принесла с собой нового видения биологических явлений, новых познавательных идей и не потребовала ломки сложившихся теоретических воззрений. Но с ее появлением коренным образом изменилось другое — возможности проникновения в глубины процессов, происходящих в живых системах, ибо был как бы найден ключ к наглухо запертой двери. Чисто технический шаг — открытие фрагментирующих и сшивающих ферментов — привел к необыкновенному расширению границ экспериментального вмешательства.

За годы существования генетической инженерии было разработано множество ранее неизвестных специальных методов исследования. И то, что в природе составляет привилегию целого организма, в современной лабори-

тории стало операцией, проводящейся на уровне клеток и молекул. С геном обращаются без мистического благоговения, как с обычным фрагментом ДНК, который выделяют из природных источников или даже синтезируют.

Рекомбинация, то есть сочетание генов в новую структуру, проходит в пробирке, по выбору экспериментатора. Наметились и возможности направленных мутаций, когда в микробную клетку вводят чуждые для нее гены. Сегодня уже добились того, что в результате такой мутации клетка начинает производить совершенно несвойственный продукт: чужеродный ген «навязывает» ей свой тип обмена веществ. Таким способом, например, получают человеческий инсулин, ротовой гормон, другие вещества.

Здесь принципиально важно вот какое обстоятельство. Случай, главный фактор эволюции живого, отступает на второй план, а превалирует мысль и искусство исследователей.

Совсем в недалеком прошлом наука располагала только одним методом повышения продуктивности микроорганизмов, выведения тех или иных их разновидностей — селекцией. После напряженной и длительной работы из множества мутантов отбирались те, что обладали нужными для человека особенностями. Но естественным путем мутанты появляются случайно и очень редко, потому их свойства нельзя заранее программировать. Сегодня же конструирование мутантов идет по заранее составленному плану.

Действительно, теперь в принципе реальные любые сочетания фрагментов ДНК, не зависящие от их происхождения, величины и строения. В рекомбинантную молекулу исследователи включают и так называемый вектор-фрагмент ДНК, сообщающий ей способность к умножению, а чаще всего и к синтезу белков — конечных продуктов деятельности генетической системы. Этот синтез происходит уже в клетке-хозяине, куда вводится гибридная молекула.

Лабораторная гибридизация молекул позволяет ныне преодолевать те барьеры скрещивания, которые поставила перед живым природой, чтобы предотвратить смешение биологических видов.

— Но ведь без труда в биологии можно обнаружить явления, аналогичные тем, с которыми сегодня имеет дело специалист по генетической инженерии. Например, хорошо известно, что рекомбинация генов наблюдается у высших организмов при делении зародышевых клеток и при оплодотворении. Такие же процессы сопровождают развитие фагов и вирусов, обмен генетического вещества у бактерий. Плазмиды бактерий (факторы наследственности, расположенные в клетках вне хромосом) и фаги, перемещающиеся из бактерии в бактерию (транслирующие фаги), способны захватывать фрагменты хромосомной ДНК одной бактерии и переносить ее в другую. При этом молекулы ДНК рассекаются, а потом происходит восстановление их целостности.

Далее. В генетико-инженерных работах добиваются «потомства» одного выбранного типа молекул. Аналог этому тоже известен — так называемое клонирование клеток, когда получают потомство одного типа клеток, бактерий, растений или животных. Разница только в том, что в

первом случае речь идет о клонировании молекул, а во втором — клеток...

— Факты, приведенные вами, говорят лишь о том, что очень легко проследить исторические и логические корни генетической инженерии.

Новая ветвь биологии не могла родиться, подобно Афродите, из морской пены. Ее фундамент — опыт, накопленный генетикой, биохимией, энзимологией, молекулярной биологией, микробиологией и цитологией; весь идейный и методический арсенал, верно служивший исследователям ранее.

Но уже на самых первых этапах становления генетической инженерии были сделаны совершенно неожиданные открытия. Остановилось на двух, наиболее значительных за последние годы.

Удалось выяснить, что у высших организмов, дрожжей и некоторых вирусов существуют так называемые «мозаичные» гены. Они, как и обычные гены, ответственны за синтез определенного белка, но вот неожиданность — их структура прерывается «вставками», не имеющими к этому гену прямого отношения.

Благодаря такому строению генов — а оно оказалось обычным для высших организмов — в клетке происходит «процессинг информационной РНК», о существовании которого раньше мы просто не подозревали. В чем его суть? Оказывается, что для реализации генетической информации с гена сперва снимается точная ко-

пия — со всеми его вставками и значащими частями — это предшествующий информационной РНК. Затем все вставки в копии «вырезаются» специальными ферментами, а значащие фрагменты соединяются в «зрелую» информационную РНК. И только здесь, на этой рибонуклеиновой кислоте, начинается синтез соответствующего белка. Среди всех известных генов только гены ядерных гистонов (белков, образующих комплексы с ДНК) и антивирусных белков-интерферонов не имеют таких вставок.

Второе открытие, которое нам подарила генетическая инженерия, связано с выяснением природы мобильных генетических структур — «транспозонов» бактерий и мобильных элементов высших организмов.

Какие сюрпризы ожидают нас в ближайшем будущем, предсказать нелегко. Но можно не сомневаться — они обязательно будут и, наверное, заставят биологов пересмотреть не одно из сложившихся представлений.

— Когда речь идет о современной генетической инженерии, то неизбежно возникает вопрос: могут ли с ее помощью быть созданы новые организмы? А может, они уже созданы?

— Да, это действительно традиционный вопрос всех журналистов. Ну, и, чтобы совсем вас раззадорить, расскажу о двух книгах, которые недавно прочитал. Первая — это «Мальчики из Бразилии». Оказывается, нацистский преступник доктор Менгеле не погиб, а остался жив и вывез из горящего Берлина кусочек кожи Адольфа Гитлера. Он поселился в Бразилии и, используя приемы клеточной инженерии, получил генетические копии фьюрера. Таков сюжет этого «бестселлера». В другом романе, принадлежащем перу Д. Рорвика, «По его образу и подобию», бедный миллионер решил обзавестись своей генетической

копией. Он находит генетика, который получает от какой-то женщины яйцеклетку, разрушает ее ядро и вводит туда ядро из клетки миллионера. От приемной матери рождается мальчик — копия миллионера, который одновременно является его сыном и братом-близнецом.

Хотя хлестко написанная книга Д. Рорвика даже была предметом разбирательства в сенате США, она, разумеется, является дешевым вымыслом. Но вот появление подобных книг, конечно же, уже знамение времени.

Так что на ваш вопрос с уровня сегодняшних знаний в генетической инженерии надо дать утвердительный ответ, но с существенными оговорками.

Клонирование высших животных, то есть получение генетически идентичных близнецов из одной клетки, пока удается только у амфибий. У млекопитающих клонирование сталкивается с огромными трудностями. К тому же в отличие от лягушек, оплодотворенные яйцеклетки которых развиваются в воде, для развития эмбрионов млекопитающих требуется мать, хотя бы приемная. В животноводстве дело пока ограничивается оплодотворением яйцеклеток элитных особей в пробирке, а далее опять-таки не обходится без приемной матери. Нечто подобное уже сделано на человеке. Элизабет Браун, родившаяся летом 1978 года, является первым достоверно известным «пробирочным ребенком».

Но ведь все это не имеет прямого отношения к решению основной задачи генетической инженерии — созданию, как вы выразились, «новых организмов».

Наши представления о структурной основе регуляции генетических процессов еще очень несовершенны. В бактериальную клетку или клетку высшего организма пока можно вводить только ограниченное число генов. А значит, и природа этой клетки меняется тоже лишь в определенной степени.

Но вот возможность вводить в клетку чужеродную информацию, относящуюся не только к другому виду, но и другому типу, коренным образом меняет положение. И кишечная палочка, содержащая работающие гены человека, безусловно, новый организм.

Это вторжение в доселе запретную область не может не производить глубокого впечатления, тем более что генетическая инженерия — совсем молодая прикладная наука.

Кажется невероятным тот короткий срок, за который она сумела найти дорогу к практике — всего лишь за десять лет. Этот темп, как я уже говорил, объясняется самой историей возникновения генетической инженерии: не нужно было коренным образом пересматривать взгляды на природу и характер наследственных процессов. Это был шаг по уже проложенной тропе.

Поэтому здесь так легко предвидеть «полезную отдачу». Уже получены с помощью методов генетической инженерии несколько физиологически активных белков — инсулин, гормон роста, интерферон. Такие препараты можно реально производить в неограниченных количествах, и они будут очень дешевыми.

Но это, разумеется, не все. Генетическая инженерия позволяет получать клетки-сверхпродукторы, производящие свойственные им продукты, но в повышенном темпе. Такие бактериальные сверхпродукторы уже поставляют нам ферменты и ряд аминокислот.

Еще два десятилетия тому назад «зеленая революция», казалось, коренным образом раз и навсегда решила проблему питания человечества. Сегодня эта уверенность поколебалась. Действительно, тогда удалось получить высокоурожайные сорта кукурузы, риса, пшеницы. Так, в Мексике урожаи кукурузы возросли к 1967 году почти втрое. Но кризис капиталисти-

КАЯ ИНЖЕНЕРИЯ

ческой экономики привел к тому, что развивающиеся страны не могут покупать очень дорогие сельскохозяйственные машины и удобрения. А без них «зеленая революция» не срабатывает.

И вот в перспективе генетическая инженерия может помочь работникам сельского хозяйства не думать об азотных удобрениях. Как известно, способностью усваивать азот из воздуха обладают только микроорганизмы, свободно живущие в почве или обитающие в клубеньках бобовых растений. Очень заманчиво решить вот какую задачу: усилить фиксацию азота там, где она обычно происходит, и более того — создать ее у тех растений, где она в естественных условиях не наблюдается, например, у пшеницы, подсолнечника или сахарной свеклы. Теоретически это не исключено, так как весь комплекс из 17 генов азотофиксации удастся перенести в лабораторных опытах от одной бактерии к другой. Намечается и другой, не столь прямой путь. Вот какой. Может быть, не очень разумно пытаться вводить гены, заимствованные у азотофиксирующих бактерий, в другие растения. Дело в том, что фиксация азота требует значительных энергетических затрат. И поэтому введение генов нитрогеназы (то есть ферментной системы, обеспечивающей этот процесс) в отлаженную тысячелетиями эволюцией физиологическую машину растительной клетки может и не привести к быстрому успеху. Исследователи предлагают создать новые бактерии-симбионты, которые смогли бы «ужиться» с растениями, лишенными собственных бактерий — поставщиков азота. Здесь имеются в виду прежде всего злаки и подсолнечник. Было бы очень заманчиво уменьшить дозы вносимого в почву минерального азота и восполнить хотя бы некоторую его часть за счет совместной деятельности азотофиксирующих бактерий и самого растения. Такая работа уже начата. Интерес именно к азотным удобрениям вполне объясним, так как на их производство приходится до 30 процентов энергетических затрат в промышленности, работающей на сельское хозяйство.

Генетическая инженерия делает свои первые шаги и вся нацелена на будущее. Пока не создано ни одного подлинно нового организма, а лишь модифицированы существующие. С ее помощью не излечено ни одной генетической болезни человека, среди которых немало тяжелых. Но мы, несомненно, стоим на пороге клинических применений генетической инженерии. В США, Франции, ФРГ и ряде других западных стран уже созданы коммерческие фирмы, которые в 1984 году поставят на рынок первые продукты генетической инженерии.

Одним словом, скоро генетики окажутся в положении химиков-синтетиков, которые давным-давно отошли от «образцов», заготовленных природой, и создали огромный мир органических соединений, по праву считающихся исключительным творением человеческого разума.

— Как и с какого времени развиваются исследования по генетической инженерии в нашей стране?

— Думаю, что серьезную работу в этом направлении можно исчислять с 1974 года. Хотя еще до этого были сделаны определенные шаги по развитию генетической инженерии, но действительный перелом наступил после постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению развития молекулярной биологии и молекулярной генетики и использованию их достижений в народном хозяйстве».

Это постановление не только стимулировало прогресс экспериментальной биологии, но и способствовало рождению целого ряда новых направлений в физико-химической биологии, кото-

рые определяют ее нынешнее лицо. За истекшие годы были организованы специальные лаборатории и институты, подготовлены кадры молодых, талантливых ученых, а развитию новейших направлений был придан размах, соответствующий их значению для науки и народного хозяйства.

Всего пять-шесть лет назад прямое исследование генетического аппарата даже простейших живых систем — вирусов и микробов — было невозможно. Сейчас в нашей стране эти работы успешно развиваются. В лабораторных условиях созданы гибридные структуры, сочетающие наследственные вещества организмов, в природе никогда не соединяющихся, например, бактерии вируса и человека. Синтезированы работоспособные гены нейропептидов и гормонов, получены сверхпродукты аминокислот, налажено производство ферментов, необходимых для технологических операций в генетической инженерии; разрабатываются способы промышленного получения интерферона, инсулина и рогового гормона человека.

Главной и конечной целью всех мер, предпринятых для развития фундаментальных исследований в биологии, помимо чисто познавательных, было стремление заложить основу для практических нововведений в различных областях промышленности, медицине и сельском хозяйстве. И сегодня можно сказать, что в принципе эта задача решена.

— Мне довелось побывать в наших лабораториях, где занимаются проблемами генетической инженерии. Все они, конечно, разные, но есть у них и нечто общее. Я имею в виду возраст исследователей — это молодежь. Что бы вы, ученый, работающий в науке уже несколько десятилетий, хотели пожелать своим молодым коллегам?

— Сегодня знания так быстро умножаются и обновляются, что современному ученому, как никогда, требуется умение постоянно учиться, учиться и учиться. Молодой исследователь должен развить в себе способность к постоянному много часовому ежедневному труду. Работа до самозабвения — норма жизни ученого.

Еще одно неперемное качество исследователя — научная честность. Наши желания и мнения авторитетов в науке всегда должны отступать перед аргументами критически осмысленных фактов и логики. Факты, и только они одни, могут быть фундаментом научных выводов.

С первых своих шагов в науке молодой исследователь должен учиться умению работать в коллективе, ибо времена ученых-одиночек давно прошли. А это значит, что надо ценить коллективный опыт, прислушиваться к мнению товарищей, критически осмысливать достигнутое тобой и никогда не впадать в зазнайство.

Надо помнить еще вот о чем. Верно, что наука рациональна как в своих основах, так и по своим методам. Но верно и другое — к великому в науке нельзя приблизиться без воображения и интуиции. А эти качества исследователя могут формировать литература, искусство и музыка.

Наука, научные занятия сами по себе способны доставить человеку величайшее, не проходящее с годами наслаждение. Но тем, кто выбирает для себя жизнь в науке, я хотел бы напомнить слова Маркса: «Наука совсем не эгоистическое удовольствие, и те счастливицы, которые могут посвятить себя научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству».

Молодость — это пора, когда можно впитать в себя огромную массу знаний. И чем раньше молодой человек обретет свою цель, свое место в науке, тем плодотворнее будет вся его дальнейшая жизнь.

Беседу вел
Анатолий ЛЕПИХОВ.

СОТВОРЕНИЕ

ПЕТР ПРОСКУРИН

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Все дальше и дальше отодвигает время ту далекую осень сорок третьего года; забывается дела, тускнеют знакомые лица, глуше и глуше знакомые голоса, стирается след... Стирается ли? Или что-то все-таки остается, что-то, уже погаснув, уже остыв, уже умолкнув, еще продолжает и светить, и греть, и тревожить мучительным отзвуком, и все больше по ночам, как бы во сне, когда ты, внезапно открыв глаза, вскочив, задохнувшись, хватая побелевшими, пересохшими губами воздух, чувствуешь свою улетающую душу; когда ты знаешь, что кто-то приходил к тебе, и стоял над тобой безмолвно, и вот только что отодвинулся во тьму времени и ночи, и сколько ты ни зови и ни умоляй, никто уже не откликнется, хотя, быть может, стоит совершенно рядом, и тоже страдает и мучается... Но никому не дано переступить роковые рубежи, — благо, что это так, — всему свое время и свой срок. Да и кто знает, кто это был? Чья тень? Тень матери или тень давно, казалось, забытого товарища, разорванного немецкой миной? А если сама тень Гоголя, обреченная на вечное пребывание в мире неиссякаемых человеческих страстей? Ведь для теней прошлого нет запрета, и они могут прийти куда угодно и к кому угодно, и это тоже благо.

По примеру деда Рыжого и деда Пополыма я тоже смастерил над выходом из своей землянки просторный тамбур; такой, чтобы там можно было бы сложить запас дров на несколько дней, чтобы имелось место и для всякой хозяйственной всячины; там же я предложил соорудить жилье для кур, но бабушка Настюха категорически отвергла эту мою идею, и куры ради безопасности всю зиму провели вместе с нами под нарами, и скоро мы с ними свыклись и даже сдружились, особенно с петухом; он оказался сообразительным и слегка вороватым парнем; стоило чуть-чуть отвернуться, как он тут же расхаживал или по столу, или по нарам, все что-то отыскивая и склевывая. Бабушка Настюха всю зиму с ним воевала; после того, как непомерно самонадеянный петух едва не обжег себя на горевшей плите, пришлось сделать клетку; после этого кур выпускали лишь ненадолго погулять.

Зима тянулась долго и трудно; и все из-за недостатка хлеба, нехватки еды и одежды вообще. И если с одеждой еще кое-как справлялись (штаны, юбки шили из немецких одеял, пиджаки — из шинелей), то с едой было много хуже. В помощь матери, неустанно ходившей с бабьими караванами по деревням за семечками, за махоркой (мерилось все это на стаканы), мы с братом приспособились каждое воскресенье возить в город на салазках дрова на продажу; салазки дубовых или березовых хороших сухих дров стоили сто — сто двадцать рублей, деньги по тем временам пустяковые, и все же фунтов пять муки или бутылку горчичного масла на них купить можно было. Эта первая зима без немцев осталась у меня в памяти бесконечными дорогами, женской фигурой в непрерывной метели; женщин было много в ту зиму на бесконечных дорогах России, и каждая из них упорно тянула за собой тяжело груженные какой-нибудь поклажей салазки.

Уже потом, через много лет, когда я работал над «Судьбой», мне пришлось не раз приезжать в Смоленск, в этот город-замок, город-крепость, о которую на протяжении столетий разбивались многие иноземные нашествия на пути к сердцу России, к Москве; я собирал недостающий материал для романа о смоленском сражении летом сорок первого года. Однажды я приехал в Смоленск зимой и как-то долго стоял у Матери Скорбящей — монумента, возведенного на южной окраине города, я увидел впервые Скорбящую в сумерках, в легкую метель, когда по земле мела сухая январская поземка. У Матери Скорбящей, как бы олицетворявшей скорбь всех русских матерей, было суровое лицо, тяжелые, набрякшие руки крестьянки, она словно остановилась в горьком раздумье перед порогом, который нет сил переступить. На этом месте было захоронено около семидесяти тысяч русских людей, замученных фашистами, вот она, Мать Скорбящая, тяжелая, с устремленным в тяжкую, неподвластную живому человеку даль взглядом, стоит посреди великой, бескрайней Русской равнины и в летний зной и в январскую стужу, как вот теперь... Ползла бесшумная поземка, и все белое пространство земли шевелилось, приходило в движение, медленно гасли под холмиками снега красные гвоздики, кем-то, очевидно, совсем недавно положенные; казалось, что Скорбящая осталась теперь совершенно одна на земле со своим неизбывным горем...

Сумерки сгущались, а я еще долго стоял, охваченный давними воспоминаниями, и думал, что по весне схлынут с равнины молодые воды и над Матерью Скорбящей снова пролетят журавли и с голубых высот уронят на землю свой зов; она же будет стоять, по-прежнему смотреть в неведомую даль, олицетворяя собой миллионы и миллионы живых матерей, давших жизнь и благословивших сыновей в неведомую, трудную, оттого и прекрасную дорогу; сама же мать, ничего не требуя взамен за свои немеренные труды и заботы, остается по жестокому, но необходимому закону жизни ждать у родного порога, ждать и верить в будущее своих сыновей. И надеяться, что путь их будет долгим и надежным; сила и вера матерей всегда заключалась в бессрочной надежде.

Именно тогда, у подножия Матери Скорбящей в Смоленске, с какой-то особой провидческой силой припомнились мне снежные дороги на разоренной войной земле Брянщины и впряженные в тяжело груженные санки женщины, женщины, русские женщины, упрямо бредущие куда-то через метельный мрак, в мороз, в стеклянные лунные ночи, в любую погоду, днем и ночью добывавшие скудный хлеб продолжения жизни...

Все кончается, как давно уже замечено, под солнцем, кончилась, наконец, и та долгая трудная зима; с каждым днем сильнее пригревало, и мы все чаще стали вылазить из землянки с посережними от недоедания, нездоровыми лицами, со

слабыми ногами — идешь, идешь, а ноги — раз! — и подломятся, в голове тоненько зазвенит, и все вокруг заволочет белесая муть.

Пошли по земле проталины, все больше по буграм, а низина неподалеку от землянок вся набухла, отяжелела и однажды как-то в одну ночь взялась талой водой, и тотчас нежно запестрели ивы и запрыгали веселые грачи; они появились как всегда неожиданно, словно никуда и не улетали. А бабушка Настюха, сама полуживая от слабости, с торжеством выпустила прогуляться в первый раз из землянки петуха и кур; она приложила козырьком руку ко лбу, прищурилась, огляделась вокруг, перекрестилась и шевельнула совершенно обесцветившимися за зиму губами.

— Слава богу, слава богу, — сказала она, ни к кому в отдельности не обращаясь. — Теперь день-другой, травка полезет, крапивка пойдет... Теперь — одолеем...

Никто еще не знал, не мог знать, что ровно через месяц, когда нужно будет копать и сажать огород, бабушка Настюха в полторы недели угаснет как-то тихо и покорно; она ушла так же, как уходит трава под снег; так же тихо и незаметно ее похоронили, я уже писал раньше об этом; можно было бы и оборвать на этом эту странную, нелепую, может быть, никому, кроме меня самого, ненужную книгу; я и сам не знаю, как ее называть, романом ли, как это сейчас многие делают с писаниями такого рода, дневником, записками или воспоминаниями. И, однако, именно так, и на этом остановиться нельзя. В конце концов все и хорошее и плохое заключено в нас самих, и я, уже написав не один роман, недаром в мыслях постоянно возвращался к годам войны или к первым послевоенным годам, потому что все, что я есть, как человек и писатель, сформировано и заложено во мне этими годами. Все появившееся затем было лишь более или менее удачными вариантами той основной идеи поиска и осознания народного русского характера, которой я служу и по сей день и буду служить до конца. И поэтому момент, когда произошел перелом и в душе зародилось зерно этой мучительной идеи, до сих пор как бы невольно возвращает в прошлое, как говорит, на круги своя; ведь самый безотказный, никогда не лгущий барометр, самый точный инструмент в определении и понимании жизни, в измерении ее пропастей и вершин, ее самых низменных пороков и божественных взлетов благородства — это сам человек, и он обязательно имеет свою отправную точку и вонне и в самом себе. И кто, возвращаясь в свою собственную юность на склоне жизни, не пытается еще и понять своих уже взрослых сыновей, уже готовых сменить его под солнцем, кто не пытается, не смотря на горькие подчас разочарования, просто вспомнить и улыбнуться туманному своему прежнему образу; своему «я», которое он словно видит в отражающем зеркале времени? Как правило, он почти не узнает себя, хотя никогда даже сам себе и не признается в этом.

Весной сорок четвертого часто можно было увидеть, как мы тянем через поле коляску с толстым бревном; я с тетей Дуней главная тягловая сила — впереди, сзади Володя, поддерживающий конец, чтобы он не ерзал. Мы решили строить; решение принималось еще зимой при жизни бабушки Настюхи, и как только сошел снег, мы стали заготавливать лес, в основном брали его с немецких бревенчатых настилов, переброшенных неподалеку от поселка через топкие места; немцы сделали их для своих танков, разобрав множество построек; встречались и цельные бревна, словно только что из лесу. Коляску мне пришлось смастерить самому, а вот хороших, легких колес, несмотря на обилие всяческой брошенной техники вокруг, я не нашел, и пришлось поставить на ось колеса тяжелые, небольшие; коляска очень выручала нас в первые послевоенные годы; и лесу на ней натаскали для постройки, и глину для кирпичей возили, и желуди из лесу, и солому с поля, но все же коляска была сооружена прежде всего для строительных целей; я смастерил ее после долгого очередного разговора о

дальнейшем житье-бытье, о том, что все, и дед Рьжкий, и дед Пополам, и многие другие, собираются с весны строиться; в тот зимний вечер я и заявил, что сам построю коляску, а затем и избу. Тогда мне никто не поверил, ни бабушка Настюха, ни мать, ни тетя Дуня; строительство дома в деревне всегда было важным, памятным на многие десятилетия делом, дорогим делом, сопряженным с тяжелым мужским трудом и умением, и вполне понятно, что мое самонадеянное утверждение вызвало у моих близких недовольство и даже раздражение; простые люди, весь свой век проводившие в трудной работе, никогда не любили пустозвонства и бахвальства. Но сам я уже был захвачен своей мыслью, жажда строить, строить и строить была разлита вокруг, казалось, в самой природе; на разоренной земле, обезображенной пожарницами, зараставшей непролазными бурьянами, возрождалась привычная и разумная жизнь, и неважно, что мне никто не поверил, ни свои, ни чужие. Первым делом я стал присматриваться к старикам, к тем же деду Пополаму и деду Рьжему; они с первых же весенних дней повели подготовку к строительству, запасали где только могли лес, доски, кирпич, железо; расчищали на усадьбах место под будущие хаты, рубили гвозди из мотков толстой немецкой проволоки — была и такая. Вообще нужно сказать, что немцы оставили после себя невиданное количество металла, ящиков, труб, гильз, использованных металлических емкостей из-под пороха, заградительной проволоки, инструментов, лопат, топоров, кирок; немецкие саперные лопаты с идеально выточенным черенком, сталистым, самозатачивающимся лезвием хорошо нам послужили: сколько огородов — да что огородов, целых полей — вскопано ими, не раз и не два! Ах, руки, руки, слабые и всемогущие руки русских женщин! Сложил бы я вам гимн, да не умею, нет слов, способных увековечить ваш подвиг, а жаль... Впрочем, так, к слову, главное в другом. Меня охотно учили, и я охотно учился; русский человек любит учить другого, даже если сам мало что смыслил в необходимом предмете; наши деревенские старики прекрасно знали плотничье дело, а самое главное, не отпугивали еще желторотого новичка, а, наоборот, вселяли в него уверенность; было бы из чего строить, говорили они, терпение да труд все перетрут. Они посоветовали мне ставить сруб не в угол и не в лапу, а просто строить хату в столбы; на первый раз и несложно и посылно; необходимую работу можно было проделывать одному прямо на земле, а затем уже обтесанные и подготовленные по размеру бревна класть с помощью любого другого человека прямо в стены. И я уверовал, что главное действительно желание и терпение, и вот с того времени, как только подсохла земля и можно было по ней проехать, мы стали свозить к намеченному месту будущей избы все, что могли раздобыть, немецкий бревенчатый настил через низину недавнее весеннее половодье растащило по всему дугу, бревен, досок было много, просто уже обтесанных брусев разной длины тоже хватало, и к середине лета вокруг места, выбранного для сруба, уже было навезено и сложено множество всякой всячины; можно было и начинать.

Чтобы всякий раз не возвращаться ночевать в землянку, сколотил небольшую времянку; теперь при необходимости не надо было тратить время на лишнюю ходьбу, тем более что и в небольшом огороде, посаженном весной кое-как, постоянно находилась работа; ведь и мать и тетя Дуня были обязаны каждый день ходить и в колхоз, отрабатывать там свою норму; вскоре все наше семейство, по сути дела, перебралось из землянки во времянку, и ее пришлось расширять. Так было всем удобнее, и взрослым и детям, хотя, впрочем, стоит заметить, что в невыносимо трудные времена, когда человеку приходится лихое детство кончается необычайно быстро, работали все, и дети по шесть, семь лет и уж совершенно немощные старики и старухи; и умирали они не болея, просто во время какой-нибудь работы, кто на меже, кто с топором в руках, а кто просто шел куда-нибудь по делу, почувствовал слабость, припал к земле да уж больше и не встал...

И вот однажды, после долгих измерений, я забил кольшки в нужных местах и стал рыть ямы под столбы; брат Володя, окончательно теперь признав мое первенство, мне помогал; младшие, Валька с Сереежкой, как правило, уходили с сумками в окрестные поля собирать гнилую прошлогоднюю, а то и позапрошлогоднюю картошку; такие поля с запасами перезимовавшей в земле картошки то и дело открывались то в одном соседнем селе, то в другом; эту поистине драгоценную гнилую картошку затем сушили, толкли в муку и, смешивая с травой, лебедой, крапивой, конским щавелем, пекли оладьи.

Ушли Валька с Сереежкой, худые, вялые, и в это июньское жаркое утро, когда я стал ставить столбы; об этом накануне много говорили, и младшим очень хотелось остаться; я посмотрел вслед на худенькие фигурки братьев, пожалел их, но окликать не стал; каждый был должен делать свое, то, на что он способен. Тут же я о них и забыл; мне как можно скорее захотелось поставить первый столб, должный обозначить один из углов будущей избы — я так долго ждал этого часа, что уже не мог себя больше сдерживать, хотя утром обещал матери подождать, пока придет один из ее знакомых стариков плотников и по кольшкам не проверит правильность моих расчетов. Я взял лопату и, глубоко вонзив ее в глинистую землю, вывернул первую глыбу земли, густо поросшую корнями бурьяна; просто поднять ее и откинуть в сторону у меня не хватило сил. Володя вцепился в эту глыбу и с победным воплем волоком оттащил ее в сторону. Скоро пошла светловато-желтая глина, острая лопата входила в нее легко, и яма скоро была готова; я передохнул и взялся за вторую; брат посмотрел на меня с недоумением. Ему тоже хотелось поскорее поставить первый столб. Я сказал ему, что необходимо ставить сразу хотя бы два столба по одной стороне, иначе не угадаешь, правильно ли, ровно ли они встали, и что передельвать затем гораздо труднее и дольше. Володя промолчал, но когда была готова вторая яма, он с таким нетерпением стал подкатывать тяжелый дубовый столб к яме, что и я не выдержал; столб был угловой, он уже давно ждал, окантованный, с выбранными пазами. Мы примерились, поднатужились, и вот столб скользнул толстым узловатым концом в яму; мы выровняли его и укрепили. Я взял отвес и, отступив шага на три, стал выверять центр столба по вертикали, а Володя, с помощью ломика, по моим указаниям, скоро выправил столб так, как это казалось мне нужным; мы окончательно закрепили его в яме, но зарывать не стали. Нужно было установить второй и третий угловые столбы, чем мы и занялись. Время летело незаметно, но какое это было неповторимое чувство радости и гордости, когда все столбы встали на свои места, обозначая место будущего нашего дома, и когда вечером собралась вся семья, и мать, ничего не сказав, лишь украдкой вытерла глаза, что-то проворчала насчет пыли с большака и отвернулась... Строительство продолжалось, собрав стены, я взялся за потолок; один из стариков плотников, Мишка Макаров, как его все звали, хотя в самом деле он был Михаилом Макаровичем Мотовилиным, за символическую скорее плату помог мне нагнать косяки на окна и двери; под его же руководством выполнялась и еще одна ответственная работа, ставился верх. Нам не хотелось вторично зимовать в землянке; но не было кирпича сложить печь; однако крыша теперь была, я забросал ее наскоро соломой и укрепил от ветра; теперь можно было работать и в дождь. Мать с тетей Дуней стали лепить кирпич; с середины лета пошла всякая новинка в огороде и стало полегче; иногда мать добывала каким-то образом кружку молока, и тогда вообще был праздник; суп из молодой картошки и травы (картошки было немного в огороде, и ее по-прежнему экономили), забеленный стаканом молока, уже был роскошью; большей же частью молоком нас баловали в это лето младшие братья, Валентин с Сергеем; вооружившись бидончиками, они уходили в соседние села Голопузовку и Литичку, где каким-то образом сохранилось немало коров; да и сами села остались целы, не сгорели. Пристроившись где-нибудь у околицы, там, где возвращались в село бабы в полдень, подоив коров на пастбище, ребятки ставили перед собой бидончики и ждали. Некоторые бабы проходили, не глядя, а некоторые и плескались в бидончики молока из своих доенок; как маленькие добытчики были счастливы, если им удавалось набрать немного молока; со всех ног они неслись домой и терпеливо ждали возвращения взрослых, чтобы те сами все справедливо распределили. В народе этот способ пропитания всегда назывался «идти побираться» и выражал крайнюю степень нищеты; не знаю, как это можно называть иначе, но в войну и послевоенные годы это, разумеется, было нечто иное, чем нищенство, потому что имело совершенно иную социальную подоплеку.

Вспоминая младших братьев в те годы, я часто думаю о нынешнем, новом поколении сытых, изнеженных, не знающих ни обязанностей, ни морального долга юнцов и, может быть, уже чисто по-стариковски думаю, что в жизни что-то случилось, что-то стало пробуксовывать, а ведь в жизни ничего совершенно не случилось, все идет своим чередом; просто каждое новое поколение несет в себе не только семена будущего, но и грехи прошлого. О России много сказано, а сколько о ней еще предстоит сказать нового, неизвестного! Но и эта задача выходит за наши рамки, в течение одной жизни можно сказать много, но невозможно сказать все.

К осени, вернее, к первым заморозкам наша изба была готова; оставались мелочи, уже были проконопачены и обмазаны стены, засыпан пол и потолок и даже завалинка; была сложена печь, и мы принялись запасать дрова на зиму; рубили по низинам разросшуюся за годы войны ольху, осину, березу; складывали в кучи, чтобы дрова до заморозков, до снега, когда их легче вывезти, подсохли; именно, заготавливая топливо на зиму, мы с братом наткнулись на брошенную при отступлении крытую немецкую машину в густых, болотистых зарослях, сверху нагруженную кипами каких-то бумаг; она утопла по самое днище. Главное, рядом с машиной валялись две канистры с горючим; их почему-то до сих пор никто не тронул, и мы с братом с трудом перетаскивали их домой, и теперь у нас оказался запас горючего на зиму. Коптилки мы давно приспособились делать из гильз, небольших немецких снарядов; гильза сплющивалась в горловине так, чтобы в ней зажимался фитиль из тряпичи, сбоку пробивалось отверстие для наполнения гильзы горючим — вот и вся конструкция. Такие светильники назывались копилками, или коптюшками; если для освещения пользовались бензином, то для безопасности в него добавлялось по щепотке соли.

Пожалуй, теперь даже и не понять многим моей радости из-за неожиданной удачи — канистрам с бензином; все объяснялось просто, ведь уже опять подступали бесконечные осенние вечера, зимние долгие ночи, метели, снега, когда куда не выйти, не выглянуть, да и выходить незачем, все завалено снегом, безлюдье, ни огонька по ночам. Именно в эту зиму сорок четвертого — сорок пятого года у меня по-настоящему и пробудилась страсть к сочинительству; если раньше я ни с того ни с сего записывал на каком-нибудь обрывке пришедший на ум стишок и тотчас о нем забывал, то именно в эту зиму у меня родилась, окрепла и утвердилась непреодолимая потребность писать; днем же этим заниматься было некогда, оставались ночи. В деревне, как правило, спать ложатся рано, недаром говорится, вместе с солнышком ложатся, вместе с

солнцем и встают; такой порядок диктует сама природа, сам образ жизни; хата у нас получилась довольно просторная, в ней поместилась и непрямая русская печь, и большая плита, или по-брянски грубка, железная труба от нее под самым потолком была соединена с трубой от самой печи; в красном углу стоял грубо сколоченный, мною же, стол и две широкие лавки; над столом мать повесила икону, спасенную от войны бабушкой Настюхой. Возле печи, как и было принято, поместилась просторная лежанка, она задергивалась шитой матерью ветхой ситцевой занавеской; на лежанке обычно спала мать, тетя Дуня любила спать на печи, на печи же в холодные времена пристраивались и младшие — Валентин с Сергеем. Еще в одном углу стояли широкие полати, на них могла свободно поместиться вся наша семья; обычно на полатах зимой спали я и Володя; летом же я предпочитал спать на чердаке или вообще на улице под каким-нибудь навесом. Я уже давно, пожалуй, еще до войны, отвоёвал себе право читать по ночам, и вот теперь в достаточном количестве появилось горючее; мать уже не могла сердиться и ворчать, что без дела тратится дорогой керосин, который к тому же негде и купить; по вечерам все дружно засыпала, а я доставал свои обрывки бумаг, карандаш, каким-нибудь образом затенял (чаще всего ставил на стол перед копилкой согнутый углом кусок алюминиевой жести) свет и погружался в совершенно особый мир, принадлежавший только мне и никому больше; предо мной возникали и пропадали знакомые лица, мелькали какие-то отрывочные видения, затем, вдруг, в определенный момент начинавшие жить и развиваться совершенно уж удивительной фантастической жизнью; и бог знает, куда я только не уносился в этих своих ночных фантазиях! Да, пусть все это были сны, бесконечные, туманные сны юности, зыбкие, порой горячечные, порой цепенящие душу, но они всегда оставляли после себя несколько беспомощных строк — бесценный опыт общения со словом, неумелую, изматывающую, необходимую борьбу с ним.

Тихо потрескивает фитиль в копилке, тьма колеблется в дальних углах; кто-нибудь из спящих до всхрапнет, а то и вскрикнет; деревенская изба всегда полна жизни, какого-то скрытого, подчас таинственного движения, потаенных звуков и шорохов, их природу определить почти невозможно; ночная жизнь крестьянской избы многомерна, многослойна, как и сама природа; самые привычные и знакомые предметы в избе ночью начинают приобретать несвойственные им облики, они шевелятся, выпячиваются со своих мест, подкрадываются к тебе сзади, неожиданно прикасаются и исчезают; а то вдруг ты почувствуешь затылком чей-то мягкий вздох; волосы у тебя шевельнутся от этого ли вздоха или от сладкого ужаса; с трудом преодолевая себя, ты медленно, обреченно, с пропадающим сердцем обернешься и — опять никого, и только где-нибудь в темном дальнем углу прошелестит чей-то опять-таки не то вздох, не то смех...

С той далекой поры во мне и окрепла и утвердилась мучительная потребность сидеть за столом; порой просто сидеть и всего лишь смотреть на чистую бумагу, оознавая свое совершеннейшее бессилие перед ней.

Так и прошла еще одна зима; было исписано множество самодельных тетрадок, все больше из обоев или даже газет; за это занятие я получил в поселке прозвище «Петька-монах», что ничуть меня не охладило в желании писать; подступала весна, последняя, как потом оказалось, военная весна; в апреле месяце мне вышло ехать по мобилизации на торфоразработки в Польцо — местечко неподалеку от Брянска; жизнь опять менялась. Я захватил с собою несколько карандашей и тетрадку; ехать было недалеко и весело, утром сели на шумный, разухабистый рабочий поезд, заполненный в основном женщинами в телогрейках, а к вечеру уже были на месте; встав в очередь и простояв с полчаса, я стал обладателем матраца, двух простыней, байкового одеяла и двух наволочек; правда, и матрац и наволочки требовалось еще набить сухой, прошлогодней травой или листьями, и нужно это было сделать до темноты; местом жилья были длинные брезентовые палатки какого-то военного образца со спальными нарами, сколоченными из досок по обе стороны прохода. Я отошел от своего палаточного жилья и тут же в кустах набил матрац и подушки сухой, прошлогодней травой, собирал ее прямо с земли; ночью кто-то сильно храпел неподалеку, и я с привычкой то и дело просыпался, прислушиваясь к сонному миру вокруг, к шестому ветру и брезент и опять засыпал.

Пошли рабочие дни; меня назначили в бригаду канавщиков, я получил двойные брезентовые бахилы чуть ли не до пояса, орудие производства — лопату на длинном черенке; работа выпала несложная, тяжелая, рыть новые и поддерживать в порядке старые осушительные каналы на массивах, где велась добыча торфа; работали по норме, сделал свое, и отдыхай. Бригадир шагами отмерял каждому его долю, все расходилось по своим местам, и уже больше никто за весь день к тебе не подходил, но свой урок нужно было сделать непременно; вначале нужно было с обеих сторон аккуратно обрезать заросшие, начинавшие разрушаться борта старой канавы, затем все осыпавшееся вниз выбросить на бровку. Самая неприятная часть работы была именно эта; брезентовые бахилы не держали воды, и ноги все время коченели; обрезав борта и спрыгнув на дно канавы, сразу же начинал чувствовать болотистый холод всегда текущей по канавам воды, и поэтому каждый старался именно эту часть работы сделать как можно быстрее и опять выскочить наверх, стащить бахилы и погреть на солнышке ноги. Так и пошло день за днем; самым главным в такой работе являлась острая, удобная лопата, и каждый из нас старался этого добиться; лопата считалась острой, если она почти без усилий, лишь под своей тяжестью срезала с боков канавы лишний слой земли, торфа, не рвала, а именно, словно бритва, беззвучно и без усилий перехватывала сплетения корней; через неделю работы на чистке осушительных канав я привык каждый вечер обязательно вострить свою лопату; появилось больше свободного времени, хватало и почитать и что-нибудь написать в тетрадке, лежавшей на нарах под матрацем; времени свободного было бы еще больше, если бы не одна беда. Вши, огромное количество вшей, полчища вшей, с невиданным энтузиазмом и даже наглостью накинущиеся на нас в наших палатках, с огромной, считай, общей постелью. Мы, со своей стороны, вели с ними самоотверженную, беспощадную борьбу; вычесывали с головы мелкими гребнями, смоченными в бензине или керосине, забравшись в укромные места, растележивались, тщательно выбирали из одежды, выжигали одежду и постели над костром, но ничего не помогало. Проходил день, второй, даже после очередной общей дезинфекции, проводимой по приказу команданта и с его неперенным участием, вошь набрасывалась на нас с удвоенной, а то и утроенной силой и была вся какая-то ядреная, крупная, как бы отборная, сортавая; она ухитрялась благоденствовать не только на всяких потаенных частях тела, в подмышках, паху, но умудрялась захватывать и брови. В народе бытует поверье, что вошь заедает от нужды, а еще, что если человек сам по себе «нудится», то есть много печалится и заботится; может быть, оно и действительно так, но непрерывный зуд действовал ужасающе; однажды, возвращаясь с работы, мы всей бригадой остановились возле железнодорожной цистерны с горючим, только что доставленной в тупик для заправки тракторов на торфоразработках; мы отыскивали какое-то старое ведро; наполнив его

горючим, мы стали смачивать им волосы на голове; некоторые же просто окунали головы в ведро; после этого, согнувшись, чтобы соларка не попала за ворот одежды или в глаза и стекала с головы наземь, отходили в сторону, уступая место другим; недолго думая, окунул голову в ведро с соларкой и я. Ну, разумеется, одни волосы и лоб до бровей и, следуя примеру других, согнувшись, свесив голову пониже, тоже отошел. Такая отчаянная процедура прищлась нашим мучителям явно не по вкусу; что тут поднялось! Эти, казалось бы, медлительные паразиты поползли во все стороны, мы сгребали их на землю с шеи, со лба; мы ликовали новому способу борьбы с вошью; для меня же этот случай обернулся совершенно неожиданно. Возможно, это всего лишь совпадение, но факт есть факт. В тот же вечер, не успев доесть свою порцию тяжелого, водянистого хлеба и пшенной каши, я почувствовал себя худо; голову как бы охватил сухой, легкий жар, перед глазами плыл и плыл какой-то туман, и лица людей словно отдалились и отделились от меня легкой пеленой. И голоса стали звучать глухо и отдаленно.

Ничего никому не сказав, стараясь вообще не обращать на это внимания, я, отказавшись идти на какую-то вечеринку неподалеку, вернулся в палатку и лег. Ночью температура подскочила до сорока, а утром оказалось, что у меня так называемый возвратный тиф. Меня перевели, вернее, перенесли в санитарную палатку, остригли наголо; несколько дней я провалялся в красочном, неповторимом бреду. И на облаках летал, и жил вместе с рыбами под водой, и под землей задыхался, но все время куда-то двигался и перемещался; тифозный бред навсегда мне запомнился, как изнурительное, непрерывное и в то же время захватывающее движение среди невероятных чудес. Смутно помню, что временами появлялись девчата из соседней палатки; казалось, что от их мутно проступавших лиц тоже несло сухим жаром. Они поили больных, выводили в туалет. Каким-то образом о моей болезни стало известно дома, в Косицах; приехала мать, привезла жареную курицу, собрала меня, накормила насильно и увезла домой...

На судьбу каждого человека в нашей стране, если он даже появился на свет уже много лет спустя после победы над фашизмом, наложила свой невидимый отпечаток война, отторгнувшая от созидательной жизни народа неисчислимый запас его творческих возможностей, унесшая двадцать миллионов человеческих жизней в самом расцвете сил. И многим на свете, даже тем, кто искренне стремился познать истину, показалось в ту пору, что Россия теперь на сотни лет отброшена назад, что ей уже никогда не выйти на передовые рубежи и что будет она теперь прозябать во тьме неустроенности и нищеты. Показалось, и опять не сбылось, не могло сбыться; тут уж и самому хочется порассуждать, в чем же она, эта загадка, или скорее уж чудо России, о котором вот уже много лет гадают и пишут, а иные предсказатели, как правило, самые невежественные в своем зоологическом ослеплении, в неприятии очевидного стремятся унижить и опорочить, даже похоронить все советское, а вместе с ним и все русское.

Память сердца — вечная, неизбывная память, с неба вновь падают журавлиные зовы детства и юности, и поле, высохшее, огромное, в глыбах — их не берет никакая борона, ее зубы отскакивают от земли, как от железа. Только что закончилась война, по всей стране отремело торжество победы, но время, как известно, не останавливается, и вслед за сорок пятый пришел сорок шестой, ударивший по истрадавшей земле невиданной засухой... Самый обыкновенный русский человек, Василий Петрович Попов, с запавшими глазами, с колодкой орден на выделенной временем гимнастерке, откидывая натруженные плечи, чтобы удержать тяжесть севолки с зерном, идет первым. За ним, стараясь не отстать, со сбитыми в кровь ногами поспешали несколько парней, а то и парнишек четырнадцати — семнадцати лет. Поле, выжженная белизна неба и солнце, налитое тягжим зноем, вызревшее к полдню в воловье око, едкий, соленый пот, слепящий глаза.

Василий Петрович, вчерашний фронтовик, еще затемно ходил по дворам, каждого уговаривал выходить в поле, покрикивал: «Ну, мужики, пошли! Пошли!» Сейчас он безостановочно шагал и шагал вперед, захватывая тяжелое зерно в объемистую мужицкую руку, широким полукругом бросал радугу вспыхивающее под солнцем зерно перед собой. И если бы никто не шел следом за ним и он бы остался один в поле, сжигаемом засухой, он так же бы безостановочно шагал и шагал вперед. Шаг — размеренный, взмах руки, шаг вперед — взмах. И мужики (именно мужики, мужичины, несмотря на свой возраст, потому что других не оставила Брянщина, Смоленщина, Псковщина, Рязанщина, война с хлипкими от бесхлебя ногами, еще более ощутимым в таком возрасте) не могли бросить работу — сеятель должен был засеять землю; без хлеба, бесценного дара жизни, нельзя было двигаться дальше. С этой истиной уже в самой крови крестьянин и рождается, с нею же, незбылемой, вечной, и уходит в землю.

Солнце, неумолимое, беспощадное, библейское; редкие, короткие перекуры, горькая самокрутка во рту, а затем непередаваемая сладость разжеванного сухого зерна во рту, сладкий, непередаваемый вкус жизни и голодные судороги в пустом желудке... И опять из конца в конец поля, жаждущего зерна и дождя. И в этом не было ничего броского или героического; это была просто жизнь, ее очередной день, ее новый вздох. Вчерашний фронтовик, а сейчас пахарь и сеятель, тот же Василий Петрович Попов, приземистый, с почерневшим лицом и растрескавшимися губами, он вчера прошел, прополз, пробежал из конца в конец всю Европу. Для него это было тоже необходимым, тяжелой работой, которую нельзя было бросить, не завершив до конца. И сейчас он с жадностью, не промедлив единого дня, сразу же взялся за очередное неотложное дело. Это было как была, есть и будет сама земля; простой русский человек Василий Петрович Попов ушел из жизни, как уходили потом многие сотни тысяч фронтовиков, от неимоверной натруженности сердца, от сдвинувшегося со своего привычного места застарелого осколка в изношенном раньше времени лютый работой теле или просто потому, что им пришла пора уйти, но именно в зерне только тогда, когда оно попадает в темноту теплой власти земли, начинается пробуждение и идет упорная, невидимая, незаметная и самая необходимая работа. Видя затем пыльное цветение поля, редко кто думает о молчаливой работе корней, и тем более о бесследно исчезнувшем самом зерне — начале всего. На могиле Достоевского в Невской лавре есть надпись из евангелия, кажется, от Матфея, смысл которой в общем-то сводится к тому, что, если зерно пшеницы, попав в землю, останется невредимым, оно погибнет, а если, умирая, прорастет, оно обретет жизнь вечную. Что это, судьба самого Достоевского или здесь таится даже более высокий смысл? И не исчезает ли бесследно человек, не оставивший после себя ни детей, ни добрых дел, ни хотя бы доброй памяти? Не закон ли это самой жизни, ее бесконечного обновления, распространяющийся, разумеется, и на литературу? Не по этому ли принципу созидались в тысячелетиях высшие гуманистические нравственные и социальные ценности человечества?

И оказывается, то чудо России всего лишь в ее человеке, в тех простых, работных «черных людях», как называл их старый русский писатель Всеволод

Никанорович Иванов, в неустанных тружениках, непрерывно, из года в год, из века в век, ткущих полотно жизни, ведущих непрерывную борозду жизни и попутно, не спеша смаживающих соленый пот со лба; чудо России — это ее путь, на котором она, преодолевая немислимые тяготы и преграды, двигалась все дальше и дальше на восток, в ледяные просторы необозримых тундр, в разливы сибирской тайги, к самому громадному на земле океану, собирая на своей трудной дороге в единую семью большие и малые народы и народности, выковывая в непрерывных трудах невиданное в истории человечества братство, и неостановимо продолжала свое историческое предназначение из года в год, из века в век. Внук сменял деда, сын — отца, а борозда жизни, труда, творчества, борозда народа-первопроходца ни на минуту не обрывалась ни в дышащих тайной бездонных глубин пропастях, ни на поднебесьях, на доступных, казалось, только бурям и солнцу перевалах.

Россия необъятна, и все же бывают гениальные прозрения, когда мысль человеческая, пронзительная вера в ту же птицу-тройку, как у Гоголя, приобретает пророческий, вещий смысл. Тютчевское: «Умом России не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить», — тоже одно из таких прозрений, вобравшее в себя и неоглядные пространства родных просторов, и журавлиный зов над ними, и тысячелетние пути народа, и героическое начало его национального характера, пронесшего через все исторические катаклизмы и провалы, через невиданные битвы и свершения свою глубинную суть — суть творца и созидателя, а если это было жизненно необходимо и дело касалось судеб родины, то и беззаветного воина; вобрали в себя золотые, как бы утяжеленные от влитого в них вечного смысла тютчевские слова и весь последующий путь, путь России, и ее самое отдаленное, необозримое и сейчас будущее... Как же много могут вместить в себя человеческие слова, самые простые, всем давно известные, но рожденные в минуту высокого духовного подъема, что за бессмертное чудо такие слова! Чувствуется, как они немисливо тяжелы и как прекрасны именно своей тяжестью. И как они светят и греют, как вспыхивают ярче, казалось бы, в самом сердце в немисливо черные, провальные моменты.

Народная мудрость гласит: засыпь правду золотом, а она все одно всплывет. Много раз за свою историю Русь начиналась со стука топора на еще дымящихся пепелищах; ратный подвиг России неотделим от подвига строительного, Русь издревле была страной городов, остается она ею и теперь, а тот, кто строит, должен уметь защищать воздвигнутое, в поте лица своего и в нетерпении сердца; еще ведь задолго до того, как взметнулись изумительные по красоте и гармонии дворцовые ансамбли Петербурга, города, во всем мире названного северным чудом, русские люди, крестьяне, казаки, первопроходцы перешагнули за Урал, и перед ними открылся такой пустынный материк, такая строительная площадка, что дух захватывает до сих пор! И они стали строить мосты и дороги, заставы и города, заводы, прииски и верфи; через всю легендарную Сибирь и Аляску до самой Калифорнии деятельно застучал русский топор, брызнула свежая, смолистая щепка, и только тот, кто хотя бы раз в жизни проехал Сибирь из конца в конец, пусть даже по современным дорогам, способен понять или хотя бы ощутить сердцем, что такое в самом деле Россия, ощутить именно сердцем, в чем ее сила и бессмертие, и почтительно склонить голову перед ее «черным», немногословным, вековым подвигом строительным...

В небе сияли вечные звезды, а по неоглядной Сибири все шире и дальше загорались таежные костры, гасли, вновь загорались и вновь гасли; вгрызались лапата и кирка в звонкую, прожженную на добрую сажень лютыми сибирскими морозами землю; звенели кандалы, и тянулись к огню натруженные, вздрагивающие от непосильной работы руки; осыпала и уносилась ветром зола, политая потом и кровью многих поколений...

Наступит час, и под свист боцманских дудок, в самом устье великого Амура взвевается русский флаг; скромный, рябоватый капитан российского флота Геннадий Иванович Невельской вопреки (вопреки!) царским повелениям закладывает Николаевский пост, прорубает окно в Тихий океан, и Россия обретает второе глубинное дыхание, становится великой океанической державой. Капитан Невельской, подвиг которого только теперь начинает вырисовываться во всем его значении для будущего страны, с помощью двух десятков русских офицеров и матросов выполняет выпавшую ему на долю историческую миссию; он выполняет волю десятков поколений «работных», «черных» русских людей, давно уже стремившихся к берегам Амура и дальше, к побережью Великого океана. Сбываются слова Михаила Ломоносова:

Колобы росские, предков угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша достигнет в Америку держава,
И что во все концы достигнет россов слава.

Я вспомнил провидческие строки Ломоносова, встретив и разговаривавшись в своей последней поездке на Дальний Восток с совсем еще молодым человеком; родом с Орловщины, отслужив армию, он приехал работать сюда строителем. Я спросил, не скучно ли ему так далеко от дома, и он, быстро взглянув на меня, улыбаясь:

— А что? — спросил он все с той же спокойной улыбкой на большом красивом лице. — Россия, говорите? Не знаю... вначале подзаработать захотелось... а затем как-то окунуло... Попал на Амур по весне, глянул, дух захватило! Да что же такое, думаю? Где тут небо, а где земля? Гляжу, а в душе — тоска, да какая-то дикая... Я сюда словно кружку воды принес, думал, пригодится, водичка-то... напиться там. Или глаза ополоснуть... а тут... Океан!

Он опять махнул рукой, затем взглянул на свои увесистые ладони.
— Вот она — Россия и есть... Простору тут, дух захватывает. Девчат маловато, да ничего, наедут. Тут как раз-то Россия окнами на зарю стоит... Девчата, они такие, знают, что почем...

Я слушал его, смотрел и думал, какое действительно здоровое, сильное, жадное до работы пойдет от него потомство на просторной, неоглядной земле, стоящей окнами на зарю; я вспоминал, что дети всегда любят сказки и требуют от сказки доброго конца, а старики слушают их и согласно кивают, потому что они, уже умудренные и утомленные годами, знают, что жизнь, несмотря на ее самые жестокие неожиданности, и есть сказка и что самый добрый конец этой неповторимой сказки по-мудрому прост. Долго и много потрудившийся человек любит хоть изредка прикоснуться натруженной рукой к шелковистой головенке шустрого внука; старый человек, может быть, не думает при этом ни о чем, он просто отдыхает, а живой ток жизни, память поколений не прерывается; это и есть вечный и основной закон всего сущего. И еще я думал о той же Орловщине и Брянщине, Рязанщине и Вологодщине, о земле коренной России, о ее подзолах, глинах и супесях, поднявших на себе державу, раздвинувшую свои границы от океана до океана; время не останавливать, и все-таки они, мужики матери Федосьи, должны время от времени возвращаться к родным околицам и для укрепления своих дел и помыслов погружаться душой в вечные, животворные родники детства.

Навеки
в рядах
комсомола

К. П. ПИЛИНСКИЙ

БЕССТРАШНЫЕ

Марина ЧЕЧНЕВА,
Герой Советского Союза

У нее оставались считанные мгновения жизни — через несколько секунд кованый сапог фашиста вышибет фанерный ящик из-под обмороженных девичьих ног, мертвой петлей затянется на шее веревка. Есть ли смысл продолжать борьбу, стоя под виселицей? Для Зои не было такого вопроса. Истерзано пытками тело, но дух ее не сломлен. И потому звонко разнесся над площадью подмосковной деревни Петрищево ее голос. Последние слова Зои обращены к живым. К соотечественникам, ко всем русским лю-

дам: «Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за свой народ...»

И к захватчикам: «Нас двести миллионов, всех не переведаете... Победа будет за нами!»

Чем оценивается героизм на войне? Количеством сбитых самолетов, подожженных танков, числом уничтоженных или взятых в плен врагов? Да, в открытом бою это главное. И с этой точки зрения урон, нанесенный гитлеровцам одной Зоей, бойцом диверсионной группы, не так уж велик: сожженная конюшня с семнадцатью лошадьми да задохнувшийся в дыму фашист. Но подвиг Зои Космодемьянской много рода — это подвиг непоколебленного духа. Она погибла, выиграв свой последний бой. И даже враг вынужден был признать: «Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство. Она поспинала от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

У истории не бывает легких дней, но я не погрешу против истины, если скажу, что декабрьские дни 1941-го были для нашего народа самыми трудными. Фашисты буквально в считанных километрах от границ столицы, а вчерашняя десятиклассница 201-й московской школы, стоя под виселицей, за несколько минут до смерти произносит слова, полные святой веры в нашу грядущую Победу. И недаром вскоре ее слова эхом разнеслись по всей стране.

На фронте я не раз встречала солдат, бережно хранивших потертую на сгибах вырезку из январского номера «Правды» за 1942 год с очерком журналиста Петра Лидова «Таня». Они и в бой шли мстить за Зою, как за родную сестру. У одного за спиной был Севастополь; у другого — Сталинград; у третьего — безымянный перелесок с белым кружевом берез. А за всеми вместе за ними была Россия, Родина, без которой не существовало для солдата ни солнца, ни любви, ни самой жизни.

Когда думаешь о жизни, первые мысли твои о матери. От нее берут начало все наши дороги и наши судьбы. Нет для матери большего счастья, чем сознание, что дети твои выросли настоящими людьми, которые не подведут, выстоят в час испытания.

Я много лет была знакома с Любовью Тимофеевной Космодемьянской — матерью Зои и Александра, двух Героев Советского Союза. Нельзя не склонить голову перед материнским подвигом русской женщины. Это она дала своим детям великую силу духа, вдохнула в них основополагающее человеческое качество — любовь к Родине.

Тем, кто прошел Великую Отечественную, хорошо известно, как тяжелы, круты и неопределенны фронтовые пути солдата. Мы не знали, кто из нас доживет до Победы. Но мы твердо знали и верили: Россия будет жить вечно!

Эта вера и помогла нам выстоять и победить.

Не женское это дело — война. Уж лучше бы и не подвергать наши военные способности проверке. Но когда потребовалось, мы доказали, что можем воевать не хуже мужчин — двадцать три девушки только из нашего гвардейского авиационного полка ночных бомбардировщиков были удостоены звания Героев Советского Союза. Хочется вспомнить Женю Рудневу, удивительно цельного и чистого человека. Женя училась в МГУ, ей прочили блестящее научное будущее, а она добровольцем ушла на фронт и стала штурманом. После войны я написала о Жене повесть, но это, наверное, могла бы быть книга и о Евдокии Носаль — ей первой в полку было присвоено звание Героя, и о штурмане Глафире Каширинной, когда после выполнения боевого задания в полете была убита летчица, она взяла управление самолетом на себя и, абсолютно не имея опыта ночных посадок, сумела приземлить изрешеченную немецкими зенитками машину на родной аэродром. Это могла бы быть книга о каждой из моих боевых подруг — подвиги их достойны подвига Зои.

До сих пор свежи у меня — хотя минуло с той поры двадцать пять лет — воспоминания о дне, когда я впервые побывала на месте гибели Зои в деревне Петрищево. Мне довелось тогда сопровождать французскую делегацию, в состав которой входили наши соратники по антифашистской борьбе — бывшие летчики полка «Нормандия — Неман». Вместе с нами оказались две женщины — Эвелин и Кристин де Форж, вдова и дочь пилота, погибшего в бою под Смоленском. Вместе с ними я слушала рассказ о подвиге Зои и мыслями возвращалась в морозную зиму 41-го, когда мы с подругами, равнясь в то время на фронт, были потрясены мужеством девушки, назвавшейся Таней. Тогда Зоя была нашей ровесницей, и это делало ее особенно близкой моему поколению. Мы гордились ею: вот на какие вершины духа способен подниматься советский человек, воспитанник Ленинского комсомола!

Время не властно над подвигом. Оно бессильно преуменьшить свершенное герою. Перед поездкой в Петрищево мне казалось, что гости из Франции воспримут ее как обыкновенную экскурсию — ведь Зоя для них чужая. Но я ошиблась. Прекрасно помню, как, не стесняясь слез, плакали Эвелин и Кристин, как посерьезнели лица мужчин и какая тишина долгое время стояла в автобусе, когда мы возвращались в Москву.

Народ, который не помнит своего прошлого, вынужден вновь его пережить, гласит старинная мудрость. Жаль, что в странах наших бывших союзников все громче звучат голоса тех, кто предаст эту истину забвению, тех, кто хочет поссорить народы. А американский президент даже пытается доказать, что моя Родина — «средоточие зла», что она без сожаления может бросить в костер войны двадцать миллионов человеческих жизней. Какая ложь!

Мы прошли через горькие испытания, и нам ли не помнить о них. Нет, никогда не забудутся нашим народом имена героев, отдавших жизнь в борьбе с фашизмом. Наверное, останется в памяти человеческой подвиг Зои Космодемьянской — прекрасной и всегда юной дочери великого народа.

«Трассой рекордов» называют строительство экспортной газовой магистрали Западная Сибирь—Западная Европа.

«Смена» неоднократно рассказывала о ходе строительства уникального трубопровода. Вместе с ее корреспондентами постоянные читатели побывали на разных участках магистрали. Сегодняшний наш рассказ еще об одной точке на трассе—о селении, имя которого вошло в официальное название трансконтинентального газопровода.

Валерий ЕВСЕЕВ

ТОЧКА НА ТРАССЕ

УРЕНГОЙ

ПОМАРЫ

УЖГОРОД

Фото Альберта ЛЕХМУСА

МАРИЙСКОЕ СЕЛО ПОМАРЫ—ЦЕНТР ЭКСПОРТНОЙ МАГИСТРАЛИ.

Хотите выиграть пари у самого образованного и эрудированного вашего приятеля? Задайте ему такой вопрос: что такое Помары и где они находятся? И если он, ваш эрудированный приятель, не живет в непосредственной близости от этих самых Помар либо не работает в системе Миннефтегазстроя, то успех в споре вам почти гарантирован. Во всяком случае, лично я, вернувшись из Помар, неоднократно в этом убеждался. Хотя уже больше года звучит это имя в эфире, глядишь с газетных и журнальных страниц, вопрос о Помарах—твердый орешек. Расколоть его не помогает даже энциклопедия. А ринувшийся в географический атлас найдет там только небольшую городок Помаран, что на берегу реки Гвадиана, на самой границе Португалии и Испании. С искомым нашим спора он связан лишь тем, что, возможно, в будущем и в Помаран пойдет уренгойский газ, «подталкиваемый» мощными компрессорными установками в Помарах.

Уренгой—Помары—Ужгород. Так официально именуется экспортный газопровод Западная Сибирь—Западная Европа. Почему Уренгой, понятно: там, в приполярной тундре, истоки газовой реки. И с Ужгородом вопросов нет: конечная на советской территории точка строящегося трубопровода. Но почему Помары?

Почему Помары? Потому что это центр трассы. Потому что здесь строится одна из самых мощных компрессорных станций газопровода. Так отвечают компетентные люди. Вот и все. И рассеялся ореол таинственности над неведомым нам до недавней поры словом.

И все же... Центр трассы? Разделим длину газопровода—4451 километр—пополам. Подсчитали? Помары

стоят на 2205-м километре, считая от Уренгоя. И есть более крупные населенные пункты, расположенные поближе к арифметической середине трассы. Так почему же все-таки Помары?

А может быть, было так?

...Шли по земле изыскатели, шагами измеряя километры будущей супертрассы. С востока на запад шли. Не доходя Волги, у реки Илеть услышали незнакомое имя, раскатистое, как рокот далекого моря, загадочное, как шум окрестных лесов. Поговорили в селе со стариками. Многому подивились, и... А, может, и по-другому все получилось.

Вновь не вспыхнет

нам юности зорька —
Что грустить по ушедшим годам?
Но осталась не молодость только
Там в Помарах—душа моя там...
Вижу: озеро вширь распахнулось,
Цвет черемух спадает с ветвей...
Пряным духом весенним пахнуло
Над родною деревней моей.

Это из поэтического сборника Семена Вишневого. «Память» называется сборник.

Но прервем в этом месте лирическую ноту. Заглянем в гости к новоиспеченным жителям этих мест, бойцам ударного комсомольского отряда, приехавшим из Татарии возводить на марийской земле Помарскую компрессорную станцию. Жаль, но так и не смогут, видимо, никогда рассказать о красоте окрестных помарских мест восемь человек из отряда, которые уехали со стройплощадки КС в первый же день. И еще двенадцать человек, ненамного изменившие грустную суть шутки «день при-

езда, день отъезда—один день». Двадцать «штыков»—ощутимая потеря для отряда из 60 человек. И хотя позже эту брешь заполнили новые добровольцы, поводов для раздумий сам этот факт оставляет, согласитесь, немало. «Людей не выбирали, а набирали»,—коротко скажет о причинах случившегося командир отряда Юрий Фомин. Заметим, что в основном покинули стройку шоферы, которым обещали здесь работу по специальности, хотя не так уж, видимо, трудно было Марийскому и Татарскому обкомом комсомола выяснить и согласовать истинные потребности в тех или иных специалистах еще в период формирования отряда. Хочется верить, что урок этот пойдет впрок комсомольским руководителям двух автономных республик, расположенных в самом центре строящегося супергазопровода.

А пока посетим другое подразделение строителей газопровода. Неподдалеку от села, на стеллажах 1-го участка специализированного управления монтажных работ треста «Татнефтепроводстрой», сваривали плети будущего газопровода. Три трубы—плеть. 30 плетей—километр. Суточный шаг строителей газопровода. Но у сварщиков на стеллажах объем работ измеряется не километрами пройденной трассы, а сваренными швами. 20 километров непрерывного шва—таков объем работ 1-го участка. За его выполнение отвечает вместе с начальником участка человек, чью должность мы привыкли произносить сокращенно, не вдумываясь в первоначально заложенный в нее смысл,—прораб. Производителем работ на этом участке экспортного газопровода Западная Сибирь—Западная Европа был Александр Дмитриевич Филатов.

— Давно ли здесь?—спросил я Александра Дмитриевича.

— С мая 82-го,—ответил он,—с самого начала. Но места знакомые, я в Помарах родился.

Ну, мог ли я не задать такому человеку все тот же вопрос: почему Помары? Подстраховав свой ответ шуточной интонацией, Александр Дмитриевич заметил:

— А может, кто из наших, из помарских, среди проектировщиков был, так и решил свое село увековечить.

И ведь нетрудно это проверить. И мне и самому Филатову. Да почему-то не хочется.

Пусть останется маленькая тайна. И пусть останется память о родном селе не только в стихах. Разве это плохо? Но сколь бы таинственным и субъективным ни был выбор названия магистрали века, Помары вполне достойны фигурировать в нем.

Вот ведь скажите: какая из деревень похвастается аж четырьмя версиями происхождения своего имени? В Помарах так оно и есть.

Тут и легенда о древнем богатые Бомаре, якобы основавшем село, и утверждение о переселенцах с берегов Балтики—поморах, и грустная история о прошлом этого края, когда слово «мор» было одним из самых ходовых... Однако ученые отдадут предпочтение четвертой версии, по которой название Помары произошло от сочетания слов «пу мари», означающего марийцев, живущих среди деревьев, то есть лесных марийцев. Так или не так оно было на самом деле, сказать трудно—без малого два века прошло с момента основания села. Но леса в этих приволжских местах по сей день красивейшие. Дубравы сменяются сосняком, березовыми перелесками. Много озер, большинство из которых карстового происхождения. Одно из них чуть ли не в центре Помар. Постоишь на его берегу, успокоишь глаз тихой рябью воды, вдохнешь пахнущего чистой лиственной воздухом, полюбуешься ладной деревенской улочкой, убегающей в гору,—и в душе просыпается художник, рука сама к кисти тянется.

Но не только природной красотой славны Помары. Здесь центральная усадьба передового в Марийской АССР колхоза «За коммунизм». Зерно, молоко, овощи—вот сельскохозяйственный профиль Помар. О том, что хозяйство здесь крепкое, можно судить, не глядя в сводки и отчеты. Свой Дом культуры, на сцене которого не чувствуешь себя стесненными и артисты республиканского театра, трехэтажное здание средней школы, Дом быта, несколько магазинов, больница, оснащенная современным отечественным и импортным оборудованием, библиотеки, свое ПТУ, готовящее механизаторов и птицеводов-операторов... Но главная гордость колхозников—улица Экспериментальная. Название ее не случайно. Дома здесь построены по индивидуальным проектам, заимствованным из разных республик страны.

Очень нам понравилась эта улица. Но нашему спутнику, секретарю Волжского горкома комсомола Александру Короткову такая заинтересованность новым сельским бытом, судя по всему, казалась чрезмерной. Он торопился на компрессорную станцию. «Там настоящие Помары, там стройка». Он был прав, комсомольский секретарь, вчерашний инженер: стройка всегда притягательнее и символичнее уже готового, построенного. Помары это знают хорошо, не в первый раз оказались они на острие строительной круговерти. В двадцатые годы здесь не менее яростно звучали призывы «Даешь!». Тогда Помары стали первой в Марийской республике железнодорожной станцией на стальной трассе, тянущейся к Йошкар-Оле. Сегодня на эту станцию прибывают вагоны с трубами, мощной техникой, оборудованием для газопровода. Кстати, вот еще одна ниточка, ведущая к разгадке «таинственного» вопроса—«почему Помары?», пожалуй, самая реальная и объяснимая ниточка. Конечно, железнодорожная станция! Именно она, построенная еще до начала первой пятилетки, помогает ныне строить Помарскую компрессорную—детище одиннадцатой пятилетки. Такая вот связь времен.

Только у каждого времени свои скорости. Ударники двадцатых годов, строящие стальную железнодорожную магистраль, мечтали, наверное, о том, что за час-другой можно будет добраться до столицы республики. Они свое дело сделали. Сегодня их внуки строят здесь другую стальную магистраль—подземную. Когда читатели увидят этот номер журнала, строители КС-22, компрессорной станции «Помарская», сдадут в строй ее первую очередь. И старинное марийское село отплатит стране о своей готовности дать «зеленую улицу» уренгойскому газу, которому понадобится всего четыре с половиной часа, чтобы «пройти» 2246 километров от Помар до Ужгорода.

ЖИТЬ В ДОЛГ?

...Когда мне было лет 15—16, и я, просмотрев хорошенькое платье, просила: «Мам, дай денег», — мать раскладывала передо мной семейные нужды: «У Володи нет зимних ботинок. Леночке к осени это пальто уже не налезет. Папе обязательно надо подлечиться в санатории. У тебя ведь есть два платья. Красивые. Ну, посуду, откуда я возьму деньги на лишнее платье тебе? Оно ведь и вправду лишнее». И, заметив, что я надулась, приговаривала: «Начнешь работать — сама поймешь цену каждой копейке. Она ведь не с неба падает».

И в первый же год моей самостоятельной жизни в другом городе я по достоинству оценила уроки матери. Собственные 100 заработанных в месяц рублей пришлось учиться распределять с умом, бережно. Пришлось, потому что первую зарплату я так «сумела» потратить, что добрый десяток дней до следующей жила «натошак».

Соизмерь свои потребности и возможности — эта в общем-то простая истина постигалась мной еще порядочное время. И, думаю, будь у меня более «добрые» родители, вряд ли бы и я сумела понять суть этой истины до конца. Ведь как часто бывает? Ну, потратил свои деньги, ну, неразумно. Но какой же родитель не скалится, увидев свое чадо в чем-то нуждающимся?!

Статья Б. Павлова остро поднимает проблемы как экономические, так и нравственные. Я бы сказала, находятся эти проблемы в прочном единстве. Среди молодых появилось слишком много умеющих щедро тратить деньги незаработанные, чужие. Приспосабливающихся жить в долг, за чужой счет. Это подтверждается и социологическими исследованиями, данные которых убедительно использованы автором «Рубля заработанного и потраченного».

В одном из своих номеров молодежная газета «На смену!» (Свердловск) напечатала письмо двадцатипятилетнего В. Б. О себе он сообщает, что имеет собственную семью. Зарабатывает в месяц 130 «рз». При этом располагает прекрасной кооперативной квартирой, машиной. И, не стесняясь, этот вроде бы давно самостоятельный человек пишет, что, конечно, на свою зарплату приобрести он все это не мог. Да еще подводит под свою позицию солидную базу: мол, родительская помощь позволяет ему заниматься «главным в жизни, не отвлекаясь на многие житейские заботы». Что, мол, многие его сверстники, лишённые родительской помощи, из-за «стартовых» трудностей меньше читают, реже посещают театры, кино. Приводит даже старую притчу об орле и его птенцах. Пала **может и хочет** ему помочь. Пала не вор, на «помощь» заработал честным трудом. Кому от этого плохо-то? «Я», — пишет В. Б., — тоже своим детям помогу».

А вот я в это, простите, поверить не могу. Откуда В. Б. возьмет «потом» средства помогать своим детям, если сегодня он не учится их зарабатывать сам, если в свои 25 он привык брать, но не отдавать? Не верится и в то, что, «не отвлекаясь на многие житейские заботы», взрослый «ребенок» обогащается духовно, тратя не свои деньги на посещение театров, на покупку ценных книг, художественных альбомов и т. д. Жизнь-то состоит как раз из забот, тревог, волнений, дел. И только тот, кто ощутил их важность и тяжесть на собственном опыте, в силах принять душой суть искусства. Оно ведь тоже о жизни и от жизни. Во всех ее проявлениях.

Я, может, не остановилась бы так подробно на письме В. Б., если бы оно, увы, не выражало распространённые взгляды достаточно значительной части молодежи на то, кто и что им обязан предоставлять, на что они имеют не подлежащее обсуждению право. И если бы эти взгляды не сказывались практически на экономике, на делах комсомольских организаций.

Правом на иждивенчество, на безраз-

мерное детство назвал такую «философию» в разговоре со мной вторая секретарь Синарского райкома ВЛКСМ Каменска-Уральского Михаил Давыдов. Михаил, активный член комиссии по делам несовершеннолетних, как-то, рассказывал:

— Недавно беседовали с тремя восьмиклассниками — девушки купили бутылку водки и напились. Факт сам по себе тревожный. Но нельзя оставлять без внимания и другое: бутылку купили на деньги, которые одна из школьниц обманом выключила у матери. Спрашиваю: сколько нужно работать твоей маме, чтобы заработать пропитую вами «пятерку»? Промямлила что-то невразумительное. Мы что-то уж больно стали стесняться говорить молодым, что у нас почем. Как хоч, так и учись — образование-то бесплатное. Пофасонил, не оделся тепло и простудился — вылечат, это тоже бесплатно. И таких примеров — не перечислять. Да, для них все это бесплатно. Но государству-то обходится

дых рабочих не справляется с нормами выработки. Хотя своей зарплатой удовлетворены 78 процентов опрошенных. А чего не удовлетвориться-то? Родители ведь регулярно помогают. Чтобы самому заработать, надо попотеть. Норму эту самую выполнить да еще и перекрыть, подумать, как сэкономить электроэнергию, инструмент, сырье. Это нелегко. Легче работать вот так, не напрягаясь, а разницу в потребностях и возможностях возместят папа с мамой.

Интересно, что и по дому, по хозяйству молодые люди себя тоже не утруждают. Исследования социологами затрат времени на домашний труд у молодых в возрасте 18—20 лет дают такую картину: большая часть — 56 процентов опрошенных — работе дома отдаёт не больше двух часов в неделю.

Одним словом, все себе, все для себя. И как можно больше. Не важно, за чей счет. Лишь бы было. Причем замечаю: разодетые за родительский счет на хлебники свысока поглядывают на тех

Привыкаю к этому. Нужно что, думаю не о том, могу ли я сам на это заработать, а о том, как повернее с родителей деньги вытянуть. Ощущение было — хуже некуда. О себе самом тошно было думать. И тогда я оставил институт, пошел работать, потом поступил в ПТУ. Со временем и своего младшего брата в это же училище устроил. Потому что уже точно знал: чтобы чувствовать себя человеком, нужно уметь зарабатывать на жизнь себе, на помощь близким.

После армии я женился. На свадьбу у родителей мы не взяли ни копейки. Считаю: это лучшее начало самостоятельной семейной жизни. Сейчас мне 28 лет. Жена, трое детей. Заработок у меня на стройке не очень большой, по мнению некоторых, но живу-то я несколько не хуже других. Знаю и чувствую это точно.

А если мне позарез нужны деньги — так я же мужчина, рабочий человек! Могу, к примеру, вагоны по вечерам разгружать. Или другой честный дополнительный заработок найти. Блага для себя надо добывать самому, честным трудом.

Михаил КИТАЕВ,
г. Петухово,
Курганская обл.

Читатель — «Смена» — читатель

Из письма Свердловского обкома ВЛКСМ горкома и райкомом области

В журнале «Смена» (№ 1, 1983 г.) опубликована статья кандидата философских наук Б. Павлова «Рубль заработанный и потраченный», в которой рассмотрены проблемы разумного использования материальных ценностей и вопросы экономического и нравственного воспитания молодежи в целом.

Предлагаем использовать данный материал для подготовки лекций,

бесед, диспутов, проведения уроков бережливости, в работе лекториев для молодой семьи, для рассмотрения на комсомольских собраниях в профтехучилищах.

Секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ С. ШИТИКОВ.

Выслано во все горкомы, райкомы ВЛКСМ.

РУБЛЬ ЗАРАБОТАННЫЙ И ПОТРАЧЕННЫЙ

в копейку. И немалую. Обеспечивается это нелегким трудом честных тружеников.

Члены бюро Синарского райкома ВЛКСМ, обсудив статью Б. Павлова «Рубль заработанный и потраченный», напечатанную «Сменой», резонно решили: в работе с молодежью упускается одно из важнейших звеньев — борьба с социальным инфантилизмом. Ведь значительная часть тех, кто не желает работать в оперативном и педагогическом отрядах, кто отмахивается от комсомольских поручений, — как раз ребята, как должным пользующиеся «помощью» родителей. У них свои интересы: посидеть-побалдеть тесной компанией, «повыпендриваться» друг перед другом «фирмой», новомодным диском, купленным у спекулянта втридорога.

Озадачили комсомольских секретарей и исследования, проведенные социологами на одном из наших предприятий и в подшефных микрорайонах. По данным этих исследований, 28 процентов молодежи в возрасте до 25 лет, работающие на предприятии не больше двух лет, имеют серьезные и многообразные нарушения трудовой дисциплины. Только 7,7 процента этой молодежи сумели за это время по-настоящему сжиться с коллективом. Поняли и выполняют свои обязанности перед товарищами по работе, полностью освоили профессию. В некоторых цехах почти половина моло-

ребятам, которым приходится на жизнь зарабатывать своими руками.

Считать чужие деньги и в самом деле занятие неблагодарное. Но допустить, чтобы в нашем обществе росла и пускала корни этакая «элита», которой все доступно, которая все имеет, не умея главного — работать на совесть, значит, закрыть глаза на чужое нам, опасное явление.

Татьяна ПОРОТНИКОВА,
член Каменск-Уральского горкома ВЛКСМ

СВОИМ ТРУДОМ!

Очень актуальна статья «Рубль заработанный и потраченный». Да, сбросить мне сейчас годков десять, поступал бы я иначе...

В семнадцать лет стал я студентом института. Жил тогда у тети. Кроме стипендии, получал ежемесячно по 40 рублей от родителей из деревни, хотя заработок отца был 65 рублей, а мама не работала. Деньги я тратил бесцельно, тем более что за квартиру и питание тетке не платил, продукты мне родители тоже присылали.

И так все тянулось, пока я вдруг не понял с ошеломившей меня ясностью: становлюсь тунеядцем и иждивенцем.

СТУДЕНТ И РАБОЧИЙ

Что я хочу сказать о статье «Рубль заработанный и потраченный»?

Прежде всего — о себе. Я студент и рабочий одновременно. В нашем институте организуются постоянно действующие стройотряды среди студентов первых — третьих курсов. Мой отряд обслуживает здание института, столовые, три корпуса общежития. Я работаю слесарем-сантехником. Есть у нас и шоферы, плотники. По утрам работаем, вечером учимся. Считаю, нам крупно повезло. Дело даже не в том, что мы получаем деньги. Работа, даже самая неблагодарная, делает нашу жизнь осмысленной, полезной для общества. Наш отряд строил дорогу, и бывали дни, когда меня от бетона просто мутило. Но я участвовал в нужном деле!

Как говорил В. Сухомлинский, тот, кому было нестерпимо трудно и кто преодолел трудности, совсем по-другому видит мир и понимает людей. Думаю, много пути в воспитании социально зрелой личности и быть не может.

Сейчас, к сожалению, появилось немало молодых людей, которые материально полностью зависимы от родителей и не имеют никакой охоты хоть как-то изменить подобное положение. То есть не принимают никакого участия в хозяйственной деятельности государства. А ведь такое безучастие тоже формирует образ мышления, взгляды на жизнь. Формирует на свой лад. Не отсюда ли равнодушие, лень, неумение добиваться поставленной цели, гражданский инфантилизм?

Я думаю, нам срочно необходимы меры, которые бы обеспечили безусловное и обязательное участие каждого молодого человека в общественно полезном труде с соответствующим материальным вознаграждением. Причем с достаточно раннего возраста. Только труд должен быть полноценным — как по интенсивности, так и по продолжительности. И главное — должен приносить реальные, нужные людям плоды. Разумеется, нужно строго учитывать возрастные критерии.

Да, это непросто. Нужно будет пролить немало пота, натереть мозоли, заставить работать голову, проявить чувство ответственности за свое дело. Но ведь результат-то уж очень хорош — зрелый человек, знающий цену себе, труду, всему, что его окружает.

Андрей ДЕМИН,
г. Мытищи

ДУНИНСКИЕ ПРОСЕЛЕННИ

М. М. ПРИШВИН.

Рисунок
Юрия ИВАНОВА.

Леонид ПЛЕШАКОВ.

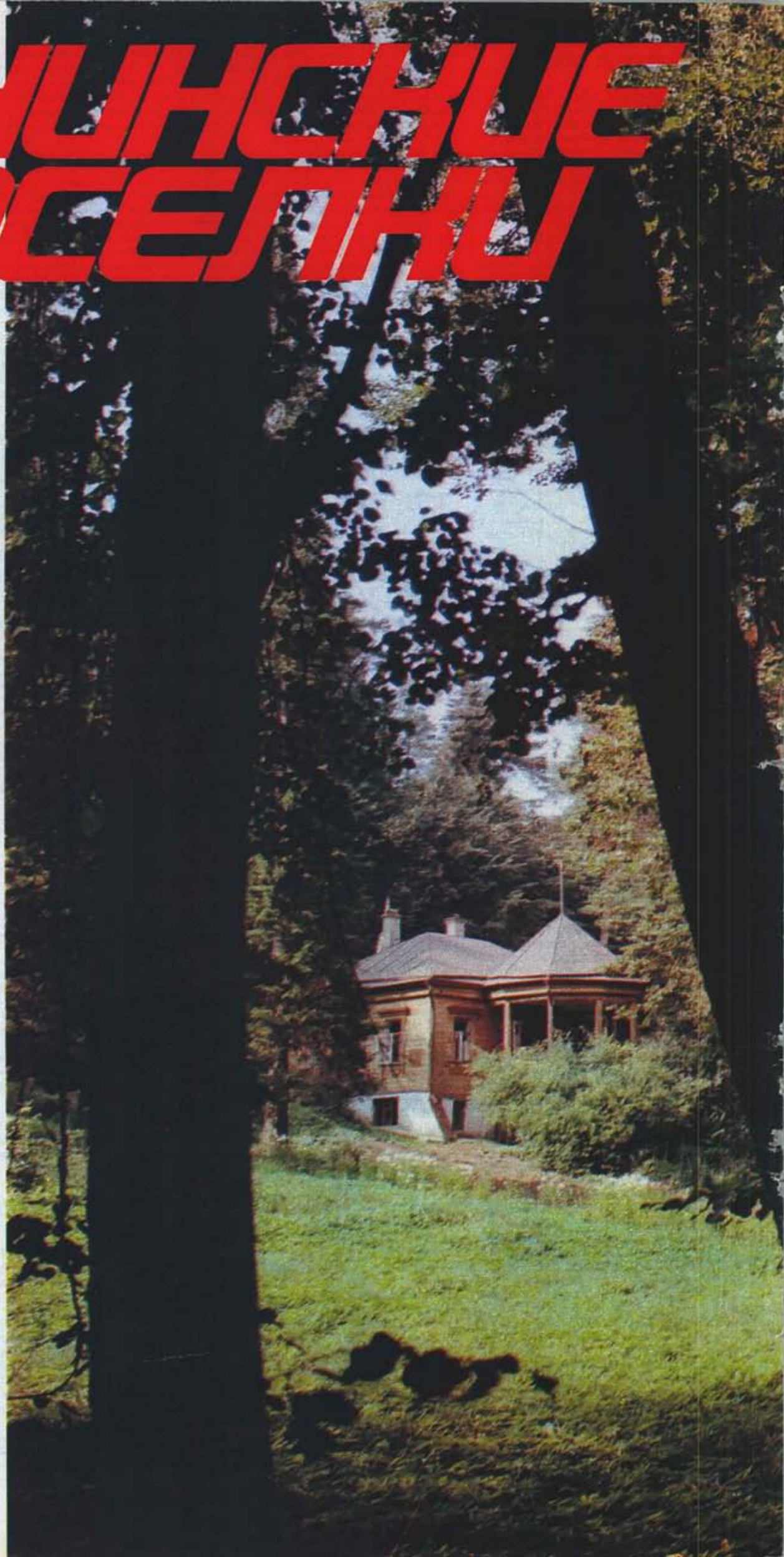
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

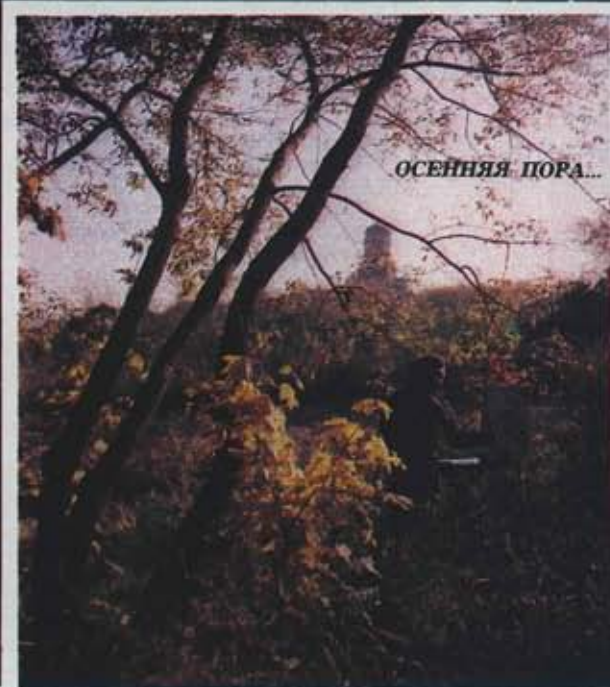
После небывалой жары, томившей Подмоскovie в нынешнем апреле и мае, прошедшие следом дожди освежили и напоили землю, и все живое дружно кинулось в рост. Ранняя весна сместила привычные природные сроки, пожалуй, недели на две. Раньше обычного пробилась сквозь прелую прошлогоднюю листву сморчки и строчки, зацвели лесной орех и примула, выбросил стрелки папоротник-орляк, раньше отгнездовались птицы. К началу июня лесные поляны и опушки утопали в цветущем разнотравье, а подлесок набряк гомоном птичьей мелкоты. Родители торопились обучить первенцев этого сезона премудростям самостоятельной жизни, чтобы по хорошей погоде успеть со второй кладкой.

Этот перелом от весны к лету вобрал в себя все лучшее, что есть в обоих временах года. Природа давно уже пробудилась от зимней спячки, набралась сил, но еще не устала от каждодневных летних трудов своих, и всякий солнечный день и теплый дождь были ей в радость и на пользу.

Вот таким приветливым июньским утром шел я лесной тропой к деревне Дунино, что лежит километрах в восьми от Звенигорода ниже по течению Москвы-реки.

...Лесная тропа под уклон бежит к Дунину. Но торопиться вместе с нею не хочется. Этот прогретый солнцем, насыщенный ароматом смолы и цветущего разнотравья мир расслабляет, заставляет сбросить с себя суетные привычки каменно-асфальтового города. Хочется не идти, а брести. И не по подзолистым залысынам истертой подошвами тропы, а по пружинистой хвойной постилке, напрямую—через валежины, заросли бузины и крапивы, через гибкие орешники, через чистые еловые и сосновые подножия. Не шуми,

ОСЕННЯЯ ПОРА...

ПЕРВАЯ ПРИМЕТА ВЕСНЫ—
РАСЦВЕТАЮТ ВЕРБЫ.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ.

ЛЕТНИЙ САД.

веди себя достойно—и тебя согласятся принять за своего или хотя бы не бросят опрометью при твоём приближении. Только смотри.

Дунино открывается неожиданно. Лесная дорожка, сбежав под уклон, сразу становится деревенской улицей с зеленой травой по обочинам, с заборами по обе стороны. За ними—огороды, яблони, вишни, грядки моркови и лука, цветы, кусты сирени, деревянные дома, сараюшки, шесты со скворечнями. В проулке огромный огненно-рыжий петух выгуливает белоснежных подружек. Его менее удачливый сопер-

ник держится на безопасном расстоянии и свою страсть предпочитает изливать громким кукареканьем. И тут же из ближних и дальних дворов ему откликается горластое петушиное племя.

Тепло, дремотно, уютно. Дунино.

Слева от дороги, по склону, убежавшему из леса к реке,—просторная усадьба. Со стороны деревни ее отбивает старая липовая аллея. От проулка—еловая. Сверху подпирает лес. Посреди участка небольшой деревянный дом, обращенный к Дунину широкой верандой на высоких столбах-опорах. Дом Михаила Михайловича Пришвина.

Писатель поселился здесь на склоне жизни, когда ему пошел уже семьдесят четвертый год. Он понимает, что времени ему осталось немного, что это будет его последний в жизни дом, поэтому выбирает его долго, тщательно и придирчиво.

Если бы речь шла не о Пришвине, о ком-то другом, на это обстоятельство можно было бы и не обратить внимания. Но это был Михаил Михайлович Пришвин, человек, которому всю жизнь не сиделось на месте. Родившись в имении Хрущево, под Ельцом, Орловской губернии, он учился в елецкой гимназии, тюменском реальном училище, рижском политехникуме. После двухгодичной ссылки за активное участие в революционном марксистском кружке уезжает в Германию, где заканчивает агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета. Он исходил русский Север, совершил экспедицию в Карелию и Норвегию, побывал в азиатских степях, на Дальнем Востоке, в горах Кавказа. Он работал земским агрономом, сельским учителем, ученым-природоведом, был военным корреспондентом на фронтах первой мировой войны, любил путешествия, охоту, увлекался фотографией. И все-таки главным делом его жизни стала литература, в которую он вошел довольно поздно и отдал почти полвека жизни. Собственно говоря, профессия писателя стала как бы логическим продолжением его предыдущих профессий, а материалом для его очерков, рассказов и повестей стали наблюдения, почерпнутые в поездках и походах, которые он совершал до глубоких лет. Доскональное знание природы, любовь к ней вылились на страницы его произведений, стали отличительной чертой его творческого почерка.

В одном из своих писем Пришвину Максим Горький признался:

«Ни у одного из русских писателей я не встречал, не чувствовал такого гармоничного сочетания любви к Земле и знания о ней, как вижу и чувствую это у Вас».

Однако природа не была для него только предметом созерцания, только кладовой, откуда он черпал свои наблюдения. Он чувствовал себя ее нераздель-

ДОМ ПРИШВИНА В ДУНИНЕ.

Плач по песням Виктора Хары

«...а земля и гитара
все поют и поют».
Пабло НЕРУДА.
«Ода гитаре»

В час мужества,
когда каскады света
Несли к земле
с холмов окрестных звезд
Немые реки воздуха святого,
Воскресшего, как бусинки росы,
Из ничего,—
Седые хлопья пепла
И пальцы оставались на гитаре
Поэта. Трогал струны Виктор Хара.
И мощная ладонь небес наброском
В пространствах мнимых
вдруг изобразила
Метели два крыла,
две тонких кисти
Рук воина, подобных устьям рек,
В волнах несущих трупы.
Черным блеском
Там отливали волны. Но никто
Горящую слезу убить не может,
Слезу гитары этой непокорной...
И кто меж днем и ночью режет нить,
Меж слабеньким дыханьем
первых почек
И золотом увядшего листа?
Беззвездно небо. Ни одна звезда
Не светит в нем.

Они спустились наземь
спеть на гитаре,
Павшей рядом с телом
Под бирюзовой плоскостью крыла.
О пальцы, нотоносные сосуды,
Вы вены песен, вы аорты звуков,
Возлягте на струну,
чтоб воды снова,
Срываясь с лезвий
неприступных Анд,
Как журавли усталые, собрали
В суровых недрах ритмы золотые,
Орлиную пульсацию планеты,
Пульс укротителя
неприрученных слов...
Нельзя убить вот это пенье сердца,
Нашедшее в гармонии высокой
Истоки пролетарской веры в массы.
Сегодня в окнах траурных, сегодня
В отливе трав трепещущих, сегодня
В революционном ветре этой ночи,
В биенье веток,
гнущихся под ветром,—
Следы твоих задорных,
звонких песен,
Питающихся соком вольных недр.
Так этот плач по юности убитой
Пусть гимном станет,
слушай, слушай,
слу...

Перевел с молдавского
Александр БРОДСКИЙ.

Песнь неба

Юрию ГАГАРИНУ

О вы, звезды,
Помните ли еще
Вы, звезды,
Помните ли еще
Руки мои, закинутые горячо,
Взгляд незрячий
Помните ли еще?
Ваш свет
Залил нас,
Зеленой листвы весь запас.
Ваш свет,
Чист и ал,
На зеркалах упал,
На капли росы,
На спелый колос.
О звезды,
Какой красивый голос
На этот край
Опустился тогда,
На эту землю, села и города...
Голос остался
Жить в домах,
В зеленых домиках,
В лугах и лесах—
Небесная песня—
На все города,
Небесная песня—
Наша звезда.
Небесная песня возносится, радуя
Родину нашу, возносится вверх.
Из белого-белого солнца статуя
Над памятью нашей,
Молний пересверк.
Родина—
Полет жаворонков длинный,
Легких ракет,
Звездных идей.
Я—
первый,
Я—
первый,
Я—
первый
Космонавт из людей!

Надпись на отвороте шинели

Обнятые накрепко тобою,
Серая и жесткая шинель,
Начинают грезить высотой,
Люди окрыляются, поверь.
Люди
Забывают вечно дома
Все слова любви, что им знакомы,
Флейту и косу
На чердаке.
Только окна дома остаются
Со слезами на глазах в тоске
И без тополей— холмы.
Все— пусто...
У тебя, шинель, суровый голос
И холодный, как степной мороз.
Защищало фалды твои гордо
Белое цветение берез.
Фалды твои— птицы—
Растоптали
Всех руин сугробы в городах.
Ружья в тебя били, били, били.
Только было слышно: пряча страх,
Плачут, плачут аисты впотьмах.
Никогда не плакали солдаты—
В камни кровь лилась еще вчера,
Отливали камни,
В землю вжаты,
Белым,
Будто все— из серебра.
Из камней ввысь поднимался
Статный,
Крепкий дуб, укутанный в капель.
На плечах у каждого— шинель,
Словно предстоит
им подвиг ратный.
Под шинелью этой боевою,
Серую теперь, живет гайдук.
— На ружье одна рука,
Другую
Твердо опирается на плуг...

ной частицей, всегда старался быть рядом с нею, вернее, жить в ней, находить в ней опору своим духовным и творческим силам.

И на склоне лет он решил подыскать себе дом, который бы стал не просто жилищем и рабочим кабинетом (для этого подошла и московская квартира в писательском кооперативе по Лаврушинскому переулку), а местом, где можно было бы (с учетом возраста и сил, разумеется) вести привычный, близкий к природе образ жизни и одновременно подводить итоги дел земных.

«Вещи, собранные в моей московской квартире, имеют один недостаток: они не мои. Моих вещей как-то вообще нет, но в лесу деревья, цветы на лугах, облака на небе— это все мое»,— признался он однажды в дневнике. «Его» был и дом в Дунине.

Любопытна история и этой деревушки и самого дома. Валерия Дмитриевна Пришвина, жена и верный друг писателя, после его смерти издала книгу «Наш дом», где, описывая некоторые подробности биографии и жизни Михаила Михайловича, сообщила много интересного о людях, с которыми он дружил и водил знакомство, о его привычках, об окружающей в работе и быту обстановке. Есть в этих воспоминаниях и строчки, посвященные Дунину и конкретно дому, который приобрели Пришвины.

Согласно чудом сохранившемуся документу, при размежевании земель, которое было проведено еще при Екатерине II в 1766 году, участок, на котором расположен дом Пришвина, был отведен в «дачу села Козина». В 1844 году дачу, которая имела в то время усадьбу площадью восемь десятин 2125 квадратных сажен «удобной и неудобной земли», приобрел коллежский асессор Андрей Матвеевич Спиридонов.

В последующие годы она становилась собственностью разных владельцев, и в 1901 году ее покупает жена статского советника Конкордия Васильевна Критская. Ее дочь была замужем за преподавателем Московского университета географом Лебедевым. Семья Лебедевых-Критских была знакома со Львом Николаевичем Толстым, водила дружбу со многими деятелями культуры своего времени. В их дунинском доме жили в ту пору начинающий, а впоследствии всемирно известный скульптор Сергей Тимофеевич Коненков и его друг-живописец Петр Петрович Кончаловский. В Дунине их навещала товарищ по училищу живописи Анна Семеновна Голубкина, в будущем

замечательный скульптор. Приезжали сюда режиссер Художественного театра Леопольд Антонович Сулержицкий и балетмейстер Большого театра Константин Семенович Кувакин.

Близким другом Лебедевых-Критских была известная революционерка, член исполкома «Народной воли» Вера Николаевна Фигнер, когда после двадцатилетнего заключения в Шлиссельбургской крепости и последовавшим за этим девятилетним пребыванием в эмиграции дунинский дом на многие годы стал ее домом...

Неподалеку отсюда, в деревне Дютково, жил композитор Танеев. На окраине Звенигорода в Саввинской слободе начал свой путь в живописи Левитан. В Звенигороде работали учитель Левитана Саврасов, братья Коровины. Во Введенском— художники Борисов-Мусатов и Якунчикова. Живописные окрестности никого не могли оставить равнодушными.

Минувшая война не обошла стороной маленькую подмосковную деревушку. Поздней осенью 1941 года фашисты временно оккупировали Звенигород и его окрестности. Враг занял деревню Козино, расположенную как раз напротив Дунина, на левом, пологом берегу Москвы-реки. По высокой дунинской стороне проходила линия нашей обороны, а через участок дачи Лебедевых-Критских ее передний край. Тут были открыты окопы, щели, оборудованы блиндажи. Отсюда невооруженным глазом были видны солдаты противника. Через реку велась постоянная перестрелка.

Когда в мае 1946 года Пришвины купили эту дачу, она по-прежнему несла на себе печать разрухи, оставленной войной: дом разрушен, фруктовый сад вырублен, сосны, липы, ели изранены осколками, гвоздями, колючей проволокой. У некоторых деревьев снаряды срубили макушки. Требовался неимоверный труд, чтобы вернуть разрушенное к жизни. Но Пришвин не унывал. В своем дневнике он записал:

«9 мая. Буду строить дом второй раз в жизни; первый строил в 1917 году (нужно же!), и теперь, без года через 30 лет, опять! Не знаю, хватит ли духу устроить дом в полном смысле слова...»

Он понимает, что взваливает на плечи тяжелое дело, что годы уж не те, но не унывает. На книге, которую Михаил Михайлович подарил прежней хозяйке, надписи:

«Н. А. Лебедевой-Критской на память о счастливым

хомуते. Я счастливо влез в хомут счастливого 13 мая 46 года, она счастливо из него вылезла».

И начались хозяйственные хлопоты, которые забирала немало и сил, и средств, и нервов. Но это была жизнь. И за новыми заботами он не забывает о главном деле жизни— писательском труде.

Когда дунинский дом вновь обрел облик жилья, Пришвин стал проводить здесь большую часть года. Он приезжал сюда ранней весной, уезжал поздней осенью. В Москве бывал только по срочным делам да зимой, потому что легкое дачное строение не выдерживало морозов.

Его день начинался на рассвете, с петухами. Эта привычка сохранилась с детства. Он даже помнил, как она появилась:

«Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепелок. Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху всегда покрывалось румяной пенкой, а под пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону, я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чаю. Мало-помалу я к этому утреннему чаю так привык, что уже не мог проспать восход солнца... И часто-часто я думаю: что, если бы мы так для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!»

Человеку иного склада характера такое признание может показаться наивным. Но разве не все мы родом из детства? Во всяком случае, для Пришвина из давнее воспоминание стало правилом, которого он придерживался до конца жизни. Вот дневниковая запись последних его лет.

«Работаю с утра на веранде. Петух начинает мой день... Земля приморожена и слегка припорошена по северным склонам. Пью спокойный чай на темной зорьке... Солнце выходит золотой птицей с красными крыльями, над ними— малиновые барашки».

Удивительная переключка двух поколений в одном человеке— ребенка и старика.

А может быть, в душе он никогда и не был ни ребенком, ни стариком, а всегда оставался одним человеком— Михаилом Пришвиным?

Как-то в июле 1952 года в гости к писателю приехал

Здесь кажутся глухими стены —
И молоды, как зеркала,
Под ними человек проходит
С глазами, будто бы скала.
Он больше говорит ночами,
Когда раздумье тайн полно.
Когда кувшин воспоминаний
Виска коснется все равно,
И человек — глаза утеса
И руки грубые, как шлак,
Колодец тихо открывает,
Колодец, где сереет мрак,
И тогда колодец
поворачивается в руках
И колыхает красные воды свои,
Гонит сухие листья и ждет
Свежести вечной, влажной.
И вот
Скрип колодца — трель жаворонка.
И мастер бережно извлекает
Семена из амбара,
Чтобы и впредь
Пламя творчество умело согреть.
На обожженной глине цвета воска
Одинокая рука
Пишет автограф любви.

И обожженная глина
Все более и более
Начинает походить на пшеничное поле,
На пахоту,
Куда мужчина ступил —
Ступил, придумав новые тайны,
И тогда не осыпались хризантемы —
Они продолжают, они продолжают
Связывать пахоту с облаками,
Землю — в одеяниях вымысла.
Травы, что носит в груди человек —
Звонкий кувшин, слово и скрипку.
И эти странные травы
Приносят весны и теплый восход
На целое десятилетье вперед,
Приносят весны к воротам сел,
И тогда приходит человек,
Чьи глаза как утес,
По невозвратным дорогам,
По нитям длинных тропинок,
И колодец посередине двора
Находит истоки свои,
Пламя свое охраняя,
Находит их в победе слезы,
Сохранившей ценою бессмертья
Крылья творчества — пламя.

Лист белоснежный начатой страницы
Уже теряет чистый профиль свой.
Меланхоличный,
Резкий,
Смутлолицый,
Я возвращаюсь снова в непокой
Листов забытых,
Связанным простыми
Жгутами, как колосья в сноп
Тугой.
Над селами звеня, играю ими
С кувшинами
И песенной рекой.
Дни, хризантемы,
Новая страница
Выкрадывает ночи у меня.
Неужто мое сердце заболит
Страницы той и в ярком свете дня?
Поэзия — соблазн.
От тебя
Бегу сквозь мир,

Сквозь белизну страниц.
И — прочь перо!
И лемехом, любя,
Пишу по полю,
Поле — белый лист.
Ты не являлась никогда насильно.
Ты мечена огнем сильнее всех.
Поэзия!
Вчера большой и сильный
Пошел впервые здесь,
На юге, снег.
Как будто белокурый человек
Пройдет впервые здесь —
Пришла пора...
Поэзия, ведь ты его сестра.
Покрепче лошадей пусти в разбег,
Пусть они летят быстрее всех,
Он никого не ждет, он —
Человек,
Чьи волосы давным-давно
Как снег...

Птицы

Меня слова твои
Так трогают и греют!
Ударившись
О даль,
Они закаменеют.
К ним корни, так и знай,
Устремлены в цветенье.
И слышатся паденья,
Как от огромных стай.
А ты молчишь все время,
Но звук твоих шагов
В листву,
В меня струится.

Молчишь.
Но эхо слов —
Как в перелете птицы,
На юг спешит, где, знаю,
Я слышу их с рассвета.
По сини молодой
Они вернулись в лето.
Деревья слов твоих
Ждут беспрестанно тоже.
На птиц, что вдаль летят —
И нет пути назад —
Слова твои похожи.

Моим дедам-пазаряк

Уйдя в могилы
Дойн¹ и дождей,
Они доньше не вернулись с битвы,
Забыли адрес
И домой дорогу,
И лишь овраг
Какой-нибудь забытый
Их помнит голос...
Средь глухих полей
Они с мешками,
Помолившись богу,
Бросали в пашню густо
Капли пота,
И пламя запоздалых мятежей,

И возрождала плоть земли
Работа
В груди своих
Любимых сыновей.
Землей овладевало возрожденье
С мгновеньем каждым в лад.
Когда в бой уходило
Поколение,
Не оглянувшись ни на миг назад,
Земля родная
Возрождалась снова,
Цвела земля,
Звала земля всех нас.

Перевел с молдавского
Владимир ЦЫБИН.

близкий друг академик Петр Леонидович Капица. Об этом визите Пришвин оставил такую запись:

«...Капица в своей манере после анекдота какого-то о Фарадее или Ньютоне спросил меня: «Когда вы были счастливы и как?» Я ответил, что счастлив каждое утро каждого дня, и что ни день, то мне лучше, и новое утро моего восьмидесятилетнего года умнее, добрее и лучше всего моего прошлого. Впрочем, я люблю все дни моей жизни, но каждый день почему-то люблю больше...»

Но вернемся в утреннее Дунино...

Разумеется, чаепитие на рассвете было только неким ритуалом, если хотите, привычной разминкой перед долгим трудовым днем. В эти тихие часы, когда весь дом еще спал, он делал дневниковые записи о том, что было накануне. Потом обходил участок, а в непогоду гулял по веранде. Семиградная, довольно просторная веранда больше похожа на большую беседку, прислонившуюся к дому. Надежная покатая крыша укрывает ее в ненастье. Если ветер с дождем все-таки захлестнет сюда через открытые проемы, то вода сразу же стечет в широкие щели между половицами и пол всегда остается сухим.

После короткого общего завтрака Пришвин снова за работой. Пишет либо в своем кабинете, либо на веранде, или уходит в тихий уголок под елями, где столом служит пень, а «венским креслом» обрезок бревна со спинкой из горбыля.

В Дунине ему хорошо работалось. Тут он заканчивает роман «Осударева дорога», на который ушло у него сорок два года, трудится над «Кашеевой цепью» и «Корабельной чащей», подготавливает для печати сборники своих рассказов и очерков, много пишет для текущей периодики. Но главное — дневники. Он редактирует записи прежних лет, ведет новые. Дневнику он придает гораздо большее значение, чем литературным трудам, считает его своей «главной книгой». Константин Паустовский вспоминал:

«Однажды Пришвин сказал мне, что все напечатанное им — сущие пустяки по сравнению с его дневником, с его ежедневными записями. Он вел их всю жизнь. Эти записи он главным образом и хотел сохранить для потомства».

Много работая, Пришвин тем не менее не был пленником своей работы, его образ жизни менее

всего походил на затворничество. Может быть, это происходило оттого, что и работа, и жизнь, и отдых этого человека были чем-то неразрывно единым. Их нельзя разнять на составные части, проанализировать по отдельности. Чем были для него его путешествия, охота, сбор грибов — отдыхом или накоплением материала для будущих повестей и рассказов? Чем были его дневники, если не продолжением его встреч, наблюдений, раздумий?

Я пытался понять это, когда Лилия Александровна Рязанова, сотрудница пришевского дома-музея в Дунине, знакомила меня с ним.

Тридцать лет назад писатель провел здесь свое последнее лето. Срок немалый, чтобы многое успело измениться. Еще старше стали древние липы. Подросли две могучие стройные пихты посреди участка, которые так нравились Михаилу Михайловичу. Молодые деревья в нижнем конце усадьбы, сбегаящем к берегу Москвы, разрослись и заслонили собой вид на реку и Козинский луг на той стороне, которые он так любил рассматривать отсюда, где охотился, натаскивал собак.

Но главное все-таки осталось неподвластно времени — сохранился дух прежнего дома, и в нем легко угадывается характер хозяина. Чуть не половина усадьбы — в цветущем диком разнотравье, как будто оно ворвалось на дачный участок из поля вместе с пчелами, шмелями и бабочками. Вдоль забора, приткнувшегося к лесу, — заросли папоротника. Вокруг дома — кусты цветущего жасмина, посаженного еще Пришвиным, в конце усадьбы, ближе к дороге, малинник еще с той поры. И хотя во всем чувствуется уход и рука человека, налет некоей непричесанности оставляет ощущение, что природу тут не старались по-данному приструнить грядками, теплицами, ровными дорожками, а дали ей волю развернуться на свой лад. Ведь даже когда созревала малина, Пришвин не любил, чтобы ее собирали в посуду, а потом чинно отводили за столом. Ему нравилось самому забираться в кусты и прямо из пригоршни отправлять ягоды в рот.

Обстановка дома поражает своей скромностью и неприязательностью. Конечно, в тяжелую послевоенную пору, когда он был куплен, было не до «импортных» мебели. И все-таки... Сразу чувствуешь, что здесь жил человек, который привык обходиться минимумом, что для него не было главным

накопление дорогих вещей, которые тешили бы тщеславие хозяина. Что-то сколочено своими руками, что-то приобретено по случаю. Все предельно просто, удобно, необходимо для работы и скромного отдыха — не более того. И, конечно, всюду приметы увлечений хозяина — фотографии природы, животных. Если попросить, тебе покажут старое ружье и фотоаппараты писателя.

В гостиной, самой большой комнате дома, я обратил внимание на скромную акварель. Две приземистые белого камня колонны, за ними пруд, редкие зеленые деревья. Такой вид открывался с веранды дома в Хрущеве, где родился Пришвин. Нарисовала картину в 1913 году его двоюродная сестра-художница.

Весной 1953 года тяжелобольной писатель доверил дневнику:

«Лежу и днями смотрю на картину «Хрущев», и все не наглядуюсь, и кажется, так много в ней чего-то, и мое духовное питание этой картиной никогда не кончится... А для других в этой картине нет ничего, только чудесный цвет земли и неба в первые дни мая...»

Пожалуй, он не совсем точен. Духовно питала его не картина, а воспоминания детства и юности, которые она воскрешала. Воспоминания о земле, где он родился, о первых восприятиях окружающего мира. Наконец, воспоминания о природе тех мест.

Еще в 1937 году Пришвин признался, что «мечтает о доме с садом и на реке». Не из далекого ли детства сохранилась эта любовь к природе и живой воде? В более молодые годы он мог утолить ее дальними путешествиями, но когда возраст пошел отсчитывать седьмой десяток, настало время подумать и о более оседлом образе жизни. Он понимал, что без постоянного общения с природой не сможет жить и работать. И начал искать место, где мог бы совместить все это. И он нашел Дунино. Интересно, что на второй год жизни в нем Пришвин посадил в саду четыре яблони и грушу — бессемянку. «...Все мое Хрущев стояло на бессемянке, ... это для меня священное дерево».

Если говорить откровенно, всех заслуг у «священного дерева» — оно умеет выживать и плодоносить даже в суровых условиях Ельца, где более дорогие груши вымерзают в первую же зиму. Но ведь не урожаем единым жив человек. Бессемянка была деревом детства, которое будило воспоминания. Как,

¹ Дойна — старинная молдавская лирическая песня.

РАБОЧИЙ КАБИНЕТ ПИСАТЕЛЯ

СПУТНИКИ ПРИШВИНА В ПОХОДАХ.

СПАНИЭЛЬ.

СОЛОВЬИНЫЕ БЕРЕГА МОСКВЫ-РЕКИ.

впрочем, и малина, черная смородина, вишня владимирка, тоже посаженные Пришвиными. Когда в последнее дунинское лето Михаила Михайловича на вишне, наконец, созрели ягоды, он, попробовав их, сказал: «Как в Хрущеве»...

Большая поляна перед окнами дома была расчищена от пней и поначалу засаживалась картошкой. Потом Пришвин решил все распахать и засеять многолетними травами. Нашел в Дунине старика, который единственный умел сеять «щелотью». Теперь косогор, обращенный к реке, благоухает цветущим

разнотравьем, все лето в нем гудят пчелы, а после сенокоса на нем вырастают душистые копынки.

Он много унес с собой из детства. А Дунино стало местом рождения многих счастливых строк и страниц.

«Удалось услышать, как мышь под снегом грызла корешок».

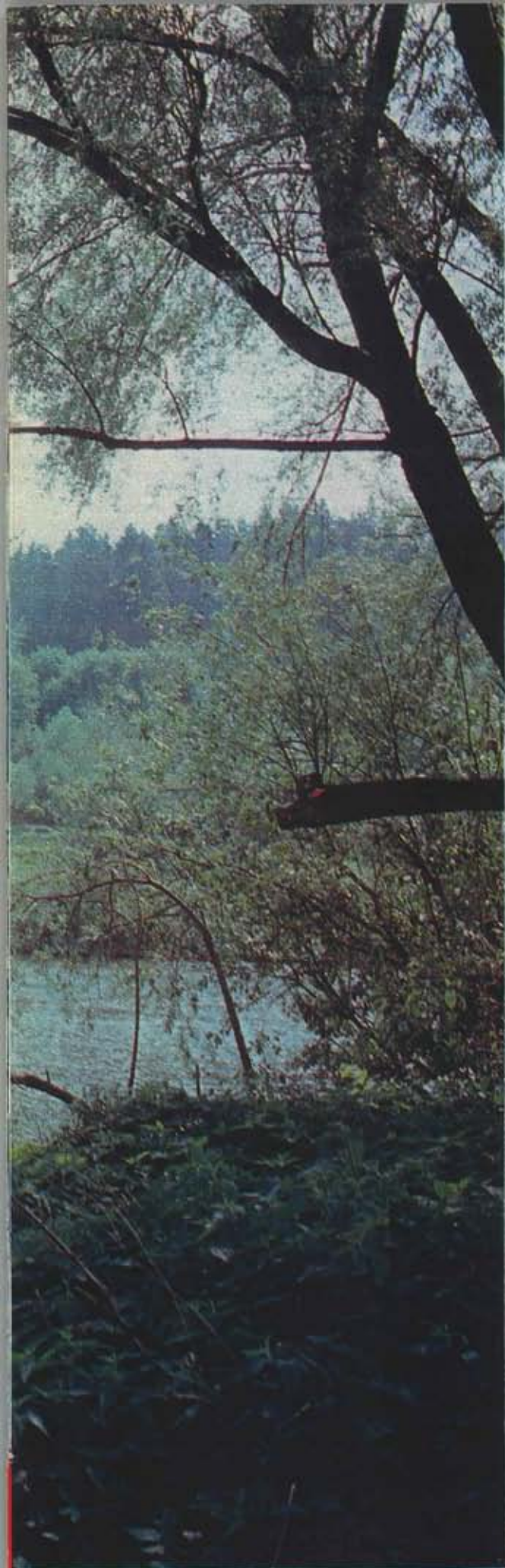
«Опавшие листья уже запахло пряниками. Редки белые грибы, но зато как найдешь, так и набросишься на них коршуном, срежешь и вспомнишь, что обещался, увидев, не сразу резать, а полюбоваться. Опять обещался и опять забыл».

Еще об осени:

«Из лесов на опушки вышли первые воины в медных доспехах».

«Утром в лесу видел: молодая белка спирально спускалась по дереву, а на другом дереве еще две, а там дальше, вверху и на самой высоте, тоже листва шевелится. Я замер на месте—одна маленькая, задрал хвостик, как большая, чувствуя мою близость, замерла. «Вот,—подумал, я,—пришел бы охотник и грохнул, ведь это ужас!»

В своих записях Пришвин многократно говорит, что в Дунине он нашел все и был счастлив. В понятие «счастье» для него сливались воедино и природа, и творчество, и любовь. Дунино—это даже не место, а

Вспомнилось, что последний раз Пришвин покидал Дунино в такую же ненастную погоду в конце октября 1953 года. Последние два года он тяжело, безнадежно болел. Наверное, догадывался о диагнозе, который врачи и близкие скрывали от него, поэтому спешил закончить самые неотложные дела в Москве, а главное, завершить роман «Корабельная чаша». По расквашенной от дождей дороге свой верный «Москвич» Михаил Михайлович ведет сам. На иславском поле машина застряла в глубокой грязи. Вытащил ее встретившийся на пути старый приятель. Дальше ехали без приключений.

В декабре была закончена «Корабельная чаша». Болезнь наступает, и Пришвин отказывается от работы. Но дневник ведет ежедневно.

Пятнадцатого января 1954 года он записал: «...Деньки, вчера и сегодня (на солнце — 15), играют чудесно, те самые деньки хорошие, когда вдруг опомнишься и почувствуешь себя здоровым».

В эту ночь его не стало. До восьмидесяти первой годовщины он не дожил всего три недели.

Дождь прекратился, как и начался, неожиданно. Я распрощался с домом Пришвина, спустился к реке. По скрипящим, с виду ненадежным мосткам перешел на ту сторону.

В зарослях у бечевника никак не мог уговорить соловей. Ему отозвался другой, третий. Когда Пришвины приехали сюда в первую весну, они тоже услышали соловьев. «Это было целое соловьиное царство. Они пели в черемуховых зарослях у самого нашего забора, и по всему высокому склону, и в кустарниках за рекой».

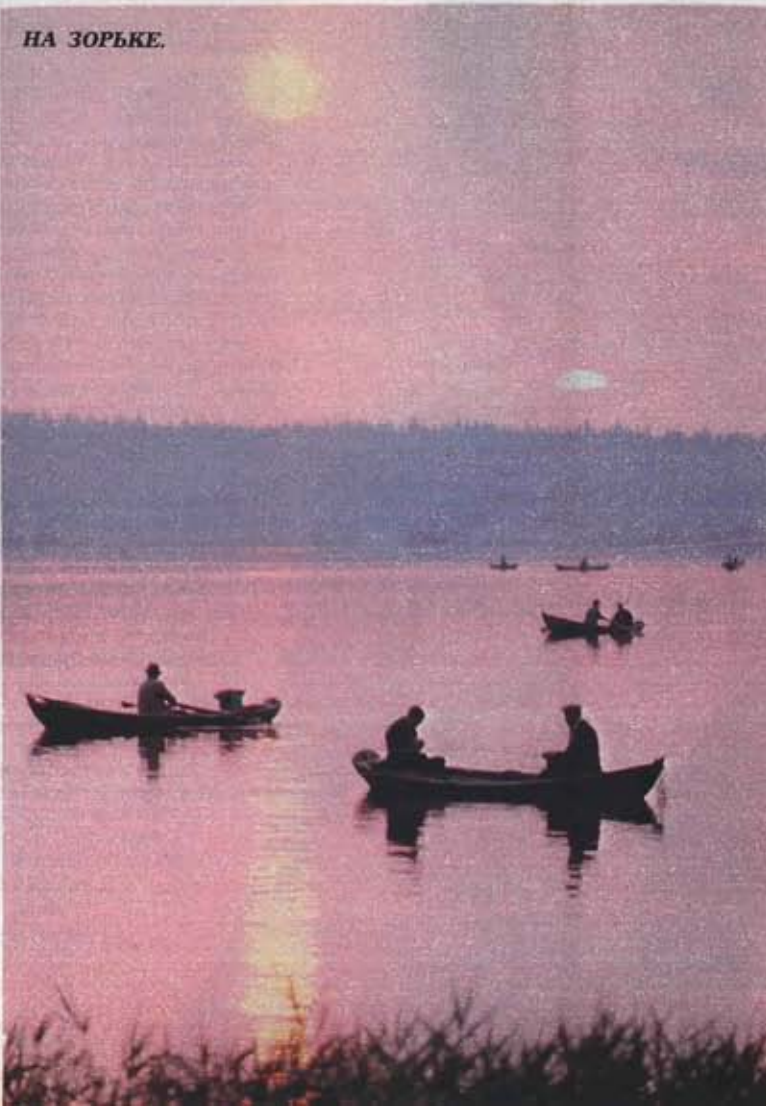
Прошло с тех пор много лет... Но каждую весну у нас совсем рядом поют все те же дуниинские соловьи».

До сих пор поют. За рекой сворачиваю по тропе, идущей вниз по течению в сторону Николиной Горы. Какие тут все-таки ласковые имена: Дунино, Аксиньино, Матренино, Дарьино...

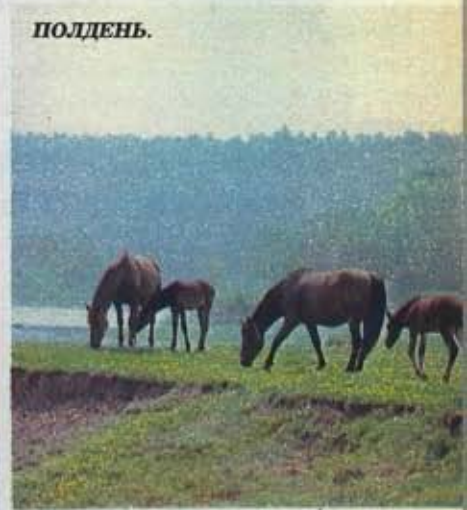
ДЕТСТВО СРЕДИ ЗАПАХОВ ЛЕСА И ТРАВ.

НА ЗОРЬКЕ.

ПОЛДЕНЬ.

**ЦВЕТЫ
РУКОТВОРНЫЕ.**

образ жизни писателя. Константин Паустовский как-то признался, что в Пришвине ему «нравится многое, но больше всего нравится, как он живет».

Тем временем солнечный с утра день начал быстро хмуриться. Я вышел на веранду. В воздухе, как это всегда бывает перед дождем, стоял терпкий запах крапивы. Из-за реки на Дунино неслись низкие рваные тучи. Все притихло, только в зарослях черемухи не унывал соловей. Первые капли отбили по крыше пробную дробь. В ближний лес клонула молния. И тут же над головой рявкнуло и загрохотало. Очертания окрестностей размывались и быстро прятались в сплошной завесе дождя.

КЛУБ
Музыка
с тобой

Если верить результатам опросов, то симпатии молодых единомышленно отданы сегодня певцу и композитору Юрию Антонову. Яркое тому подтверждение — аншлаги, с которыми проходили его недавние выступления в Минске и Волгограде, Ростове, Куйбышеве, Таллине и Москве. «На последние концерты Юрия Антонова продано более трехсот пятидесяти тысяч билетов», — сообщила ленинградская газета «Смена».

Разгадать секрет этой поистине огульной популярности непросто, тем более что мнения о его творчестве порой диаметрально противоположны. Одни пытаются объяснить этот, по их мнению, сомнительный успех не-

взыскательными вкусами молодежной аудитории. Другие в пылу неумеренных восторгов объявляют артиста и его песни «вершиной» современной советской эстрады. Разумеется, это крайности. А вот оценки самих слушателей, высказанные в письмах, которые приходят в редакции газет, на радио и телевидение.

*«Нравятся Ваши песни, такие разные...
Покорляет искренняя добрая интонация...
Что нам эти заграничные ритмы и чужой язык! Люблю все наше, русское, — чувствую его в Ваших песнях».*

Н. АНАНЬЕВА,
г. Химки

«Многие считают, что голоса у Вас мало-мало... А мне Ваш голос импонирует, ведь и пишете Вы именно на него — музыку негромкую и приятную. В свое время и про Утесова говорили то же самое. А нам, молодым, он нравился. Я уверен, что эстрада не всегда требует шалашинского голоса. Но она обязательно требует искренности и теплоты. А этого Вам не занимать». Это письмо написал ветеран Великой Отече-

Так поет и Антонов — «поет с душой, не кричит, не шепчет» (снова из письма слушателя). И это негромкое, кажется, совсем «невокальное» пение, с неповторимой хрипотцой — его, антоновское «фирменное», мгновенно отличимое и очень современное.

Антонов создал категорию песен, лирических и массовых одновременно, приблизившись к непревзойденному шедевру этого рода — «Подмосковным вечерам». Мелодии таких песен простые и ясные, они легко поются, мгновенно запоминаются. Восприятию главного — мелодической линии — подчинена стихия ритма, вся фактура прозрачной инструментовки. Атмосфера светлого покоя, иногда с оттенком легкой печали — таков мир этих песен. В них без ложного пафоса выражены чувства добрые и серьезные. В песне «Море» на стихи Л. Фадеева — всегда влекущая человека, сына земли, романтика морской стихии; в песнях «Родные места» и «Крыша дома твоего» на стихи М. Пляцковского — чувство кровной привязанности, нежной любви к родной земле.

Ольга МОЛЧАНОВА

СВОЯ ИНТОНАЦИЯ

Фото
Леонида
ЛАЗАРЕВА

ственной войны Михаил Сергеевич Садовников из Тольятти. Ему 63 года.

«Его песни и он сам — наши», для тех, кому от 17 до 25», — пишет Жанна Киселева из города Рогачева.

Те, кому от 17 до 25...

Молодежь сегодня получает огромную (гораздо большую, чем, к примеру, десять лет назад) информацию по вопросам эстрады, слушает много разной музыки, в том числе зарубежной. Поток ее, как не раз отмечалось, мутноват, размывает эстетические нормы, навязывает «шоу»-вкус. Суметь противопоставить этому потоку свое — оригинальное, идущее в ногу со временем, нечто такое, что, следуя лучшим традициям отечественной эстрады, привлекало бы не меньше, — задача не из легких, но зато благородная. Что касается творчества Юрия Антонова, то я слышала, к примеру, что во многих дискотеках зарубежным шлягерам пришлось потесниться, уступив место антоновским песням, доступным и танцевальным одновременно.

Например, песня «Маки» на стихи Г. Поженяна, по моему убеждению, содержит все лучшее, что свойственно сегодня почерку ее авторов. Мне даже кажется, что тема памяти о павших за Родину решена в ней убеждающе лаконично, без малейшего мелодраматизма. Проста и выразительна неброская мелодия. Естественна, по-русски распевна каждая ее фраза. Это сдержанное раздумье человека, не привыкшего давать волю чувствам. Они прорываются только в припеве: «Маки, маки, красные маки, горькая память земли...» И все развитие внешней неторопливой мелодии устремлено к этому припеву, который, как долго сдерживаемое чувство, приносит желанное облегчение. Содержанием продиктована здесь и теплая, душевная манера пения, которая так покорила нас в Антонове. И она, заметьте, в русле лучших традиций отечественной эстрады. Так пели Утесов и Шульженко, так пел Владимир Трошин, счастливо нашедший свою проникновенную интонацию.

К такой манере пения пришел в последние годы и Лев Лещенко.

В музыкальном строе каждой из этих песен своя неповторимая изюминка, которую мы не без удовольствия улавливаем слухом. И в таких звуковых находках автор проявляет незаурядную изобретательность и мастерство. Это или запоминающийся мелодический ход, или красивый мотив эффектного инструментального отыгрыша, чаще всего гитарного. Как в песне «Крыша дома твоего», к примеру.

Это одна часть песен Юрия Антонова (деление, разумеется, условное). А вот другая... Песни танцевального характера, такие, как «Жизнь», «Не забывай», «Я вспоминаю», «Золотая лестница», меня лично настораживают. А ведь пользуются особым успехом в дискотеках. В них будоражит стихий ритма, радует красочность ярких находок в аранжировке, сделанной с уверенным профессиональным мастерством. Эти песни стали привычными атрибутами музыкального быта молодежи, настолько привычными, что никто и не задумывается, нет ли в них изъяна.

А что, если вслушаться? Не слишком ли банальны мелодии этих песен, развязна, а порой откровенно криклива манера их исполнения?

А если вдуматься в текст хотя бы одной из таких песен? Заранее оговорюсь, что, наверное, не стоит требовать от текстов танцевальных песен, а следовательно, в извещательной мере прикладных по своему значению, высоких поэтических достижений. Наверно, здесь правомерны какие-то иные критерии оценки качества. Но смысл того, о чем поется, все же должен быть понятен? Хотелось бы. Тогда попробуйте:

*Пусть о любви нечаянно
Кто-то сказать осмелится,
Если поверишь в это,
Сердца не закрывай!
В сердце необитаемом
Снова любовь поселится,
Но и о том, что было,
Помни, не забывая!*

Или еще:

*Жизнь играет с нами в прятки,
«Да» и «нет» — слова-загадки...
Мир, этот мир, дивный мир!*

И так далее, все в том же «глубокофилософском» ключе...

В творчестве постоянного соавтора Антонова поэта Леонида Фадеева немало удач—текстов с ясно выраженной авторской мыслью, отличающихся поэтичностью, лиризмом. А вот тут, жонглируя «словами-загадками», поэт словно «играет с нами в прятки», предлагая слушателям стихи, за которыми—пустота.

А ведь есть у Юрия Антонова песня танцевального склада, которая до сих пор покоряет точным соединением содержательного текста и обаятельной музыки. Это песня «Зеркало» на стихи Михаила Танича. Помните, как красиво «выпеваётся», становясь мелодической изюминкой, на первый взгляд трудное для песни слово «головокружение»? Песня эта, быть может, не самая броская и модная, является немалым достижением Юрия Антонова в области танцевальной лирики.

Кстати, я почти уверена, что расширение круга соавторов-поэтов—единственно плодотворный путь для молодого композитора. Может быть, поэтому самые яркие удачи, прошлые и теперешние, связаны с именами известных поэтов: М. Танича, Г. Поженяна, встречи с которыми пока редки.

Много пишут и говорят сегодня о притягательной простоте образа артиста—певца и исполнителя, противопоставляя ее прискучившей и раздражающей эксцентричности, утвердившейся в последнее время на нашей эстраде. Но истины ради стоит заметить, что среди наших исполнителей такая острохарактерная, экспрессивная манера присуща лишь немногим артистам.

А в целом простота и сдержанность—в традициях советского искусства. В этих традициях работает на сцене и Юрий Антонов. Он сумел создать образ нормального парня, простого и доступного. Он не подает себя как «солист», а поет, аккомпанируя себе на гитаре,—в точности, как это делают молодые ребята в компаниях. Он приблизил себя к ним—и они поверили ему, подхватили его песни. Но при всей простоте и доступности Антонову не хватает артистизма. Песни Антонова в их сценическом варианте слабее музыкального оригинала записи. Ведь для многих запись его песен—это именно оригинал, первоисточник, с ним знакомятся значительно раньше, чем встречаются с исполнителем в концерте.

Здесь, на сцене, певец однообразно статичен, а обаятельная улыбка, ставшая привычной, появляется на его лице неожиданно, без видимой связи со смыслом и настроением исполняемого. К тому же неубедительность случайных жестов, которых порой больше, чем требуется. И становится ясно, что образ «нормального парня с гитарой»—это еще не образ, а лишь внешняя его оболочка. Ведь у парня с гитарой должен быть характер, диктуемый образом песни. Во многих письмах читаю: «Решительный, смелый, независимый, отчаянный парень»—таким он «слышится» в песнях. Но сценический эквивалент этим оттенкам характера артистом, увы, пока не найден. Да—простой, да—нормальный, но достаточно ли этого требователю зрителю?

Юрий Антонов обладает многим необходимым—здесь и природная одаренность, певческое мастерство, располагающее обаяние, чувство времени и своего молодого зрителя и слушателя,—чтобы надолго сохранить пришедший к нему успех. Только бы не переоценить того, что достигнуто, выдержать испытание популярностью, суметь критически взглянуть на сделанное и, оставаясь самим собой, удивить неожиданностью, новизной, к которым приводят только поиск и неуспокоенность.

ТРИ ВЫПУСКА МОСКОВСКОГО СБОРНИКА «ДЕНЬ ПЕСНИ»

Жизнь современной песни—явление многообразное, вызывающее горячие споры: какой она должна быть. Одни отдают предпочтение энергии ритма, другие—мелодичной распевности. Иные не чают души в вокально-инструментальных ансамблях с их характерной манерой пения, четвертые любят народные хоры, исполняющие старинные песни...

Одно совершенно определено можно сказать, что жизнь современного молодого человека прочно связана с жизнью песни. Какой она должна быть? На это отвечают своим творчеством десятки профессиональных и самодеятельных авторов—композиторов и поэтов. Но воспитание эстетического вкуса—дело не стихийное. В последнее время в издательстве «Советский композитор» стал выходить примечательный сборник «День песни»—подобно тому, как уже многие годы выходит ставший популярным московский ежегодник «День поэзии».

Мы попросили рассказать о сборнике редактора-составителя «Дня песни» поэта Владимира Лазарева, инициатора выпуска всего сериала. Лазарев возглавляет работу не случайно: он не только принимал и принимает активное участие в дискуссиях о современной песне, но только выступал с острыми статьями на эту тему, но и сам автор многих стихов, ставших широко известными песнями.

ВЛАДИМИР ЛАЗАРЕВ:

Мысль, как говорят, пришла счастливая. Но осуществление этого замысла, этой счастливой мысли было делом далеко не легким. Сказанное может подтвердить мой товарищ, музыкальный редактор «Дня песни», молодой композитор Валерий Кикта.

Прежде всего надо было собрать не только песни, которые стали популярными (к тому же не просто популярные песни интересовали нас, но и те, которые обладали достаточной художественной ценностью и с точки зрения музыки и с точки зрения поэтической основой). Требовалось сплотить вокруг издания крупных мастеров отечественной культуры, заинтересованных в развитии данного жанра. Приходилось вести большую переписку, выезжать в другие города.

В результате найдены уникальные материалы; на страницах сборника выступили выдающиеся представители нашей музыкальной культуры. Достаточно назвать высказывания Д. Д. Шостаковича о песне (в третьем выпуске), заметки Евгения Светланова о творчестве Бориса Мокроусова, своеобразные эссе, острые и глубокие по

содержанию, связанные с развитием песенного жанра, принадлежащие Ивану Семеновичу Козловскому, эстонскому композитору и дирижеру Густаву Эрнесаксу, профессору Московской консерватории Клавдию Борисовичу Птице и Анне Васильевне Рудневой, украинскому композитору Станиславу Филлиповичу Людкевичу, таким московским мастерам, как Анатолий Новиков и Андрей Эшпай...

В заинтересованном разговоре на страницах выпуска встретились В. Левашов, А. Пахмутова, А. Жаров, М. Матусовский, М. Фрадкин, Я. Шведов, М. Лисянский, В. Бокков...

Среди публикаций «Дня песни» (второй выпуск) читатели найдут такие жемчужины жанра, как народная песня «Зеленый кувшин» в обработке Сергея Прокофьева, как песня крестьянки из так называемой «Муравской тетради» А. Т. Твардовского (рабочая тетрадь поэта во время работы над «Страной Муравией»).

Несомненно, вызовут читательский интерес исследования В. Берестова, посвященные пушкинским песенным строкам, не входящим в собрание

сочинений великого поэта, беседа солиста Большого театра А. Ворошило со знаменитым шведским певцом Николаем Гедда...

Нельзя не обратить внимания на то, что всех серьезных музыкантов в разговоре о песне всегда заботит одно важное обстоятельство: чтобы не были утрачены традиции песенной культуры.

И, разумеется, во всех трех выпусках много самих песен: классических, ставших любимыми, забытых, новых...

Мы сторонники самых разнообразных, а порой и неожиданных форм публикации и рады, что «День песни» вызвал весьма широкий и добрый отклик в прессе, признание у читателей и слушателей.

Остается сожалеть, что выход каждого сборника «День песни» организационно не сопрягается с праздниками искусства (диспутами, встречами со слушателями и т. д.), подобно тем, которые сопровождают появление очередного сборника «День поэзии».

Будем надеяться, что и такая традиция возникнет.

ПЕСНЯ О МАНЕ-РЕКЕ

(Из кинофильма «Сюда не залетали чайки»)

Слова Виктора АСТАФЬЕВА
Музыка Александра ЛУНАЧАРСКОГО

Ох, да еще, ох, да разок,
Ох, да еще, ох, да разок!
Ой, как пали да туманы—
Ох, да еще разок!
Да по берегу, берегу Маны—
Ох, да еще разок!
Ой, куда солнце взойдет,

Сплавщик долю свою найдет.
Ох, свою долю, ох, свою волю!
Ох, да еще, ох, да разок!

Ой, над нами крыша синя—
Ох, да еще разок!
А за нами свет-Россия—

Ох, да еще разок!
От моря и до моря,
Из нужды да из горя
Ох, поднимается! Ох, распрямляется!
Ох, да еще! Ох, да разок!

Зачарована, забалована—
Ох, да еще разок!
Тихим дедом лесным заколдована—
Ох, да еще разок!
Ох ты, Мана-река,
Нет красивой, любимей тебя!
Ох, ох ты, Мана-река!
Ох, ох ты, мама моя!
Ох, ох, родимая!
Ох, да еще, ох, да разок!
Ох, да еще, ох, да разок!..

СКОРОСТЬ В МОИХ РУКАХ

Олег ТРЕГУБОВ,
трехкратный чемпион СССР
по картингу, мастер спорта

Как-то в автобусе услышал разговор двух мальчишек.
— Подумаешь, картинг,— презрительно скривил губы один из них.— Разве это скорости? Вот автогонки— это да!
Я не выдержал и, вмешавшись в разговор, рассказал ребятам о картинге, пригласил на соревнования. И оба потом «заболели» нашим видом спорта.

...Красный, желтый, зеленый! Старт у нас дается сигналом светофора. И, словно выпущенные катапультой, помчались машины, издали похожие на черных жуков. Гонщики сливаются с картами в единое целое и едва уловимыми движениями рук направляют машины в очередной вираж.

Здесь все предельно ясно: будь ты асом на трассе, но если у твоего карта слабый движок, придется наблюдать, как побеждают другие; а если ты классный механик и слабый гонщик, двигатель понапрасну расходует силы. И не забудь про тактические хитрости: кто-то кого-то пропускает вперед, надеясь «отсидеться на колесе» и «выстрелить» перед самым финишем, а кто-то специально проводит первый заезд вполсилы, не выкладываясь, чтобы в остальных двух заездах «темной лошадкой» прийти первым.

— Вы знаете, Олег, я и понятия не имела, что эти ваши карты такими разными бывают,— сказала сослуживица на работе, посмотрев передачу Центрального телевидения «Картинг» из цикла «На земле, в небесах и на море».

Что ж, обычный случай. Немногие толком представляют себе, что же такое наши машины. Первое: они четко разделяются по классам: «Пионер», «Юниор», «Союзный», «Международный». И объем их двигателей имеет большой диапазон—от 50 кубических сантиметров до 250. Причем все модификации появились относительно недавно. Впрочем, и картинг вообще новый вид спорта.

Фото Мстислава БОТАШЕВА

...В 1951 году в одном из небольших американских городков мальчишки устраивали гонки с асфальтовых горок—на ящиках из-под мыла, снабженных колесиками. А потом одному из участников этих состязаний пришла в голову идея сделать тележку с моторчиком. Так и родился картинг, и тогда же был организован первый картинг-клуб для подростков. Спустя семь лет пять картов завезли в Англию, и скорость распространения картинга в стране газеты сравнивали с волной азиатского гриппа.

У нас в стране первые показательные состязания картингистов состоялись в Лужниках в 1961 году. И карты сразу завоевали сердца молодежи, увлекающейся автоспортом. Сегодня картинг занимает полноценное место среди видов спорта, развитием которых ДОСААФ способствует подготовке допризывной молодежи к службе в Советской Армии.

Скорости у нас немалые. И управлять ими надо умело. Однажды на чемпионате страны в Кара-Балты, на автодроме с романтическим названием «Эдельвейс», у меня отказали тормоза. Машина вылетела за обочину и метров тридцать мчалась параллельно трассе. Все же мне удалось вернуть карт на дистанцию, причем сравнительно быстро, так что никто из преследовавших соперников не понял, что у меня неисправность. Та золотая медаль осталась самой дорогой...

Мы поднимаемся на пьедестал почета в промасленных, залатанных комбинезонах, чумазые, с забрызганными маслом лицами. Чувствуешь себя счастливым оттого, что движок, который за неделю три раза пришлось перебрать, работал сегодня как часы, и, кажется, наконец-то удалось создать машину, о которой мечтал столько лет. Но в тот момент, когда поднимаешь над головой приз победителя и смотришь в нацеленные на тебя фотообъективы, вдруг не ко времени пронзает мысль, что если уменьшить сечение выпускной трубы... и если... то... то скорость возрастет...

И пулей летишь к своему карту. Скорей проверить предположение! Так уж устроены картингисты.

Здравствуйте, Люба Т!

Вынужден отвечать вам через журнал—иной возможности вы мне просто не оставили. Адреса нет—живете где-то в Москве, а Москва большая. Фамилии тоже нет—вот это самое «Т».

Лишили вы меня и еще одной возможности—посочувствовать вам. «Писала не для того, чтобы меня погладили по головке. В сочувствии-то я не нуждаюсь. Сыта».

Помочь? Но как помочь человеку, о котором знаешь только то, что написано в его письме, а там—ни адресов, ни фамилий, разве что Шота Руставели да Лев Николаевич Толстой. Вы анонимны, и недоброжелатели ваши анонимны.

Видимо, остается только одно: попробовать разобраться в изложенной вами истории, поискать тайные пружины ваших бед. Конечно, вы знаете о себе куда больше, чем могу узнать я из ваших строк. Но в данной ситуации у меня есть нечто существенное, чем не обладаете вы. А именно—взгляд со стороны. Не будем абсолютизировать известную поговорку, но все же кое-что со стороны виднее.

Вы писали достаточно раскованно, не стесняя себя особыми оговорками, писали, как шла рука. Мне бы хотелось ответить так же. Поэтому заранее прошу прощения за откровенность, которая, возможно, не всегда придется вам по душе.

Не знаю, попадет ли вам в руки журнал с этим письмом. Но его, видимо, прочтут десятки людей, незнакомых ни с вами, ни со мной—такова судьба открытых писем. Излагать своими словами вашу историю и позицию не хотелось бы: вряд ли у меня это получится лучше, чем у вас. Поэтому, чтобы ясно было, о чем речь, позволю себе полностью привести ваше письмо.

«Здравствуйте!

«Человек—хозяин своей судьбы». Красивые слова, предназначенные для таких серьезных личностей, как я. Да, я из них. Но, согласитесь, не все и не всегда в жизни зависит от нас. Существуют обстоятельства. (Удел сильных—винить

требовать. А между прочим еще в XII веке Ш. Руставели писал: «Человеческие души равной мерою не мерьте!» А вот и ныне там! Где уж сизойти до человека, к тому же неудачника, ничего из себя не представляющего, когда у нас этих человек 270 миллионов.

Отвлеклась, извините. Так вот, не соизволил товарищ увидеть, что я еще на ногах-то не крепко стою (в буквальном смысле). К тому же эта проклятая «закомплексованность», от которой до сих пор страдаю. От людей шараялась (да и шараяюсь). В то время для меня авторитетом был комсомол. Как завидовала я ребятам, которые прямо со съезда уезжали на БАМ, как мечтала быть с ними! М-да... Так вот, пошла я со своей бедой в райком. Мне предложили работать на ткацкой фабрике и попросили сняться с учета. Можно это назвать человеческим отношением?

Письмо в редакцию— письмо из редакции

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ДИВАН В ЧУЖДОМ НЕВАРИТНО

себя, слабых—обстоятельства. Да?) Не умаляю своей вины, но и обстоятельства в моей пустой жизни сыграли свою роль. Копаюсь в себе, «смотрю со стороны», анализирую, пытаюсь найти просвет и выход—и ничего не нахожу. (Но положений безвыходных не бывает!) По теории—да, конечно. Но где он, этот выход? С чего начать и что делать?

Итак, что же я из себя представляю? 23 года. Живу 14 лет в Москве, прописана в другом месте. Не работаю, не учусь. Лежу на диване, читаю, смотрю в окно. Ничего не делаю, ничего не хочу, не мечтаю, не желаю... (сплошные не, не, не...) («Как ты можешь так бездарно прожигать жизнь, когда твои сверстники строят, осваивают и добывают!») А вот так и живу, пардон, существую.

А теперь начнем винить обстоятельства и других.

Родилась в 1960 году, в Липецкой области, в так называемой «неблагополучной семье». Отец пил, бил мать, выгонял всех, ночевал чаще у соседки, чем дома. Вот яркая картина детства, которая снится мне до сих пор. Вечер. За столом отец с очередным другом. Начинается выяснение отношений с матерью. Заканчивается тем, что отец поднимает мать за шею. Благо, сила есть. Мать краснеет, потом синееет. По другую сторону стола сидим мы с братом (он на 2 года старше) и вопим что-то есть мочи. Приятное воспоминание, не правда ли?

В 66-м пошла в школу. Много читала, училась легко (5 классов была отличницей). А потом «счастливое детство» кончилось. В 71-м году сильно заболела—остеомиелит левого бедра. Было все—уколы, капельницы, операции, вытяжение, гипс, костыли. Когда в 73-м году выписали, тетя, сестра матери, увезла меня в Москву. Началась московская «эпопея». После года лечения в Филатовской больнице встал вопрос о продолжении учебы. Без прописки в школу не принимают. Я написала письмо в Комитет советских женщин (писать для меня всегда было легче, чем говорить). Короче, разрешили прописать на время учебы.

Два года учебы в школе (9-й и 10-й классы) были очень трудными и, видимо, самыми счастливыми. Еще в начальной школе знала и писала в сочинениях, что буду врачом (какая наивность!), поэтому после окончания школы понесла документы в медучилище. Оказалось, принимают с постоянной пропиской, а у меня временная, да и та кончилась. Началось хождение по инстанциям, последним звеном был Моссовет, где строгий дядя мне четко объяснил, что оснований для прописки у меня нет, поэтому «в прописке вам отказано». А на мой робкий вопрос: «Что же мне теперь делать?»—четко ответил: «Поезжайте домой и учитесь, а еще лучше—работайте!»

Вы вот пишете: «Жизни человеческие нельзя считать на миллионы. Жизни человеческие можно считать только единицами». Слова. Везде оценивают людей в массе, в душу отдельным индивидам заглядывать некогда. Все делается по инструкции. Исключений из правил не любят. И уж если официальное лицо, которое по долгу службы обязано видеть человеческие души, отторгается инструкциями, то от обыкновенных людей, которые нас окружают, внимания к отдельным персонам нечего и

Ну довольно!

Не подписываюсь и не оставляю адреса (да и где он, адрес?). Писала не для того, чтобы меня погладили по головке. В сочувствии-то я не нуждаюсь. Сыта. Просто хотелось излить душу.

До свидания. Люба Т.»

Когда я прочел все это, первая реакция была—злость. К несправедливости, как и к физической боли, привыкнуть трудно, каждый раз она хлещет по живому. Гудело в голове: неужели так и будет продолжаться это издевательство над человеком?

Возникла даже нелепая идея отыскать вас. Но как?

Так что отвечаю с таким опозданием не потому, что руки не доходили,—просто не знал, что ответить. В сочувствии вы не нуждаетесь. Обругать бюрократов, равнодушных к вашей судьбе? Но от безадресной критики еще никто не умирает...

Легче всего было бы сунуть ваше письмо в какой-нибудь ящик подальше и забыть. Но это только кажется, что легче: тревожащую мысль из головы не выкинешь. Слишком много вопросов вы задали, слишком много за ними человеческой боли. Ясно было, что отвечать все равно придется—не вам, так себе.

И в то же время с самого начала, с момента, когда прочел письмо, не оставляло ощущение какого-то внутреннего неудобства, неловкости, что ли. Недоверие к написанному? Да нет, в искренности вашей я не сомневался. Что-то другое.

Это «что-то» мешало, как заусенец у ногтя: мелочь, говорить смешно, но пока не срежешь, так и будет цепляться за что попало.

Впрочем, ощущение, пока оно не понято, не сформулировано и не доказано,—личное дело ощущающего, и не более того...

Первое реальное недоумение, которое у меня возникло, было вот какое: почему в процессе ваших «хождений по мукам» окружающие вам не помогают? Ведь обычно-то люди друг другу помогают! А вы бились словно о глухую стену, причем в одиночку.

Перечитал письмо, стараясь отвлечься от ваших оценок происходящего, и понял, что это не совсем так: помогали вам и в общем-то немало помогали.

Два года помогали врачи в областной больнице. Потом помогли какие-то неназванные люди в Москве—устроили в знаменитую, едва ли не луч-

шую в стране детскую лечебницу. Помог кто-то в Комитете советских женщин с временной пропиской в Москве. Помог корреспондент «Комсомолки»—правда, вы его помощью не воспользовались, но это уже другое дело. Да и в госпитале тоже, видимо, помогали: нужна была вам в тот момент операция или нет, судить мне, подозреваю, и не вам—но когда не хотят помочь, после просьбы о выписке выписывают сразу, а не держат три недели.

Словом, лучше ли, хуже ли, но помогали. Хотя бы в пределах своих официальных обязанностей.

Но вот что насторожило: почему все, вам помогавшие, были люди официальные, кроме разве что тети, которая увезла вас в Москву? Чужие что-то делали—и прекрасно. Но почему не помогали свои?

Жизнь такая, каждый только о себе, никому ни до кого дела нет?

Простите, не поверю. Скорее наоборот: только и слышим, только и пишем про семейственность, знакомство, кумовство, землячество, блат, наконец. Наши эстрадные сатирики и дворовые правдолюбцы не из пальца темы высасывают. Не буду сейчас докапываться, хорошо оно или худо, но явно существует в жизни эта закономерность: свои помогают своим.

А вам почему-то помогали только чужие. Где же ваши свои?

«Не буду докапываться»,—сказал я—и поторопился. Видимо, надо все же хоть приблизительно разобраться, что же это такое—свои?

Есть, разумеется, просто корыстная беспринципность, вид жульничества, а то и просто форма взятки: я—тебе, ты—мне, я—твоему зятю, ты—моему племяннику. Такие свои, как правило, лихо ведут дела, пока на них самих не заводят дело.

Но ведь бывает и, пожалуй, чаще, по-иному. Вот начальника стройки кидают на новый объект, а он ставит жесткое условие: поеду, если позволит взять своих. Причем даже не ближних помощни-

ков, а бригадиров. На новом месте, вероятно, бригадиров тоже можно найти, но к тем еще надо присматриваться, срабатывать. А этих знает!

Или некто с периферии вышел в руководители и тут же тащит за собой земляков. Кумовство? Не факт. Может, просто знает как работников, уверен в их честности и не хочет терять налаженные контакты?

Или звонит знакомый знакомому: нет ли на примете хорошего сотрудника? Есть, отвечают, бери, не задумываясь, я его десять лет знаю.

Существует такая формула, совсем не худшая в нашем многолюдье: лично известен. И можно только радоваться, что объективная рекомендация достойного человека оказывается порой сильнее безликих характеристик и гладких анкет.

Что и говорить, личное знакомство играет в нашей жизни немалую роль, и не всегда отрицательную. Знакомые помогают в трудный час, мирят, когда ссоримся, хлопчут за нас, когда сами стесняемся, словом, в самых различных ситуациях выручают, как умеют.

Достаточно широкие знакомства — вовсе не монополия дельцов и пролаз. А людей вообще без знакомых в мире просто нет — каждый хоть кого-нибудь да знает, и его знает хоть кто-то. Родственники, одноклассники, однокурсники, соседи, сослуживцы, случайные попутчики. Съездил в дом отдыха, хотя бы сходил на день рождения — целая страница новых адресов.

Вы, Люба, свои двадцать три года прожили среди людей. Росли в семье. Учились в школе, техникуме, на курсах. Жили в нескольких городах. Работали в разных местах. Наконец, лежали в больницах, что со всех точек зрения тоскливо, кроме одной: ничто так не сближает людей, как общее страдание, нигде так не раскрывается человек, как на больничной койке.

Но где же они, ваши знакомые, — те, что могли бы и должны были бы похлопотать за «хромоножку с комплексами»?

Неужели все, жившие рядом с вами, сидевшие за одной партией, работавшие в одной комнате, лежавшие в одной палате и колотые той же иглой, — все вас не знают?

Уж очень недостоверно.

А тогда почему не помогли?

В самой точной из наук, математике, существует Закон больших чисел. Я не математик и понятия не имею, как он формулируется и что означает. Зато уверен, что в нашей обыденной жизни почти безошибочно действует подобный закон.

Любому большущему известно, что даже очень хороший вратарь может пропустить случайный мяч. Но если подряд пропущено десять легких мячей, видимо, дело не в случае, а во вратаре. Прекрасный парень вполне может влюбиться в, так сказать, «недостойную» — бывает. Но если в, так сказать, «недостойную» пачками влюбляются прекрасные молодые люди, приглядитесь внимательно: очевидно, у «недостойной» все же есть какие-то очень важные достоинства!

Бывает случайная неудача. Бывает, хотя и очень редко, полоса случайных неудач. Но когда вся жизнь состоит из неудач — это случайностью не бывает. Дурные обстоятельства не гонятся за человеком — по той или иной причине он сам попадает в них или, что гораздо чаще, ухитряется нейтральные обстоятельства сделать дурными.

Вы росли в неблагополучной семье, родители — и мать и отец — вам достались чужие, брат — ненавидимый. Об одноклассниках и сокурсниках даже не вспоминаете — видимо, и с ними не повезло. О врачах — а их в вашей жизни было немало — ни единого доброго слова. Ладно, бог с ними, с врачами. Но рядом с вами месяцами и годами лежали больные, такие же страдающие люди, как и вы, — хоть бы упоминание о них! Ни штришка не оставили в вашей судьбе — видимо, и больные подвернулись неудачные.

Плохое вам попало человечество!

Наш житейский закон больших чисел дает мне право предположить, что причина ваших повторяющихся неудач лежит все же не в одних обстоятельствах...

Теперь вернусь к той малости, о которой говорил. — к заусенцу у ногтя, к душевному неудобству, возникшему сразу после прочтения вашего письма.

Тогда я, путаясь в неясных ощущениях, давал его читать разным друзьям и знакомым: от коллег-литераторов до старшеклассников. И каждого спрашивал:

— Что скажешь?

Ответы разнообразием не отличались: в основном злость, нормальная человеческая реакция на несправедливость. Но что надо делать, никто не знал.

В мигнута растерянности я задал, а потом стал задавать регулярно еще один вопрос, примитивный даже для семиклассника:

— Как тебе кажется, девушка, написавшая письмо, — хороший человек?

И ни один из моих собеседников: от коллег-литераторов до старшеклассников — ни один не ответил «да». Их неясные ощущения совпали с моим. Сочувствие к вам было, доверие, в общем, тоже. А вот симпатии — нет.

Объясняться в нелюбови к человеку, которому и так плохо, — занятие жестокое и просто неумное. Писать сейчас об этом мне неприятно до крайности. Но как иначе добраться до злого механизма вашей невезучести? Как ответить на ваши вопросы с той же искренностью, с какой вы их поставили?

Еще раз перечитываю ваше письмо, теперь уже с единственной целью: понять, что за человек его писал. И какая-то картина складывается.

Перепечатанное на машинке, ваше письмо занимает пять страниц. Немало. Но на этих пяти страницах не нашлось места ни единому человеческому слову о ком-то из окружающих. Ни намека! Ни буковки! Ни о близких, ни о дальних, ни о случайных в вашей жизни людях.

Вот областная больница, «уколы, капельницы, операции, вытяжение, гипс, костыли». Да, вспоминать об этом тяжело. Но ведь это и чья-то забота о вас. Кто-то делал уколы, перевязки и операции, кто-то ставил капельницы, кто-то вас кормил, обтирал и обмывал. Кто?

Ни слова о них. Забыты.

Тетя, сестра матери, увезла в Москву. И все. Хоть бы «спасибо» какое мимоходом. Нет, ни слова. Тетя сделала свое дело, тети больше нет.

О корреспонденте, пытавшемся помочь, лишь полфразы можно понять, как косвенную благодарность, вторая половина той же фразы — упрек.

Работа? «В отделе 8 женщин, постоянная мышьяная возня. Поняла с первого дня, что надолго не задержусь. Бухгалтерию ненавижу». Не с пятого, не с десятого — с первого же дня вы невзлюбили новых сослуживцев. Все восемь человек для вас на одно неприятное лицо. Стоит ли удивляться, что и они расстались с вами без сожаления? Семья, дети, авоськи, магазины, лишняя десятка премии — это только для вас «мышьяная возня», для них — жизнь.

«А через десять дней уволилась, — пишете вы, — со скандалом. Также длинная история». О поводе скандала не говорите. О причинах догадаться нетрудно.

Каждый человек в процессе жизни обзаводится — и это главное из его приобретений! — людьми, с которыми в дальнейшем уже не расстается. Близкие, друзья, приятели, хотя бы просто знакомые. Вас, Люба, в подобном «приобретательстве» не обвинишь. Ваша судьба — история потерь. Но самое тревожное не то, что вы теряли людей, а то, что несколько об этом не жалеете. До чего же просто избавляетесь вы даже от близких! Мать чужая — почему? Брата ненавидите — почему? Опять «длинные истории»?

Вы пишете: «Друзей нет, теперь я это поняла». Уверен — их и прежде не было. Боюсь, у вас, теперешней, и не может быть друзей. Есть такая закономерность, вошедшая в пословицу: «Хочешь иметь друга — будь им». Кому вы были другом, Люба?

Чтобы сложились хоть какие-то человеческие отношения, навстречу друг другу должны протянуться четыре руки. Люди, к которым вы относитесь в лучшем случае никак, не могут относиться к вам иначе. Ваше теперешнее одиночество вовсе не случайная неудача: у него вполне конкретная и, к сожалению, вполне закономерная причина.

А теперь я вынужден коснуться еще одной деликатной темы — хочу того или нет, ее не обойти.

Вы больны. Через все письмо тянется эта нитка. «Гипсы», «костыли», «хромоножка с комплексами», «езде нужны люди здоровые»... Вам нелегко жить, Люба! Трудней, чем тысячам ваших сверстников и сверстниц. Так же трудно, как каждому четвертому, или пятому, или шестому на земле.

Вряд ли я преувеличил. Посмотрите вокруг предвзато: сколько людей дает плечи тяжесть, в которой они не повинны ни сном, ни духом!

Тот инвалид войны или труда или просто уличного происшестия. У того руки-ноги целы, зато жестокий диабет, с иглой не расстается. У того язва: не ешь, не пей, не нервничай — а как, простите, не нервничать, если язва? У той прогрессирующая близорукость, на всю жизнь привязана к стекляшкам с проволокой. У той патологическая полнота, не от обжорства, а от болезни — пройдет ли когда? А та сама здорова, зато муж, как у вашей матери, пьет и душит, вся жизнь в слезах и страхе, уж лучше бы болезнь. Там сын сбился с пути там дочь «радует» — на улицу стыдно выйти...

Для чего мне это несвоеобразное перечисление? Напомнить, что и другие мучаются?

Нет, не для того. Хочу напомнить об ином: все эти люди, во всяком случае, подавляющее их большинство, практически нормально живут, работают и не просто тнут лямку, а радуются жизни в тех пределах, что им доступны. А доступно многое!

Не стану приводить примеры хрестоматийные — вы их знаете не хуже меня. Но вот перебираю в памяти друзей и знакомых — самому странно, будто специально к нашему разговору когда-то товарищей выбирал.

Инвалид войны без руки, на второй лишь три пальца подвижны. Инвалид войны без обеих кистей. Оба работают, растят детей, охотно ездят в командировки по стране. Оба водят машины. И у обоих, как по заказу, редкое чувство юмора. Инвалиды, тяжелые инвалиды. А по образу жизни — нормальные, здоровые мужики.

Помню, на Валдае случайно познакомился с веселым, лихим, авантюрного склада человеком. Мы с приятелем шли по берегу, как вдруг с середины озера на предельной скорости подлетела лодка с подвесным мотором и выскочила носом на песок прямо у наших ног. На корме худощавый загорелый мужик с трубкой в зубах, бородатый, в драной рубахе — ну прямо из Джека Лондона! Попросил спичек, познакомился, сели в лодку. Лодка гнилая, на дне вода, чем только держится посудина. Зато как гонял по широченному озеру! И говорил, помню, все о Лермонтове. На каком-то причале прихватили девочку-студентку, через двадцать минут она глядела на романтического бородача уже не себе принадлежащими глазами... Так вышло, что ночевал я с ним в одной избе. После ужина он быстро начистил и подсоллил наловленную вечером рыбу, приладил лампочку поудобнее, раскрыл книжку на нужной странице и лишь после этого отстегнул протез и положил его на табурет рядом с койкой...

А вот женщина, как и вы, «хромоножка», с детства сухая нога. Окончила в Курске медицинский институт, поехала врачом в Печору. Почему именно туда? Север посмотреть, пока молодая. Смотрела Север лет десять, вернулась специалистом, прилично знающим хирургию и совсем хорошо — жизнь. Сейчас живет в Москве. Работой довольна, любовью не обойдена. На вечеринках танцует не отдыхая, тем более что в современных танцах главное порезче дергать плечами да ритмичной встряхивать гривкой. О том, что «хромоножка», я вспоминаю лишь на улице, когда начинает хватать за локоть, чтобы не убежал вперед.

Человек с физическим дефектом вовсе не загнан в тупик — у него есть выбор. Может жить, как инвалид. Может, как практически здоровый. Последнее, конечно, трудней. Но мало ли трудностей преодолевает человек! Нужда заставит, так и японский язык выучивает...

Мой вам искренний совет, Люба: не живите хромоножкой!

Это я вас не на подвиг зову — разговор вполне житейский. Ощущать себя хромым горько, но в чем-то и удобно. Вот от вас отвернулся знакомый — почему? Ответ готов: из-за ноги. Вот не взяли на работу — почему? «Муж любит жену здоровую»...

Я прекрасно понимаю: это вы не меня, это вы себя обманываете. Так легче, ниже требования к себе. Для объяснения самых разных неудач готова стандартная причина.

А возьмем ту же Тулу, ваше неудачное устройство на работу. Ну при чем тут нога? Корреспондент обо всем договорился, вас ждут, а вы не едете, вы служите в Москве в ненавистной бухгалтерии. Когда наконец появились в Туле, все сроки прошли, все вакансии заняты, а напоминания о бывших уговорах вызывают лишь понятное раздражение. Скорей всего кадровик не на вашу ногу смотрел, а думал: стоит ли иметь дело с человеком, который своему слову не хозяин, который, еще не оформившись на работу, уже ухитрился совершить длинный прогул?

Тут у меня возникает еще один вопрос, тоже, никуда не деться, неприятный. А почему, собственно, вы сразу не поехали в Тулу? Почему пошли не в медучилище, а в бухгалтерию? Вы же мечтали стать врачом, а не бухгалтером.

Ответ напрашивается: потому что медучилище в Туле, а бухгалтерия в Москве.

Кстати, все эти черствые чиновники — в чем именно проявлялось их равнодушие к вашей судьбе? В чем они не хотели помочь? Чего конкретно вы добились, а они отказывали?

У вас, Люба, хорошее перо и ясная голова, вы прекрасно объясняете все, что хотите объяснить. И только в этом вопросе все мутно. Однако, если взглянуть, если на время забыть цитату из Шота Руставели и горькие размышления о серых неудачниках, если отделить факты от вашего к ним отношения — тут и обозначится с достаточной ясностью ваша главная практическая цель. Вы просили

не абстрактного внимания к человеку и не помощи вообще — вы хлопотали о московской прописке. Из-за нее искали работу только в Москве, из-за нее променяли с детства любимую, в школьных сочинениях воспетую медицину на ненавистную бухгалтерию, из-за нее лежите сейчас на чужом диване униженной иждивенкой. Иную причину предположить трудно.

Между прочим, чей он, диван? Вы эту подробность опускаете, но догадаться можно. Ведь не на улицу вы хотели прописаться! Диван, очевидно, тетин. Той тети, маминной сестры, что увезла вас в Москву.

Вопрос о прописке в нашей жизни один из самых больших, поэтому обходить его не хочу.

По каким-то личным причинам, объяснять которые вы в принципе никому не обязаны, вы хотели бы жить в Москве — а вам не разрешают. Хорошо это?

Плохо. Плохо и обидно.

Но давайте попробуем понять и тех, кто не разрешает — того же «строгую дядю» из Моссовета.

Большие города растут быстро и почти неуправляемо — этот процесс происходит во всем мире. При этом жилищные условия, естественно, улучшаются не сразу для всех, магазины переполнены, с транспортом вообще кошмар. Зелень становится дефицитом, чистая вода — дефицитом, обычный свежий воздух — дефицитом. Печать всех пяти континентов гудит о трагедии больших городов.

Выход один — ограничить этот неуправляемый рост.

Кстати, подобные ограничения существуют в самых разных странах, даже в тех, где вообще нет понятия «прописка». Просто там они проявляются по-иному. Например, через очень высокую стоимость жизни. Или через непомерную квартплату. Миллионам людей жизнь в Париже или Лондоне просто не по карману.

Какой ограничитель лучше, прямой или косвенный, судить не берусь. Но совсем без него нельзя: города задохнутся, жизнь в них превратится в ад.

В нашей стране множество по той или иной причине привлекательных городов. Ленинград, Одесса, Киев, Таллин, Севастополь, Львов, Сочи, Ужгород, Тбилиси — я уже не рад, что начал этот список, ибо оборвать его несправедливо по отношению к незаванным городам, а заканчивать — это сколько же бумаги уйдет! И везде какие-то ограничения. Даже на БАМе, о котором вы упомянули, устроиться не так-то легко. На что также свои причины.

Представьте — юный романтик. В глазах энтузиазм, в руках аттестат зрелости, в голове весьма приблизительные понятия о реальности. Сходит с поезда на станции Ургал и озирается: где же распростертые объятия? А их нет. И романтику нашему не рады. Ибо нужны не столько энтузиасты, сколько специалисты: от них прямая и ясная отдача. А с этим что делать? Селить, кормить, обслуживать, обучать специальности, развлекать, если заскучает, лечить, если заболит, и терпеливо ждать, пока на этой вербе не вырастет груша? А на далеком БАМе все дорого: и жилье, и питание, и обслуживание, и время.

Впрочем, мы с вами не про БАМ...

Так вот, «строгие дяди» в Моссовете, в том числе и тот, что с вами говорил, могут гораздо меньше, чем вы думаете. Их право — следить, чтобы соблюдались законы. Нарушать законы — такого права им никто не давал. Личная строгость или мягкость тут мало что меняет.

Однако ограничение — это еще не запрет. Множество людей приезжают в Москву — прописываются, поступают на работу, даже получают жилье.

Мужья селятся к женам, жены к мужьям, престарелые родители к детям. Переезжают в Москву по обмену. Разные ведомства приглашают необходимых им специалистов. Стройки набирают строителей, заводы — станочников. Тех, кто ей очень нужен, Москва принимает.

Вот ведь и вы работали в бухгалтерии по лимиту. Могли работать и дальше. Но — не вынесли испытания женским коллективом. (К слову: а как бы вы ужались в медучилище, где в основном женщины? Или потом — в больнице?)

Десять лет вы, Люба, прожили в Москве. И за это время не сумели стать ей нужной. Ну, болели. Ну, школу кончили. А остальное время? Работа по лимиту обычно не из легких. И все же этот путь был бы легче того, который вы прошли, — путь просьб и отказов, жалоб и унижений. Прошли без всякого результата.

Поверьте, это не злорадство и не упрек. Мне просто жаль, что так нерационально потрачено несколько лет вашей жизни...

Суровые, порой бессмысленно жестокие кулачные бои наших предков тем не менее выработали и донесли до нас одно гуманное правило: лежачего не

бьют. И я сейчас думаю: не бью ли лежачего? Ну, допустим, прав — но что толку в правде, если ее единственный результат лишняя боль?

Может, и ошибаюсь. Но, честное слово, вы, Люба, не кажетесь мне лежачей. Не кажетесь, даже если сейчас по-прежнему лежите на диване. Даже если сами считаете свою жизнь «никчемной и пустой».

Причина моего оптимизма — все то же ваше писмо.

Вы умны, Люба. И по-женски, и житейски, и просто умны. У вас изобретательная, неожиданная, очень послушная вам логика. Как вы умеете сделать силой свою слабость! Как умеете оправдать себя, обвиняя: мол, все они правы, всех можно понять, кому нужна закомплексованная «хромоножка»! Читаешь — и поднимается гнев против равнодушных чиновников, и забываешь, что у этих самых «чиновников» могли быть совсем иные мотивы, что «хромоножка» — это ваше, а не их объяснение происшедшего.

В этих моих словах нет иронии: я совершенно искренне восхищаюсь тем, как мастерски, пусть и крайне пристрастно вы рассказали свою историю — ведь восхищаемся мы мастерством адвоката, порой независимо от того, чьи интересы он отстаивает. Вы, Люба, выступили одаренным, хотя и необъективным адвокатом собственной личности, одаренным, хотя и необъективным прокурором собственной судьбы.

Я вот думаю: если бы с той же одаренностью, с той же страстью и находчивостью вы выступали ходатаем не по собственным делам, а по заботам ближних своих, как бы любили вас и родные, и соседи, и сослуживцы! Наверное, все или по крайней мере многие ваши проблемы с их помощью решились бы куда быстрее: хлопотать за других несравнимо легче, чем за себя.

Нет, Люба, вы не серая неудачница, не беспомощная «хромоножка». Вы умный и достаточно сильный человек. Просто ум свой и силу вы слишком часто использовали не по назначению: вместо того, чтобы побороть неприятности, вы пытались их пережить.

Только не подумайте, что я вас упрекаю с точки зрения абстрактной морали. Я не моралист, и если бы большая девушка пусть даже не безукоризненным путем решила свои трудные проблемы, я бы, наверное, порадовался: живет, не бедствует, довольна — и, как говорится, слава богу.

Но разве вы решили? Разве вы довольны?

Ладно, Люба, хватит о том, что прошло. Что дальше-то? Как вам быть? Как жить?

Так и лежать на диване неприкаянной иждивенкой? Но ведь самой тошно.

С дивана, Люба, придется встать.

Вы подробно и в чем-то убедительно обвинили в своих бедах «обстоятельства и других». Не будем заново разбираться, насколько вы правы. Допустим, правы.

Ну и что? Как вы думаете, от этой вашей предположительной правоты обстоятельства изменятся?

Ведь нет же, не изменятся! Нога сама собой не заживет, положение о прописке не отменят, безразличные окружающие не станут по мановению пальца вас, такую как есть, любить.

Однако у человека всегда есть в подобной ситуации по крайней мере один выход. Если вы не можете изменить обстоятельства собственной жизни — измените себя в этих обстоятельствах.

Сложнее всего с болезнью. Она у вас не из легких, лечится долго. К счастью, излечивается. Но пока вы больны, не относитесь к своей хромой ноге с большим уважением, чем она того заслуживает. Ни жить, ни работать она вам не помешает. Не помещайте любовь. Не помещает быть любимой. Слышите — не помещает! Это не благодушное утешение идеалиста, это трезвый, практический опыт грешного человека. В нелюбимой женщине раздражает даже красота, к любимой лишь сильнее привязывают ее беды и хворости.

Теперь о работе.

Я подозреваю, что «строгий дядя» в Моссовете, сказавший вам: «Учитесь, а еще лучше — работайте!» — был, возможно, не столько бездушный бюрократ, сколько основательно поживший человек, знающий, что почем в нашей непростой реальности. Видимо, понимал, каково придется в чужом городе одинокой девушке с кучей сложностей и без собственного заработка. Если он так думал, оказался прав: чужой диван жесток, чужой кусок горек, судя по финалу письма, вы это в полной мере ощутили. Койка в общежитии, пакет молока и батон — жизнь далеко не сладкая, но, наверное, лучше вашей хотя бы сознанием независимости.

«Как ты можешь так бездарно прожигать жизнь, когда твои сверстники строят, осваивают и добывают?» — иронизируете вы в начале письма. Ценю иронию — обойдемся без глобальных задач, построим, освою и добудут другие. А вы просто научитесь

зарабатывать самой себе на чулки и котлеты — пусть это и будет ваш трудовой подвиг, ваш БАМ. Для начала вполне достаточно...

Куда идти, к кому обратиться? В любую контору, где нужны люди. Хотите — в Москву по лимиту, хотите — в любой из новых городов, хотите — в Липецк, родной город, где живут чужие люди, когда-то, однако, произведшие вас на свет, и где, вероятно, есть медучилище, на которое вы имеете незбылемые, вполне официальные права.

Только когда пойдете устраиваться на работу, учтите одну деталь. Есть такой хитроумный способ улаживать свои дела: всегда говорить правду. Нужна прописка — говорите про нее, нужны деньги — говорите о них. Все мы люди: человеческую нужду не всегда удовлетворяют, но всегда поймут. А когда вы твердите «Три пишем!», а собеседнику ясно слышится «Пять в уме», он перестает верить даже той доле истины, которая имеется в ваших речах.

Что дальше? Дальше вы попадете в хороший коллектив. Почему непременно в хороший? А потому, что, надеюсь, вы его будете считать таким. Люди везде люди, в любом коллективе, если копнуть, уровень человечности приблизительно одинаков. Не думаю, чтобы судьба стала специально стонать всех негодяев округи именно в ту контору, куда вам посчастливилось попасть. Значит, все зависит от того, как вы станете относиться к окружающим. Поймете их — и они вас поймут. Помогите им — и они вам помогут. При желании в самых будничных женских хлопотах можно увидеть разумность и смысл. При желании и ваши заботы можно считать «мышью возней».

Только не надо притворяться, что любите людей: почувствуют лицемерие, станет еще хуже. Не надо притворяться, что любите, — надо их просто любить...

Стоит ли вам держаться за Москву? Не знаю. Ибо не знаю, что именно вас привязывает к Москве, где вам так неуютно. Не знаю, есть ли у вас реальная возможность когда-нибудь получить жилплощадь, на которой стоит нынче ваш диван. И боюсь, что на бесплодную эту борьбу уйдет вся ваша молодость и добрый кусок зрелости.

У каждого свои понятия о хорошем месте жительства. Я люблю молодые города. Потому что и народ там молодой, внутренне подвижный, щедрый душой и жадный к общению. Вот там бы пригодились ваша начитанность, ваш цепкий, хотя пока и небойкий ум, ваш веселый и точный, хотя и лукавый язык. Но это даже не совет — просто информация к размышлению.

«Я не подарок», — пишете вы. Это точно — сейчас вы явно не подарок: эгоистичная, закрытая, крайне скупая на элементарную человечность.

Эту скупость легко понять и даже оправдать: всю жизнь вы так мало имели, так мало имеете и теперь — неужели еще кому-то отдавать?! Но жизнь не физика, у нее законы свои: и энергия возникает, и материя пропадает, и из ничего получается «чего».

На разных языках, в разных вариантах дошло до нас древнее заклинание: «Рука дающего да не оскудеет!» Житейская наблюдательность говорит определенной: рука дающего не скудеет.

Порой диву даешься — человек нерасчетливо, неразумно добр, последнюю рубашку готов отдать, да что там, отдает чуть не ежедневно! И так год за годом. Но, позвольте, откуда они у него берутся, эти рубашки? Швейная фабрика, что ли, своя? А причина элементарна: за добро люди охотно и радостно платят добром. Причем не только те, что получили, но люди вообще.

Принцип социализма благороден и справедлив: каждому — по труду. Всегда ли он осуществляется? Нет, к сожалению, нет. И учет порой приблизителен и хватает деляг, которые под разными предлогами норовят хапнуть побольше, а дать поменьше или не давать совсем.

Но есть сфера, где принцип этот, за редчайшими исключениями, соблюдается неукоснительно. Эта сфера — область человеческих отношений. Во все времена любили не хватки, а добрых, не эгоистичных, а заботливых, не пронырливых, а прямодушных. Каждый получает по душевному труду: сколько сердца отдает людям, столько ему и возвращается.

Вы не подарок, Люба. Думаю, именно в этом корень ваших бед. Станьте подарком!

Это не возвышенное пожелание, это чисто практический совет. Другой путь вы попробовали, и он не принес ни радости, ни выгоды. Много у вас за душой или мало — торопитесь отдать.

Взять успеете.

И последнее. Если это письмо все-таки дойдет до вас и не слишком обидит, при ответе напишите обратный адрес. Знакомые люди должны помогать друг другу, а мы с вами теперь немного знакомы...

АНОНИМНЫЕ ЗАКАЗЧИК

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

В этом вагоне парня не было. Колокольников не спеша пошел по составу и уже в тамбуре следующего вагона увидел его. Парень курил и рассеянно следил за пронесившимся мимо сосновым лесом. В тамбуре было еще несколько человек, и, когда Леонид Иванович проходил мимо, парень даже не обернулся.

Колокольников прошел почти через весь вагон и сел недалеко от других дверей. Сел так, чтобы ему был виден вход в тамбур, где курил парень. Парень скоро вошел в вагон и сел спиной к Колокольникову. Колокольников отметил, что сделал он так не специально, а потому, что там было единственное свободное место.

«Ничего, ничего,— подумал Леонид Иванович,— я тебя на чистую воду выведу! Ишь какой модный да чистенький. Другой бы после такого несчастья и бриться позабыл».

Под мерный стук колес он вспомнил тот день, когда все случилось, расплащенное на дороге мертвое тело, и злость на этого спокойного, сидящего как ни в чем не бывало убийцу с новой силой закипела в душе Колокольникова.

«На Костю только плохая надежда,— сетовал он.— Напугает чего-нибудь или трешку пропьет. Ну и ладно. Сам обойдется». Он не боялся этого парня, даже если тот и узнает его. Только вспомнил вдруг его белые от бешенства глаза. Кроме бешенства, в них ничего и не было—ни мысли, никакого выражения. «Может, и не зря товарищ Корнилов меня предупреждал,— мелькнула у Колокольникова мысль.— Они с такими типчиками дело часто имеют. Ну ничего, отобьюсь, коли надо». Потом он стал думать о жене, о сыне. «Ребята у меня что надо!— теплея, думал он.— Таковую жену, как Валентина, поискать! Сколько она со мной возилась, когда я запоем мучился. И ведь выдернула из болота. За шкуру! А как с Володькой они дружат!» Колокольников размягчился от воспоминаний, настроился на лирический лад. И неожиданно ему пришла мысль: а вдруг с ним что-нибудь случится? Да ведь Валентина с ума сойдет. А Володька? О нем и думать страшно. Только он еще мальчишка, время вылечит, а Валентине-то каково? Всю жизнь одной куковать: бабы нынче долго живут. Он поднял голову, посмотрел в конец вагона. Парень был на месте. «Тьфу, черт!— выругался он про себя.— Понесло же меня на лирику из-за этого прощелья! Живы будем— не померем...»

Колокольников пожалел, что не взял с собой никакой книги и не купил в киоске газету. Он вспомнил не один детектив, где сыщики следили за злодеями, время от времени выглядывая из-за развернутой перед глазами газеты. Но, увы, газеты не было. Парень сидел к Леониду Ивановичу спиной и даже, как ему показалось, мирно подремывал.

На Финляндском вокзале их никто не ждал. «Сплоховал Костя,— с досадой подумал Колокольников.— Вот и доверься алкашу». Но ничего страшного не произошло: они спокойно— и парень и Колокольников— прошли с потоком пассажиров к метро, спустились вниз. Леонид Иванович сел в вагон рядом, так что парень все время был у него в поле зрения. «Парень как парень,— подумал Колокольников.— Не бежит, не скрывается. Вон даже с девушкой симпатичной заигрывает».

Вышел парень на станции «Площадь Восстания» и пошел по переходу на Василеостровскую линию. Здесь двигалась такая толпа, что Колокольников потерял парня из виду. От волнения и растерянности он весь взмок и почти бежал, расталкивая пассажиров. Не было парня и на платформе.

«Уехал, уехал!— твердил Леонид Иванович, мечась от одной стороны отправления к другой.— Не мог же я вперед его прибежать?!» И неожиданно чуть не споткнулся с ним нос к носу. Хорошо, что народу было как сельдей в бочке, так что парень на него не обратил внимания.

И опять они ехали в соседних вагонах метро. И вышли на станции «Василеостровская». Теперь Колокольников уже не решился идти за парнем на близком расстоянии.

Парень пошел по Среднему проспекту. Дойдя до Второй линии, он зашел в телефонную будку и долго разговаривал. Потом, не вешая трубку, нажал на рычажок и опустил еще монету. Но на этот раз, по-видимому, абонент отсутствовал. Парень вышел из будки, пересек Средний и скрылся в узком, как щель, Соловьевском переулке.

Совсем рядом с переулком у трамвайной остановки прогуливался милиционер, и у Колокольникова шевельнулась мысль: а не подойти ли к нему да не рассказать, ради чего он уже несколько часов таскается за этим молодым пижоном. Но пока объяснишь, пижон может исчезнуть, а ведь дело-то уже, похоже, сделано... Наверняка в этом переулке он и живет.

Леонид Иванович подошел к угловому дому, здесь как раз находился гастроном и прямо у дверей с лотка продавали египетские апельсины. Народу толпилось много, и, не рискуя быть замеченным, Колокольников выглянул из-за угла. Парень был уже метрах в ста, шел не оглядываясь, спокойно. И так же спокойно, не оглянувшись, свернул в подъезд большого серого дома.

«Ну вот, голуба, теперь-то мы знаем, где вы обитаете».— Колокольников пошел по переулку, чтобы заметить номер дома и подъезд, куда зашел парень. Судя по тому, что на уровне второго этажа дома сохранилась старинная надпись «Фризе Эмилия Александровна», со времени революции его ни разу не ремонтировали.

Леонид Иванович осторожно открыл массивную черную дверь подъезда, надеясь хоть приблизительно определить, на каком этаже остановится лифт. Но лифта в доме не было. Колокольников сделал несколько шагов по пропахнушему кошатиной и отсыревшей штукатуркой подъезду. Прислушался. И в это мгновение его ударили сзади по затылку. Удар был такой стремительный и сильный, что Леонид Иванович не успел даже вскрикнуть.

10

Приехав в Зеленогорскую милицию, Корнилов прежде всего заглянул к начальнику—Петру Андреевичу Замятину, своему старому знакомому и партнеру по шахматам. По странному капризу судьбы они почти каждый год отдыхали в одно и то же время и в одном санатории—пили водичку в Ессентуках. Там-то и разыгрывались у них многочасовые шахматные баталии, не имевшие, кстати, продолжения по возвращении из отпуска.

Петр Андреевич был года на четыре моложе Корнилова, но выглядел старше. То ли излишняя полнота давала себя знать, то ли какая-то простецкая манера держаться, едва уловимая опроченность. Корнилов мысленно называл это отсутствием внутренней собранности и часто с сожалением замечал ее следы у многих работников, долгие годы прослуживших в области. И это совсем не зависело, откуда родом человек—выдвиженец из местных или присланный из города. И даже, как много раз убеждался полковник, совсем не свидетельствовало о том, что такие люди хуже работают. Просто у Корнилова было твердое убеждение в том, что человек, внутренне собранный, способен быть более чутким к делу.

У Петра Андреевича сидел пожилой майор, докладывав какой-то дело, листая исписанные размашистым почерком страницы большого блокнота. Он даже не обернулся на стук хлопнувшей двери.

Увидев входящего в кабинет Корнилова, Петр Андреевич радостно улыбнулся, поднял в приветствии руку.

— Потом, потом, Посохин,—остановил он майора.— Через часик зайдешь, продолжим.

Майор огорченно посмотрел на начальника, хотел

что-то сказать, но Петр Андреевич нетерпеливо махнул рукой и повторил:

— Через часик. Не видишь, начальство приехало? Майор обернулся и, увидев Корнилова, вскопчил:

— Здравия желаю, товарищ полковник. Корнилов поздоровался. Лицо майора было ему незнакомо, и тот, наверное, встречал его на совещаниях в управлении.

Майор, засунув свой блокнот в карман, поспешно вышел из кабинета. Петр Андреевич, улыбаясь, оглядел Корнилова, почти восхищенно покачал головой.

— Ну-ну, товарищ начальник,—остановил его Корнилов,— не старайтесь показать, что с каждым годом я выгляжу все моложе. Вы вот, например, живя среди лесов и парков, мало дышите воздухом. Цвет лица у вас землистый.

— Давай, давай, сыпь комплименты,— смеялся Петр Андреевич.— У тебя это здорово получается.

— Я человек правдивый. Режу правду-матку в глаза,— усмехнулся полковник. У них уже вошло в традицию подтрунивать друг над другом при встречах: сказывались совместные хождения по врачебным процедурам в санатории.

— Что-нибудь серьезное?—спросил Петр Андреевич, когда, обменявшись несколькими фразами о здоровье домашних, они уселись друг против друга.— Аникин тебя ждет.

— Да все об этом происшествии на пятьдесят пятом километре,— ответил Корнилов, поудобнее усаживаясь.

Петр Андреевич недоуменно пожал плечами.

— Странная какая-то история. Я подробно расспросил сотрудников, которые выезжали на место происшествия. Ведь и намек на наезд не было. Ни человека, ни следов. Мы тут все больницы обзвонили...

— Знаю, знаю,— сказал Корнилов.— Только все обернулось посерьезнее, чем твои сотрудники себе это представляли. После того, что я сейчас расскажу, у тебя, думаю, и без моей подсказки появится желание их наказать.— И он подробно рассказал Петру Андреевичу о том, что удалось выяснить Бугаеву.

Замятин несколько минут сидел молча, насупившись, постукивая друг о друга костяшками сжатых кулаков.

— Этих голубчиков я накажу как пить дать,— наконец прервал он затянувшееся молчание.— Но ты уверен, Игорь Васильевич, что у вдовы профессора Блошкина такой матерый преступник жил? И что под машину он угодил? И что сверло, которое нашел Колокольников...

— Петр Андреевич,— перебил Замятина Корнилов,— столько вопросов сразу! Давай по очереди. У Блошкиной сейчас наш сотрудник. Да ты, наверное, знаешь, Семен Бугаев. Проводит опознание по фотографии. Так что минут через двадцать будем знать точно.— Он достал пачку сигарет, посмотрел вопросительно на Петра Андреевича.

— Кури, кури. Сам Замятин за всю свою жизнь ни разу сигареты в рот не взял.

— Но насчет Лёвы Бура у меня сомнений нет. Это он у тебя под боком два месяца по чужому паспорту проживал. И под машину скорее всего он угодил. Я-то думаю, случайно. А там уж одному господу известно. И знаком Лёва был с одной местной жительницей—кассиром сберкассы.

— Интересно,— с расстановкой произнес Петр Андреевич.

— С этой кассиршей и хотел повидаться Аникин сегодня днем. Только я подумал и решил— преждевременно. А вдруг?..

— Да, чем черт не шутит... Правильно решил. Хочешь, чтобы мы понаблюдали за ней?

— Хочу. И еще хочу сейчас встретиться с ее заведующей.

— Знаю такую,— сказал Замятин.— Женщина, как говорится, приятная во всех отношениях.— Он улыбнулся.— И как финансовый работник в первую очередь. Серьезная баба.

Продолжение. Начало в №№ 14—16.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

— Позовем Аникина?—спросил Корнилов.—Он меня к ней проводит.

Замятин снял трубку с телефонного аппарата.

— Коровкин, Аникин у тебя? Пускай ко мне зайдет. Участковый инспектор Аникин понравился и Корнилову. Хорошее, открытое лицо, прямой взгляд. Он представился без подобострастия и залихватской развязности, чего так не терпел полковник. Игорь Васильевич пригласил его сесть.

— Озадачили мы вас сегодня?—спросил он, внимательно разглядывая лейтенанта.

— Да, честно говоря,—кивнул Аникин.—Я специально к сберкассе пораньше пришел. Думал Рогозину на улице перехватить. Чтобы у других сотрудников пересуды не возникли...—Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась у него вымученная.

— Что-нибудь не так получилось?—спросил Корнилов. Он почувствовал за этой вымученной улыбкой какое-то беспокойство Аникина.

— Колокольников пропал,—тихо сказал участковый и непроизвольно так сжал сцепленные пальцы, что они хрустнули.

— Что значит пропал?—спросил Корнилов.

Аникин молчал, собираясь с мыслями.

— Павел Сергеевич!—подал голос Замятин.—Ты чего молчишь?

— Сейчас, товарищ начальник... Я сам только что узнал. Жена его внизу у дежурного сидит, плачет.

— Да, может, еще рано плакать-то?—усомнился Корнилов.

— Сегодня днем Колокольников встретил в Зеленогорске на вокзале мужчину. Того, который на месте катастрофы чего-то искал... Мужчина ждал электричку на Ленинград. Колокольников тоже взял билет и поехал за ним.

— Откуда это известно?—спросил Корнилов.

— Он рассказал на вокзале одному знакомому, просил, чтобы тот сообщил жене, а она вам позвонила. Пока, мол, они до города доедут, в Ленинграде милиционеры их уже встретят. А знакомый—болван!—не выдержал Аникин.—Зацепился за пивной ларек да только к вечеру и вспомнил.

Корнилов посмотрел на часы. Было без десяти восемь. Спросил Аникина:

— Какой электричкой они ехали?

— На тринадцать десятая.

— Домой в Ленинград жена звонила?

— Несколько раз звонила, не отвечает телефон. Жена всех знакомых на ноги подняла.

— Никаких примет этого человека Колокольников своему знакомому не передал?

— Он незаметно показал ему этого человека... Только знакомый...—Аникин безнадежно махнул рукой.—К утру, может, проспит. А может, и нет. Пьян в стельку.

Корнилов вспомнил свой разговор с Колокольниковым, когда тот никак не мог выдать из своей памяти ни одной существенной приметы подозрительного мужчины, и подумал: «А встретил—сразу узнал. Иначе не поехал бы за ним».

— Ладно, что хотите делайте, а этого пьянчужку через час на ноги поставьте!—сказал он зло.—Пригласите врачей! Они знают, как с алкашами обращаться. Нашатырь, пару клистиров... Понятно?

— Понятно, товарищ полковник,—сказал Аникин.

— Петр Андреевич, ты распорядись вызвать в отделение «Скорую». Лейтенант меня сейчас к завсберкассой проводит и вернется. И пусть едет с врачами к свидетелю. Адрес-то знаете?

— Так точно.

— Скоро сюда подойдет Бугаев. От профессорши вашей...

— От Блошкиной,—напомнил Замятин.

— Вот-вот! Введите его в курс дела. Пускай едет на Литейный. Поднимает ребят на поиски Колокольникова. Машину для него найдете?

— Найдем,—кивнул Замятин.

— А то потом пусть мою берет.—Корнилов тяжело поднялся с кресла.—Поехали, лейтенант.

11

— Вот ее дом,—показал Аникин на стоящее в осадку желтое четырехэтажное здание с эркерами.—Квартира семь. Третий этаж. Живет с мужем и дочерью.

«Волга» остановилась у небольшого скверика. Корнилов попросил шофера:

— Отвези лейтенанта в райотдел и вернешься. Жди на этом же месте.—Он еще хотел сказать Аникину, чтобы позвонили, если будут новости,—наверняка у заведующей сберкассой есть телефон,—но машина уже тронулась. Корнилов досадливо махнул рукой, но тут же подумал: «Ладно, долго я здесь не задержусь...»

Дверь ему открыла девушка лет двадцати трех. У нее было узкое лицо, тонкий, чуть раздвоенный на самом кончике нос, русые волосы, уложенные копной на затылке. Вот только цвет ее больших глаз он не успел разглядеть: в прихожей было темновато.

— Вам кого?—спросила девушка.

— Я хотел бы видеть Зою Петровну.

— Пожалуйста.—Девушка посторонилась, пропуская его в прихожую.—Проходите.—И крикнула громко:—Мама, к тебе!

Она пошла вперед по небольшому коридорчику, открыла дверь в просторную, очень ухоженную и прибранную комнату. Корнилову это сразу бросилось в глаза. Даже несмотря на то, что в комнате стоял полумрак—лиловый августовский вечер уже заглядывал в окна.

Высокая, стройная женщина с такой же копной волос на затылке, что и у дочери, только совсем седых, стояла у стола и вынимала из сумки пакеты с зубной пастой, баночки с кремом и, как показалось Корнилову, еще какие-то чисто женские предметы обихода. Видимо, по дороге с работы она зашла в магазин.

Обернувшись и увидев в дверях мужчину, Зоя Петровна ойкнула и смахнула все свои пакеты и баночки снова в сумку.

— Извините, бога ради. Я думала, кто-то из соседок.—Она протянула дочери сумочку:—Таня, возьми, потом разберешь. Там кое-что и для тебя.—И спросила:—А вы по какому делу?

— Зоя Петровна,—сказал Корнилов,—мне хотелось бы поговорить с вами наедине. Ваша дочь не обидится?—Он повернулся к Тане, внимательно разглядывающей содержание материнной сумочки.

— Ну, что вы, что вы!—не поднимая глаз на Корнилова, сказала дочь.—Я испаряюсь.

— Садитесь, пожалуйста,—предложила Зоя Петровна и пододвинула Корнилову стул.—Может быть, зажечь свет?

— Нет, нет,—запротестовал он.—Еще не темно. Я должен представиться: полковник Корнилов из уголовного розыска.

Женщина села напротив на другом конце стола. Внимательно посмотрела на полковника. В ее поведении, во всех ее действиях не чувствовалось тревоги, и это было приятно Корнилову.

— Я вас слушаю.

— Зоя Петровна...—начал Корнилов и тут вдруг

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

КУДА ДЕВАТЬСЯ ФЕРМЕРАМ?

«Я разорен, мистер Рейган»... Эти слова вывел плугом на своем поле фермер из Джексонвилла, штат Иллинойс. Слова эти могли бы повторить многие американские фермеры, по которым жестоко ударил экономический спад, резко усилившийся в годы правления администрации Рональда Рейгана, которого, по данным института Гэллага, сегодня 74 процента американцев считают «президентом большого бизнеса».

«ТАЙМ», США

ШОССЕ НАГРЕВАЕТ ВОДУ

Австралийские специалисты разработали проект необычного коллектора солнечной энергии. Необычного, поскольку трубы, по которым циркулирует вода, будут установлены под асфальтом шоссе. Известно, что в наиболее жаркую пору лета асфальт нагревается почти до температуры плавления. Согласно проекту, вода будет поглощать тепло, накопленное асфальтом, и нагреваться, а асфальт останется твердым. Другими словами, польза двойная: нагретую воду направят предприятиям, перерабатывающим сельскохозяйственную продукцию, а на шоссе исчезнет опасность скольжения и заносов автомобилей по вине расплавленного асфальта.

«ШТИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

ВАНДАЛЫ ОТ ИСКУССТВА

Украденная три года тому назад в одной из церквей на севере Италии картина Ван-Дейка найдена полицией. Воры нанесли картине серьезный ущерб: орудуя ножом, они укоротили ее, отделив несколько персонажей, написанных великим фламандцем.

«УНИТА», ИТАЛИЯ

ИЗ КОСМОСА — В АНТАРКТИДУ

За последние десять лет на поверхности ледяного панциря Антарктиды было обнаружено свыше пяти тысяч метеоритов. Некоторые из них представляют для ученых подлинную загадку.

Метеорит весом в 31 грамм, обнаруженный американскими исследователями, состоит из скальных и минеральных фрагментов, а также спекшихся с коричневыми стеклянными нитями стеклянных шариков. Содержание кальция, алюминия, редкоземельных элементов, окислов железа и марганца и изотопов кислорода в точности соответствует составу скальных пород на поверхности Луны. Возможно, метеорит попал на Землю в результате взрыва на поверхности Луны после падения крупного небесного тела.

Девять метеоритов считаются прилетевшими с Марса. По изотопному составу этих каменных метеоритов установлено, что они образовались 1,3 миллиарда лет назад, то есть намного позже всех прочих метеоритов, возраст которых составляет 4,5 миллиарда лет. А именно 1,3 миллиарда лет назад на Марсе имела место бурная вулканическая деятельность, следы которой можно наблюдать и поныне.

Сохранность найденных космических пришельцев была обеспечена специфическими условиями Антарктиды — мощным ледяным покрытием и стабильно низкими температурами. Во всех других местах нашей планеты метеориты сравнительно быстро разрушаются.

«НЬЮ САЙЕНТИСТ»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ЗАГАДКА ПЛАВАЮЩИХ ЛАМПОЧЕК

Светящимся рыбам обеспечено «светлое» будущее, пока их не покинут вызывающие свечение бактерии, считает биолог из Калифорнийского университета Кеннет Нильсон, занимающийся исследованием жителей океана. Оказалось, что живущие в симбиозе с рыбами, эти бактерии не терпят на животных-хозяевах какие-либо чуждые микроорганизмы. По-видимому, в теле рыбы должен образовываться продукт обмена веществ, делающий возможным свечение бактерий и в то же время предотвращающий заражение их «посторонними» микроорганизмами. По мнению Нильсона, если удастся понять детали механизма симбиоза, то можно напасть на след биологических закономерностей, исследуя которые возможно было бы установить искусственную защитную стену между человеком и микроорганизмами — носителями болезни.

«ИНТЕРПРЕСС МАГАЗИН»,
ВЕНГРИЯ

Электронный гид Парижа

В недалеком будущем экскурсанты, прибывающие в столицу Франции, смогут без труда найти любую интересующую их улицу или любой музей благодаря гиду-компьютеру, который намечено установить на одной из центральных станций метрополитена. В электронную память будут введены данные о 65 тысячах улиц и бульваров, 11 тысячах автобусных станций и 10 тысячах достопримечательных мест города.

Чтобы получить нужную информацию, туристу достаточно набрать на клавишах название. Через семь секунд компьютер выдаст карточку с самой подробной информацией по интересующему вопросу.

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

«ЗВУКОВАЯ АТАКА»

Специалисты Швеции, США и Японии изучали слуховую восприимчивость учащихся старших классов, которые увлекаются дискотеккой. У многих подростков было отмечено резкое нарушение слуха: все они свыше 24 часов в неделю проводили в стереонаушниках, слушая музыку. «Звуковая атака» достигает в среднем интенсивности 88 децибелов, что соответствует уличному шуму в часы «пик».

Следует отметить, что шумовые эффекты отрицательно влияют не только на слух: исследования по-

Деревянная марка

Почтовое ведомство Габона преподнесло сюрприз филателистам: в честь Дня независимости в обращение выпущена новая марка — деревянная. И раньше Габон производил фуры среди ценителей почтовых миниатюр, выпускать марки на золотой, алюминиевой и дедероновой фольге. Они получили название «экзотически серий». Разумеется, приклеивать такие марки на конверт никому не придет в голову, однако они пользуются большим спросом у филателистов, охотно пополняющих свои коллекции этими затейливыми выдумками изобретательных почтовых служб.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ГДЕ ВЫ, БРАТЯ ПО РАЗУМУ?

Ученые мира не теряют надежду открыть сигналы внеземных цивилизаций. Поиск таких сигналов является и целью исследований, которые астрономы Токийского университета намереваются провести с помощью нового радиотелескопа. Его чашу диаметром в 45 метров собираются поместить на плато Яцугатане в префектуре Нагано. Ожидания связаны не столько с внушительными размерами приемной антенны, сколько с многочисленными электронными устройствами и сверхмощным компьютером. Это оборудование позволит быстро и точно провести логический анализ коротковолновых сигналов с целью обнаружить в них какую-нибудь математическую закономерность.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

БЕДА КАСКАДЕРА

Чтобы заработать 2 тысячи долларов — главный приз чемпионата каскадеров, проводившегося в канадском городе Калгари, представитель «клана отчаянных» Борегар пошел на смертельно опасный трюк: врезался на автомобиле в другую, пылающую, как факел, машину. На этот раз ему не повезло: дверь его автомобиля заклинило... В больнице врачи сообщили, что от профессии каскадера придется на долгое время отказаться: двадцать процентов кожи разрушено ожогом второй степени. А организаторы соревнований сообщили, что Борегар дисквалифицирован — он, оказывается, не получил официального разрешения на свой безумный аттракцион...

«ШТЕРН», ФРГ

ЦЕЛЕБНАЯ ПОДУШКА

Интересную новинку для людей, страдающих бессонницей, выпустила на рынок одна западногерманская фирма. Глубокий, здоровый сон обеспечивают эфирные масла трав — под их действием человек быстро засыпает и спит, как на лоне природы... Утром подушка укладывается в специальный чехол, чтобы целебный аромат не улетучивался.

«ТЕХНИЦКИ МАГАЗИН»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Дорогие читатели! Ждем ваших оригинальных рисунков. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1983 года.

Рисунки В. ВАСИЛЬЕВА, Свердловск, Л. ЛАВРЕНТЬЕВА, Рига, Е. РОТЕРМЕЛЯ, Москва

ШАХМАТЫ «83»

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

В третьем туре нашего конкурса предлагаем читателям решить две задачи так называемого логического направления. Существенным элементом содержания обеих задач являются «ложные следы», опровергаемые единственными ходами черных. В двухходовой задаче опровержения «ложных следов» становятся возможными в результате ослаблений, создаваемых самими белыми фигурами, так называемые белые комбинации. Укажите их в своих ответах. Очевидный «ложный след» (он же — главный план) в пятиходовой задаче наталкивается на четкое опровержение. Вам предстоит найти подготовительную игру, устраняющую препятствие к осуществлению главного плана.

Третий тур

Белые: Krb2, Фf3, Ce2, Ke5, Kf2 (5).
Черные: Kpd2, Фс8, Лd7, Лh4, Сb1, Се1, Кс2, Кс6, п. b4 (9).
Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

Белые: Kph8, Лg1, Сe8, Ch4 (4).
Черные: Kph6, Ла5, Kh7, пп. b2, b5, c5, e7, h3 (8).
Белые начинают и дают мат в 5 ходов (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «Шахматный конкурс-83. 3-й тур». Последний срок присылки ответов 1 ноября (по почтовому штемпелю).

ШАШКИ «83»

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

В прошлом номере по просьбе читателей мы начали знакомить с «Шашечным кодексом СССР». Сегодня — продолжение ответа на вопрос: «Когда партия считается закончившейся вничью?».

2. Порядок признания ничьей в случае повторения позиции: — если играющий сделает ход, в результате которого позиция повторится третий раз или более, то его противник имеет право до совершения своего очередного хода заявить судье соревнований о прекращении партии и признании ее закончившейся вничью; — если один из играющих хочет сделать ход, в результате которого позиция повторится третий раз

(или более), то он, не делая этого хода на доске, должен записать его на бланке и заявить судье о прекращении партии и признании ее закончившейся вничью.

Если очередной ход все же будет сделан, то право требования ничьей этим участником утрачивается и восстанавливается вновь в случае еще одного повторения той же позиции.

Не обязательно, чтобы повторение позиции следовало одно за другим; требовать ничьей можно и в том случае, если позиция повторяется трижды в различные моменты партии, то есть через любое количество ходов, но при той же очереди хода.

Третий тур

1. А. Аюпов (г. Асбест, Свердловская область)

2. Г. Марамзин (Кемерово)

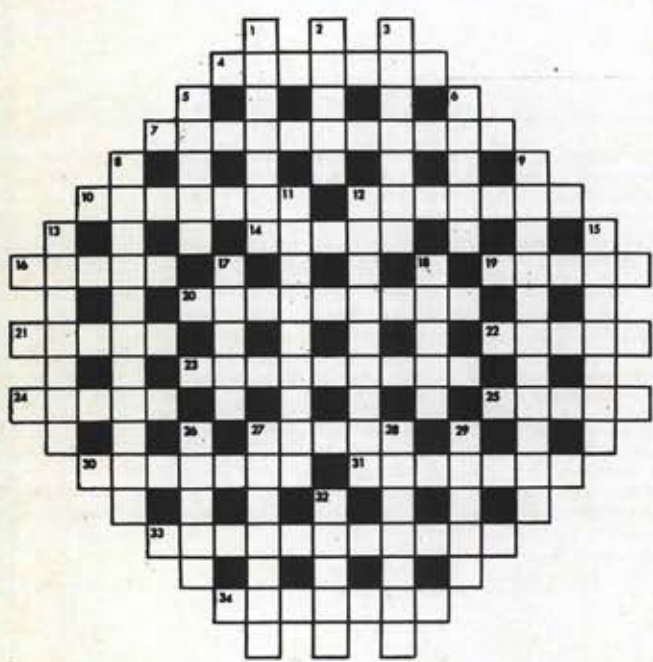

В обеих позициях белые начинают и выигрывают.

Последний срок отправления ответов на задания третьего тура — 1 ноября (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «Шашечный конкурс-83. 3-й тур».

КРОССВОРД

Составил Н. ВОРЧИК, дер. Гайна Минской области

По горизонтали:

4. Древнерусский писатель, автор «Слова о законе и благодати». 7. Метод изучения затрат времени на производстве. 10. Советский летчик, трижды Герой Советского Союза. 12. Реакция организма на внешнее раздражение. 14. Пристань на реке Малый Зеленчук. 16. Горнодобывающее предприятие. 19. Точка, в которой собираются преломленные линзой лучи. 20. Совецание врачей. 21. Свод правил, устанавливающих порядок деятельности. 22. Роман И. Стаднюка. 23. Высший законодательный орган во многих странах. 24. Глубокая рывтина, образованная временным водотоком. 25. Грузовое судно. 27. Город в Греции. 30. Площадка для содержания зверей. 31. Сплав олова и свинца. 33. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 34. Тонкая доска или фанера, вставленная в рамку.

По вертикали:

1. Дикая голубь. 2. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века. 3. Легкое переносное кресло. 5. Фракийский певец, герой древнегреческой мифологии. 6. Болотная птица. 8. Духовой музыкальный инструмент. 9. Способность глаза ясно видеть на различных расстояниях. 11. Крупный порт в Испании. 12. Принятый порядок собрания, заседания. 13. Высшая категория в систематике растительного и животного мира. 15. Художник - передвижник. 17. Зерновой знак. 18. Восточный музыкальный инструмент. 26. Литературное произведение. 27. Хорватский скрипач и композитор, живший и творивший в России. 28. Представительница основного населения союзной республики. 29. Учение о морали и нравственности. 32. Военная специальность.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

7. «Богатыри». 8. Шлагбаум. 10. Подрамник. 11. Инвариант. 12. Пончо. 13. Полковник. 16. Конка. 19. Минимум. 20. Гессе. 21. «Электра». 24. Строительство. 25. Владивостокцы. 30. Фрауга. 31. Сканы. 32. Дисплей. 35. Озеро. 36. Крейцкопф. 37. Итиги. 40. Гладиолус. 41. Проголина. 42. Тонганец. 43. Сваеремаа.

По вертикали:

1. Огуречник. 2. Штамп. 3. Архилох. 4. Бланкит. 5. Аггья. 6. Малиновка. 7. Биология. 9. Монохорд. 14. Крестовский. 15. Василистник. 17. Пустельга. 18. Флавицкий. 22. «Хонда». 23. Исток. 26. Хризолит. 27. Смородина. 28. Эпиталама. 29. Лезгинка. 33. Траулер. 34. «Спартак». 38. Зобар. 39. Угорь.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.07.83. Подписано к печати 01.08.83. А 02747. Формат 70x108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1170000 экз. Изд. № 2165. Заказ № 1127. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фехтование. Сложный и условный, противоречивый и одновременно гармоничный вид спорта. Кажется, что он имеет свой индивидуальный цвет и свой голос! Ослепительно-снежный колет «мушкетера XX века» — символ элитности, галантности фехтования. Приглушенный звон клинков и резкие, вроде бы птичьи клики бойцов — знаки внутреннего тайного богатства этого романтического вида состязаний.

Но и острота в фехтовании есть, да еще какая! И одним из тех, кто наполнил фехтовальную дуэль динамизмом и лихостью, стал Виктор Кривошусков. Перечисление его спортивных титулов заняло бы слишком много места, поэтому назовем главный: он четырехкратный олимпийский чемпион. За выдающиеся успехи награжден высокой наградой Родины — орденом Ленина.

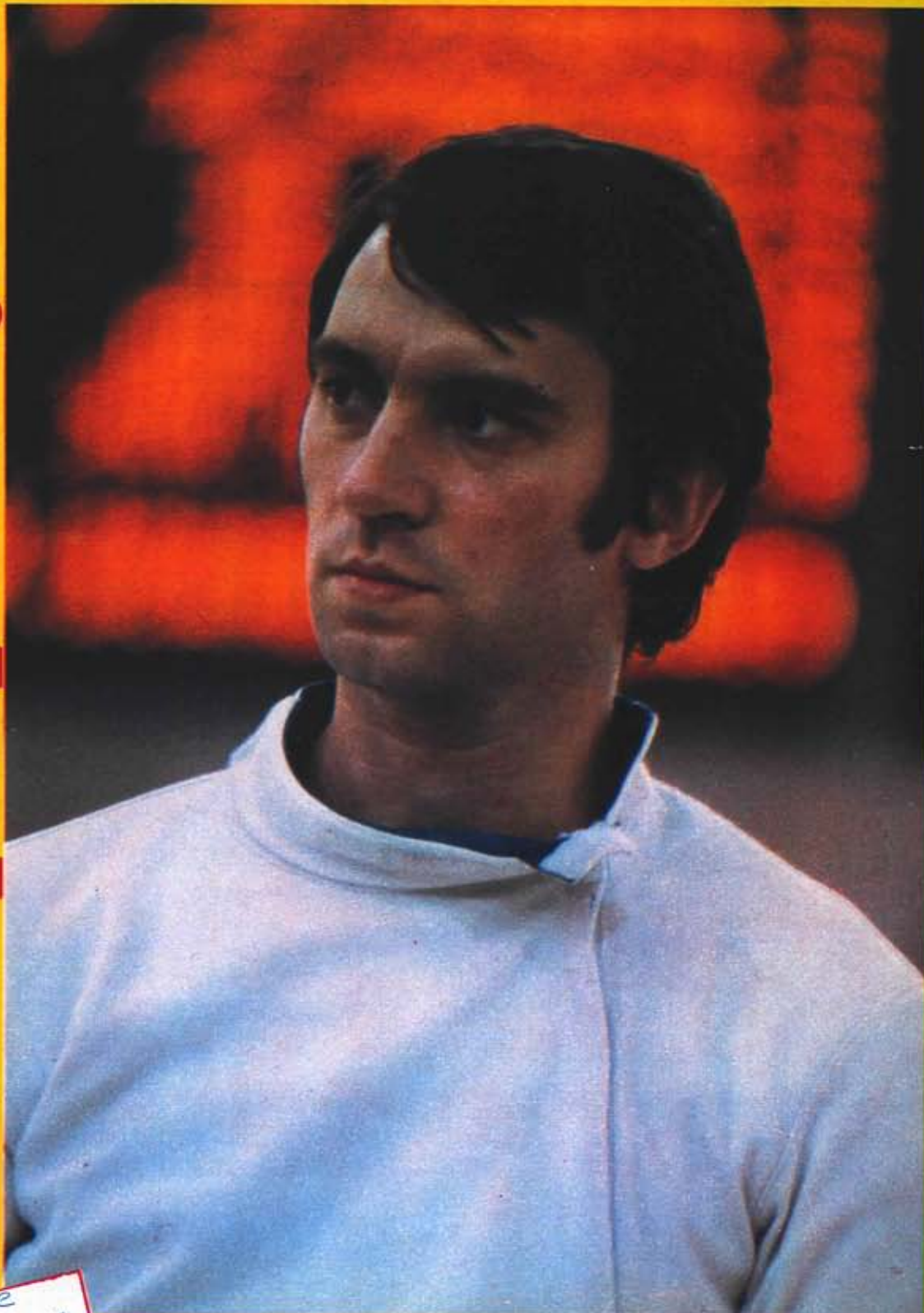
С 1968 года, когда Виктор выиграл молодежное первенство мира, он попал в поле зрения тренеров сборной страны, но при этом целых пять лет был лишь спарринг-партнером одного из лидеров — ныне тоже четырехкратного победителя Олимпиад Виктора Сидяка. Почему именно Сидяка? Секрет в том, что оба они фехтуют левой рукой, оба считаются «неудобными» бойцами, поскольку многие приемы исполняют как бы «наоборот», в зеркальном отображении. Почему же долгих пять лет он стоял у порога сборной? Слишком уж сильной была в то время наша сабельная дружина: на дорожке блистали Сидяк, Марк Ракита, Владимир Назлымов, Эдуард Винокуров, Умар Мавлиханов.

Впасть в отчаяние, забросить куда-нибудь подальше мушкетерские доспехи и отдаться второму после фехтования любимому занятию — истории? Нет, Виктор выстоял, проявил железный характер, как случилось потом не единожды.

В пятидесятых годах было широко известно имя Давида Тышлера, одного из самых ярких наших мастеров сабельного боя. Много побед записал на свой счет Тышлер, кроме одной — на мировом первенстве. То, чего не смог добиться сам, сделал его лучший ученик — Марк Ракита, ставший в конце концов восьмикратным чемпионом мира и Олимпиад. И вот так распорядилась судьба, что Кривошусков, получив первые уроки высшего мастерства у Тышлера, затем оттачивал свою саблю в «творческой лаборатории» Ракиты...

По спортивным меркам Виктор поздно стал чемпионом страны — в 27 лет. Отлично помню тот турнир 1976 года. Проходил он на сцене Дворца культуры Минского автозавода. За полчаса до начала финала довелось наблюдать любопытную сценку — бой между Кривошусковым и... его тренером Ракитой. Бой настоящей, с ведением счета. Кто, вы думаете, выиграл? Ракита — 5:3. Потом он так объяснил рождение этой необычной увертюры к финалу:

Виктор Кривошусков

*Меланше, трюк, терпение-лучшие
конструкторы спортивного мастера
сильная воля и умение превратить
Вашу мечту в реальность*

Спортивный автограф

Фото Юрия СОКОЛОВА

«Я разминаю Вито. Но чувствую, что-то не то — скованный он, непривычно флегматичный. Разозлиться ему, думаю, надо, завестись. Тут подходит Виктор Сидяк, предлагает спарринг-бой. Не разрешаю: мой-то все равно не разозлится — не будут они всерьез драться сейчас, до выхода на решающие поединки. Вот что, я сам сейчас его «заведу»! Ведь Сидяк есть Сидяк, он в силе, а я уже несколько лет не выступаю. Поднатужился, выиграл — и Виктор, вижу, загорелся. А когда он такой, горы свернет».

В часы турнирных «спектаклей» он углублен в себя, чем во многом напоминает актеров. Он будто немеет, надевает маску отрешенности. Но вот окончен последний поединок. И происходит сказочное превращение: Виктор молодеет сразу, беззаботная улыбка блуждает на его разгоряченном лице. Всегда готов к шутке и острому слову. Объясняет такую метаморфозу: «Я по натуре оптимист. Это мое главное оружие».

Пожалуй, он прав. В 1977 году, на турнире команд социалистических стран, Кривошусков получил серьезнейшую травму — разрыв ахиллова сухожи-

лия. Лечь на операционный стол накануне мирового чемпионата — это кого угодно может выбить из колеи. Он же начал борьбу за возвращение в спорт. Гипс, неподвижность, затем осторожные тренировки, когда словно заново учиться ходить. Через полгода все ахнули, когда он появился на розыгрыше Кубка страны и занял второе место! В тот день впервые за многие месяцы тренер и ученик вздохнули полной грудью. Ракита вскинул голову: «Ну, теперь-то он выздоровел окончательно». Через год Кривошусков завоевал звание «первой сабли» мира.

Кривошускова как-то спросили, сколько, мол, он думает еще оставаться на дорожке. Ответил с улыбкой, но и серьезно:

— А знаете ли вы, что венгерский саблист Аладар Геревич выиграл свою последнюю из семи золотых олимпийских медалей, когда ему исполнилось пятьдесят?

И сделал выпад в сторону воображаемого соперника. По всем правилам фехтовального искусства.

Игорь ОБРАЗЦОВ